

SLAVICA SLOVACA

Ročník 57 • 2022 • 1

SLAVISTIKA

Hlavný redaktor: Peter Žeňuch

Redakčná rada:

Mojmír Benža, Erika Brtáňová, Václav Čermák (Česká republika),
Mária Dobriková, Ján Doruľa, Júlia Dudášová-Kriššáková,
Marcello Garzaniti (Taliansko), Roman Holyk (Ukrajina), Adriana Ferenčíková,
Martin Hurbanič, Daniela Konstantinová (Bulharsko), Viera Kováčová, Jaromír Krško,
Šimon Marinčák, Desislava Najdenovová (Bulharsko), Anita Račáková,
Ján Stradomski (Poľsko), Sergejus Temčinas (Litva), Elena S. Uzeňovová (Rusko),
Cyril Vasil', Peter Zubko, Peter Žeňuch

Výkonná redaktorka: Svetlana Šašerina

Technický redaktor: Martin Žeňuch

E-mail redakcie: slavicaslovaca@gmail.com

Adresa vydavateľa a sídlo redakcie:

© Slovenský komitét slavistov, Dúbravská cesta 9, 841 04 Bratislava, IČO: 30842913
© Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, v.v.i., Dúbravská cesta 9, 841 04 Bratislava,
IČO: 31750940

OBSAH

ŠTÚDIE

A. И. ИЛИАДИ – И. В. ЖИГОРА: Триада «дорога, переправа и заречье» в восточнославянском обрядовом тексте: лексика, семантика, прагматика.....	3
M. VOJTEKOVÁ: Nové feminatíva v poľskom jazyku	21
H. КОНДРАТЕНКО: Інавгураційна промова як мовленнєвий жанр президентської риторики в українському і словацькому політичному дискурсі	33
J. KREDÁTUSOVÁ: Z porovnávacieho výskumu o mentalite Slovákov a Ukrajincov: Obraz Slovákov v slovenských a ukrajinských textoch v národných korpusoch.....	47

ROZHLADY

C. ТЕМЧИН: Руськомовный перевод 1563 года чешского Луцидария: структура и состав текста.....	58
K. КАЗАРИНОВА: Евангельский текст <i>Ин 20.19–31</i> в руськомовных учительных евангелиях XVI–XVIII вв.: выделение текстологических групп.....	63
C. ЖУРБА – С. БОРОДИЦА: Художня модель часопростору в романах Володимира Лиса.....	71

SPRÁVY A RECENZIE

M. KUSÁ: Za Jánom Jankovičom (1943 – 2021).....	81
A. BRANDNER: Před sto lety se narodil profesor Roman Mrázek.....	82
Z. SLOBODOVÁ: JÁN DORUĽA: O slovensko-nemeckom spolunažívaní v 16. – 18. storočí.....	84
P. ŽEŇUCH: Zborník k jubileu profesorky PhDr. Marty Pančíkovej, CSc.....	87
H. DUDA: GALEWSKA, K.: Wtórne užycie nazw własnych na przykładzie języka polskiego, angielskiego i chińskiego	89
J. ГАЛЛО: Межъязыковая омонимия при обучении словацких студентов- русистов и русских студентов словакистики в оригинальном учебнике Ф. Калаша	91
P. ŽEŇUCH: Komunikácia ako kultúrna axióma cyrilo-metodskej misie v Európe.....	94
S. ŠAŠERINA: K otázke o formovaní kresťanskej identity západných Slovanov.....	95
P. ŽEŇUCH: Zo zasadnutí Slovenského komitétu slavistov	96

SLAVICA SLOVACA

Ročník 57 • 2022 • 1

SLAVISTIKA

ŠTÚDIE

АЛЕКСАНДР И. ИЛИАДИ – ИРИНА В. ЖИГОРА*

Триада «дорога, переправа и заречье» в восточнославянском обрядовом тексте: лексика, семантика, прагматика

ILIADI, A. I. – ZHYHORA, I. V.: The «Road, Crossing and Lands beyond the River» Triad in the East Slavic Ritual Texts: Lexics, Semantics and Pragmatics. *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 1, pp. 3-20 (Bratislava).

The paper offers detailed consideration of actional and verbal aspects of the triad of the ritualized actions «road», «crossing» and (reaching of) «lands beyond the river», which forms the basis of the East Slavic burial rite. Due to the linguistic specifics of the study the authors put their preferential attention to the language of the burial ritual, which is folklore texts (keening, spells, ritual precepts), their vestiges, separately existing as idiomatic phrases and separate words with peculiar semantics. Being the verbal counterpart of the ritualized action, textual information not only shows the interconnection between three stages of the burial ritual, but also encourages thinking about possible existence of mythological texts in the past, where the path of the dead is described – starting from gathering to the road, ritual precepts, and entering the Paradise extents.

Etymology, burial ritual, semantics, keening, spells.

Введение. Акциональный аспект проводов умершего у славян подробно изучен в рамках целого комплекса гуманитарных дисциплин – этнографии, фольклористики, мифологии, истории, археологии. Собственно, славистика имеет одну из старейших традиций научной разработки этого культурного обычая, опыт исследования которого описан в богатой литературе, где каждая фаза обряда проводов получила детальное описание с указанием её особенностей в разных этнографических ареалах. В кругу многих, бесспорно, важных аспектов изучения похоронного ритуала нам хотелось бы специально выделить лингвистический, а именно – исследование элементов *текста* ритуализированного действия, связанных с характеристикой последнего путешествия умершего и его конечного пункта – могилы или загробного мира. Поэтому **объект** изучения в настоящей работе – лексико-фразеологические особенности русских (карельских, вологодских, ярославских, пермских, тверских, владимирских), украинских (подольских, среднеподнепровских, полесских, карпатских, галицких, степных) и белорусских (брестских, витебских, гродненских, минских, могилёвских и др.) обрядовых текстов (плачей), сопровождающих *rites de passage* умершего в мир

* Александр Иванович Илиади, доктор филологических наук, заведующий кафедрой методик дошкольного и начального обучения, e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com; Ирина Валерьевна Жигора, кандидат филологических наук, доцент кафедры методик дошкольного и начального обучения, e-mail: i.zhugora@gmail.com; Центрально-украинский государственный педагогический университет им. В. Винниченко, ул. Шевченко, 1, г. Кропивницкий, 25006, Украина.

иной; их сюжеты сохраняют следы языческих мифов о перемещении души по дороге мёртвых, преодолении ею границы на пути к заречному раю и достижении самого рая. Дополнительно привлекаются духовные стихи; заговоры (идеологически смыкаются с текстами двух уже указанных жанров); рассказ о хождении души на «тот свет»; внетекстовые единицы-носители той же мифопоэтической и терминологической семантики – фраземы и отдельные слова. Будучи архаичными уже в силу принадлежности к языку фольклора (разновидность устного койне с устойчивой во времени системой лексических средств и формульных выражений) и закреплённости за обрядом, они (тексты), наряду с позднейшими наслоениями, содержат пережитки поэтического языка древнерусской эпохи, а в некоторых случаях и праславянского времени. Именно поэтому в сумме они (пережитки) могут быть определены как *элементы* архаичного текста похоронной обрядности, т. к. сколько-нибудь полный текст этого жанра (как, впрочем, и любого другого) устного творчества древних славян не доступен для реконструкции из-за большого количества инноваций и переосмыслений исторической эпохи.¹ Этот текст – спутник языческого ритуала, атрибуты которого ещё в начале прошлого века распознавались в сумме деталей славянской похоронной обрядности. Их комплекс можно называть **архаичным обрядом погребения**, сопрягая с ним текстовые данные.²

Критерии отбора материала. Рассматриваемые ниже *элементы архаичного текста похоронного ритуала* – это языковые единицы, закреплённые за комплексом образов и сюжетов, связанных с обрядовым действием, т. е.: 1) устойчивые поэтические выражения как обязательный атрибут языка восточнославянских причитаний (иногда и духовных стихов); 2) фразеология с идеей сборов, проводов умершего и его преодоления пути на «тот свет»; 3) лексика, принадлежащая словарю погребальной обрядности.

Условно к возникшим в древнерусский период можно отнести формульные выражения, подтверждаемые текстами трёх восточнославянских языков. Аналогично и с фактами, документированными в двух языках при условии, что они локализованы вне контактного для их говоров ареала. Если же для восточнославянских примеров существуют близкие южнославянские текстовые соответствия (специально приводятся в каждом случае), то целесообразно допускать здесь общее, праславянское наследие. Сложнее с единичными фиксациями, степень древности которых не всегда ясна.

Краткий обзор изучения восточнославянских обрядовых текстов с концептами «дорога», «переправа», «заречьё». Вся специальная литература, необходимая для предлагаемой штудии, приводится далее по мере разбора материала, здесь же мы делаем некоторые обобщения относительно основных вех и направлений изучения наших концептов. *Первый этап.* Как и любому другому направлению в науке, исследованию вербального кода ритуала погребения предшествовало накопление фактологии –

¹ Неизвестен и весь набор смысловых компонентов самого ритуала у восточных славян: сравнительно полное представление о пути в загробный мир в отдельной причете встречается редко, т. к. «древняя целостная система взглядов на природу смерти человека в XIX–XX вв. была уже разрушена». См. Чистяков, В. А.: Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. In: Обряды и обрядовый фольклор. Москва: Наука, 1982, с. 126.

² См. главу «Детали языческого обряда захоронения в инвентаре погребений христианских некрополей». In: Панова, Т. Д.: Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. Москва: Радуница, 2004, с. 147–153.

текстов плачей, голошений за умершими, где реализуются элементы нашей триады. Так, основой и источником идей для зарождающейся новой области гуманитарного знания стали богатейшие материалы Е. В. Барсова (1872), О. Х. Агреновой-Славянской (1889), П. В. Шейна (1873, 1900), В. Н. Добровольского (1893), А. Н. Соблева (1912), А. Н. Малинки (1898), И. Свенцицкого (1912), В. Гнатьюка (1902, 1912), Б. Б. Ефименковой (1980), собрания ярославских плачей (Ярославский фольклор, 1938), русских плачей Карелии (1940), украинских (Голосіння / Упоряд. І. Коваль-Фучило. Київ, 2012), текстов белорусских плачей (1986, 2011; отчасти в: Традиційная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 4. Мінск, 2008, с. 396-421; Т. 6, Кн. 1. Мінск, 2012, с. 593-636) и др. Ключевые для нас текстовые понятия в это время специально не выделяются на общем фоне ритуализированных действий, но объективно приводимые варианты текстов с описанием пути и переправы обращают на себя внимание.

Второй этап. Никакое накопление фактов не является самоцелью: их анализ приводит к выводам, актуальным для нескольких гуманитарных дисциплин, потому уже во второй половине XIX–начале XX вв. появляются работы, где извлекаемые из фольклорных текстов ценные историко-культурные сведения подвергаются комплексному филологическому и историческому анализу. Классические примеры такого рода штудий принадлежат А. А. Котляревскому (1868), Д. Н. Анучину (1890), А. Н. Веселовскому (Работы о фольклоре на немецком языке (1873–1894). Москва: ИМЛИ РАН, 2004), А. Н. Соболеву (1913), которые сумели показать, как текст погребального ритуала в сумме с его обрядами можно использовать для реконструкции мирозерцания древних славян, их мифологии, связанной со смертью. Например, последний подробно для своего времени разобрал языческие мифологемы: а) водной границы, разделяющей миры живых и мёртвых, и переправу через неё; б) передвижение по дороге мёртвых. Далее сбор материала непрерывно сопровождался его теоретическим осмыслением, но преимущественно в этнографическом или фольклорном, но не лингвистическом разрезе, ср. работы П. Г. Богатырева (1971: о передвижении покойника на снях, запряжённых волами), чьей заслугой был опыт применения синхронного (статического) метода Фердинанда де Соссюра к фольклорному и этнографическому материалу, а позже – В. А. Чистякова, который один из первых обратился к представлениям о *дороге* в загробный мир в похоронных причитаниях, в частности, он подробно характеризовал атрибуты пространства перемещения умершего, его сопряжённость с миром живых (1982) и др.

Третий этап. С начала 80-х годов прошлого века появляются собственно лингвистические разработки текстов похоронных плачей. Заданные этими исследованиями направление и методика анализа лексики и фразеологии для обозначения интересующих нас понятий актуальны по сей день. Работы этого периода можно условно разделить на три категории: 1) лингво-культурологические, где через соотношение текста и ритуала решается проблема «слов и вещей», анализируется мифологическая картина мира, отражённая в слове, ср. штудии А. Б. Страхова (1983), Л. Г. Невской, Т. М. Николаевой, И. А. Седаковой, Т. В. Цивьян (1998), А. А. Плотниковой (2009), О. О. Микитенко (Балканослов'янський текст поховального оплакування: прагматика, семантика, етнопоетика. Київ : ІМФЕ, 2010), С. М. Толстой (2015), Д. Н. Фатеева (2015), Е. Л. Березович, В. С. Кучко, О. Д. Сурикова (2016); 2) лингво-семиотические, сориентирован-

ные на выявление в тексте пространственного кода локуса смерти, вызванной смертью трансформации мира и сознания (мироощущения) членов семьи умершего, ср. работы Л. Г. Невской (1990), а также У. М. Сысоў: Беларуская пахавальная абраднасць. Структура абраду. Галашэнні. Функцыі слова і дзеяння (Мінск: Навука і тэхніка, 1995); 3) собственно лингвистические, чья цель – рассмотрение форм и способов обозначения смерти в тексте, описание семантического поля «Смерть», ср. исследования С. М. Толстой (2008), Ю. Н. Ильина (2007), О. А. Седаковой и пр. Собственно, предлагаемые ниже наблюдения относятся к третьей категории, т. к. посвящены выявлению способов лексической и фразеологической объективации триединства дороги-пути, переправы и заречья-рая в языке фольклора.

1. Концепты. «Дорога/путь», «переправа/мост» и «заречье/тот свет» связаны в обрядовом тексте, который в славянской культуре погребения сопровождает ритуальное действие в качестве его вербального «двойника». Линейность актов «преодоление пути к месту упокоения» → «переход через переправу на «тот свет»» → «достижение места упокоения» в ритуале, отражённая в его тексте, побуждает выделить триаду в обоих планах ритуала – акциональном и вербальном. Триада лежит в основе *всей* суммы актов, относящихся к похоронам.

1.1. Подготовка к дороге. Дороге предшествует «снаряжение» умершего. По сути сборы – это уже дорога, её начальная фаза: субъект ритуала отправляется по пути в мир иной ещё в момент агонии, когда он ещё жив, и этот факт имеет языковые маркеры – выражения, подобные рус. *его душа на пути*, блр. *он стаіць на дарозе на выхат* и пр. (см. далее). Смерть меняет статус персонажа, перемещая его на дорогу в ином пространстве, к которой умершего готовят/собирают. В сугубо этнографическом смысле это сложный акциональный комплекс (обряжение покойного, ночное бдение и ритуальные игры над ним и т. п.), состав которого в той или иной мере варьируется по регионам. Но лингвистически, вербально идея подготовки к последнему пути (или отправки по нему) реализована в текстах, где семантика ‘умереть’ эксплицируется возвратными глаголами *с-(на-)рядиться*, *об-/су-рядиться* (укр. диал. *від-ражатися*, *ви-рижитися*), *со-/у-браться* (укр. *у-/ви-/за-биратися*), *сподобиться*, *наладиться*, *сокрутиться*, *отправляться* (наблюдается использование единиц с иным грамматическим значением: *с-по-кинуть*, блр. *пакінуць*, укр. *(по-)кидати*, *лишати*, *об-лишати*, *йти*), укр. диал. *отдалятися* и под. В украинских текстах иногда наблюдается парное использование (*об-)* *лишити* & *покинути*; *вибиратися* & *вири(д)жатися*; *убиратися* & *кидати*, а в русских – *с-рядиться* & *сподобиться*; *с-(на-)ряджась* & *отправляться* и тавтологичное *с-нарядиться* & *об-рядиться* (см. ниже). Метафорическое словоупотребление глаголов «собраться, приготовиться → умереть», «отправиться в путь → умереть», реализующее пространственный код погребального действия, прослеживается в северно-русских похоронно-поминальных причитаниях. Использованные в обращении к умершему, глаголы тут обозначают разные этапы пути-дороги: 1) сборы в дорогу (*с(на)рядиться*, *сокрутиться*, *наладиться*, *сподобиться*, *собраться*); 2) перемещение в пространстве (*удаляться*, *отправляться*, *уйти/пойти*, *уехать*). Отсюда и концепты «смерть как сборы дорогу» и «смерть как отправление по пути». В некоторых примерах оба концепта («снарядиться, собраться» & «отправиться, покинуть») следуют друг за другом, выстраиваясь в «парадигматический ряд, члены которого по вертикали семиотически уравни-

ниваются; так создается набор синонимических средств, которые в реальных текстах могут или заменять друг друга, или выступать вместе, усиливая смысл повторением».³

Рус.: «А дорогой ты мой, да ладо милое, / [...], / Уж ты куды у меня, горе, *сряжаишься?* Уж ты куды, мое, да *отправляешься?*»,⁴ «Ты куды да *отправляешься?* Ты куды да *снаряжаешься?* В путь во дальнюю ль дороженьку ...», «Уж ты куда да *снарядилася*, / Ты куда да *обрядилася* / Во матушку да в сыру землю», «*Спокинул* меня, молодешеньку»,⁵ «Ты куды *собралася-то*, ты куда *наредилася-то?*»,⁶ твер. «мила сестрица! / Уж куды да ты *сподобилась?* / Уж куды ты *сурядилася*, / Во котору путь-дороженьку, / [...] / *Сурядилась* ты *сподобилась* / На вечное житье бесконечное», «Уж ты куды да *снаряжаешься*, / Уж ты куды да *сокручаешься*; / [...] *Оставляешь* ты нас бездетных, / *Покидаешь* нас [...]».⁷

Блр.: гродн. «Куды ж ты, мой татачка, *выражаєшся*, / Адкуль жа мне цябе ажыдаць?», мин. «[...] што жа вы, родны баццюшка, уздумалі? Какою вы дарожкаю *сабраліся?*», «А ў далёкую дарожаньку так хорашанька *прыбраўся?*», брест. «А мая мамачка [...]! / А нашто ж ты мяне *пакінула* [...]?», витеб. «Матанька мая мілая! / Куды ж ты *прыбралася*, у якую дарожаньку?»,⁸ «сынко [...], / А куды ж ты от нас *собраўся?* / А куды ж ты от нас *снарядився?*», «А чаго ж ты ляжыш [...]? / А куды ж ты от нас так скореньку *убралася?*».⁹

Укр.: «Дружно моя! Куды ж ты *убыраєся?* Нащо ты мене *кидаєш!*»,¹⁰ «Доню моя! Куди ти від мене *забіраєся?* На кого ти мене *покидаєш?*», «Княгине моя любя, / Що ти мене так *облишила?*», «Княгине моя! / Куди ж ти *вибираєшся*, / Куди ж ти се *убралася?*», «Доню моя, голубочко, да куди ж ти од мене *одражаєся?* Да чи тут же тобі надоіло жити на білому світі?», «Куди ти *вибираєшся*, куди тя *виражаєшся?* Та на кого ти своїх дітей *кидаєш?*».¹¹

Лексическая экспликация сборов умершего в последнюю дорогу посредством глаголов со значением ежедневно выполняемого, привычного действия имеет явную перекличку с текстом сербского причитания матери за дочерью: «Куку, ћерко, *обукла се?* / Куку, ћерко, *умила се?* / [...] / Куку, ћерко, *заложила?* / Куку, ћерко, *црну напру?*»¹² (ср. ниже русскую загадку).

Впрочем, «сборы» в дорогу подчас обозначаются иносказательно – без использования указанных глаголов, что продиктовано самим жанром высказывания – загадкой,

³ См. Невская, Л. Г.: Балто-славянское причитание: реконструкция семантической структуры. In: Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. Москва: Наука, 1990, с. 141 (применительно к текстам с преобразованием 'быть теплым' – 'быть/стать холодным', 'быть светлым' – 'быть/стать темным').

⁴ Ильина, Ю. Н.: Концептуализация смерти в севернорусских похоронно-поминальных причитаниях (глаголы с общим значением 'умереть'). In: Вестник Челябинского государственного университета, 20, 2007, с. 67.

⁵ Шейн, П. В.: Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Санкт-Петербург, 1900, т. 1, вып. 1, с. 781, 783, 785.

⁶ Березович, Е. Л. – Кучко, В. С. – Сурикова, О. Д.: Заговоры и причитания на востоке Вологодской области. In: Живая старина, 2 (90), 2016, с. 44.

⁷ Причитания Северного края, собр. Е. В. Барсовым. Часть I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. Москва, 1872, с. 162, 45.

⁸ Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Мінск: Навука і тэхніка, 1986, с. 197, 202, 208, 230, 235, 270.

⁹ Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Семейно-обрядовые песни и причитания. Новосибирск: Наука, 2011, с. 498, 512.

¹⁰ Малинка, А. Н.: Малорусские обряды, поверья и заплачки при похоронах. In: Этнографическое обозрение, 1898, 3, с. 104.

¹¹ Свенціцкі, І.: Похоронні голасіння. In: Этнографічний збірник, XXXI–XXXII, 1912, с. 41, 42, 45, 46, 47, 128, 232.

¹² Обичаји народа српскога. In: Српски етнографски зборник, књ. II. Београд, 1909, књ. 14, с. 252.

ср. рус. перм. «Обулся не так, оболокся не так, / Завалился в ухаб и не вылезти никак» или «Умылся не так, оделся не так, / Поехал не так, в яму – бряк» (покойник),¹³ где приготовление эксплицируется через *умыться, одеться (оболоктісь)* и *обуться*. Это пример того, как в мифо-поэтическом мышлении смерть создает диссонанс между привычными (для жизненного цикла) действиями человека и их изменившейся (после смерти) сущностью, что лексически оформляется использованием отрицательной формы наречия. Оценка такого рода преобразований занимает значительное место в ритуальных текстах, формируя открытый парадигматический ряд противопоставлений положительного и отрицательного признаков.

В перечисленных контекстах метафора – лишь технический приём, цель которого – не просто образное обозначение кончины, но создание конструкции, описывающей произошедшее необратимое неконкретизированное изменение жизни семьи и мира вокруг неё. Незнание (= неопиcуемость) изменения только повышает уровень трагизма ритуализованного действия и пафос самого текста, делая его образцом высокой поэзии. Эмоциональный накал усиливается введением вопросительной формулы с наречием места (или эквивалентной ему конструкцией с существительным и местоимением) и предикатами *глядеть, ждать* – (укр.) *ждати, дождити, визирати, виглядати, сподівати* – (блр.) *переймаць, ждаці, ажыдаць, дажыдацца, шукаць, гукáць, паглядаці, выглядаці, пазіраць, ўстрачаць*, наделённой риторическим смыслом. Она подчёркивает безвозвратность потери, растворение умершего в неопределённости загробного мира: «Мне с которой ждать тебя сторонники? / На кою глядеть путь широку дороженьку?»,¹⁴ укр. «Дитятко моє, любе та миле! Куди ж ти убираєс ся? / Відкіля тебе визирати, відкіля тебе виглядати?», «Коли ж тебе дождити, коли ж тебе сподівати?»,¹⁵ блр. «А із якой дарожкі я цябе буду ждаці?», «Куды ж ты, мой татачка, выражаешся, / Адуль жа мне цябе ажыдаць?», «А дзе ж мне цябе шукаць? З каторага боку мне цябе гукáць?», «Адуль цябе тут паглядаці: / А з каторага староначкі», «А куды ж мне цябе дажыдацца, / А куды ж мне цябе пазіраць?»¹⁶ и др.

1.2. Дорога. Язык вост.-слав. фольклора и корпус диал. фразеологии часто так характеризуют умирающего: он (блр.) *стаіць на дарозе на выхат*,¹⁷ его (рус.) *душа на пути* = человек умирает (ср. близко арх. *удорожитъ* ‘доставить кого-нибудь побоями до смерти’),¹⁸ что он (рус. брест.) *собирается в дорогу, дивится в дорогу, уже на дороге, ёму дорога буде прямая, волог. чтоб ему по путям было, на путь поставит*.¹⁹ В последних двух примерах речь идёт об обычае класть умирающего вдоль половиц, в связи с чем упомянем и бытовавшее у крестьян Новгородской губернии XIX в. ритуальное предписание укладывать умершего в доме определённым образом: «Тело покойника [...] одевают его в чистое бельё и кладут на лавку, которая идет вдоль пола, а не попе-

¹³ Русские народные загадки Пермского края. Санкт-Петербург: Маматов®, 2012, с. 97.

¹⁴ Чистяков, В. А.: Представления о дороге в загробный мир, с. 124.

¹⁵ Свенціцький, І.: Похоронні голосіння, с. 36, 37.

¹⁶ Пахаванні. Памінкі. Галашэнні, с. 197, 209, 211, 215, 230, 269, 297, 328.

¹⁷ Цит. по Невская, Л. Г. – Николаева, Т. М. – Седакова, И. А. – Цивьян, Т. В.: Концепт пути в фольклорной модели мира (от Балтии до Балкан). In: Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. Москва: Наука, 1998, с. 444.

¹⁸ Котляревский, А.: О погребальных обычаях языческих славян. Москва, 1868, с. 194, 195.

¹⁹ Толстая, С. М.: Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. Москва: Индрик, 2008, с. 447.

рек».²⁰ Близкая аналогия обычаю готовить прямую дорогу умершему прослеживается в обряде расплетания волос у девушек Прикарпатья, ср. «як рознесеться вістка про смерть, зараз усі дівчата (кревні) розплітають волосся: «*аби єму (помершому) дорога не була заплетена на той світ*»²¹ и в русском плаче «И пошто́ вы все немываны, нечёсаны, / по плечам косицы мо́храми разбро́саны?».²² Точно так же ещё в конце XIX – начале XX вв. делали сербские женщины Слпа («*На дан смрти блиског рођака жене иду с расплетеним косом*» (но символом печали является не это, а чёрный головной платок, что специально подчёркивается)²³ и Любиня в Герцеговине («*расплећу жене косе, па их не сплећу за дуго времена*»)).²⁴ Таким образом, прямой путь с отсутствием каких-либо препятствий ритуально предопределяется ещё до отправки по нему усопшего, а предстоящая дорога, начало пути вербализуются в контекстах такого рода, как рус. «Путь-дорожка показалася, – / Путь-дорожка короталася; / Не нарадуйсе-ко, Троица, / Пресвятая Богородиця!».²⁵ Это значит, что вербально концепт дороги/пути часто эксплицируется ещё до того, как умерший покидает дом. Более того, он зеркально отображается в языке родинной обрядности: здесь о ребёнке, который вот-вот родится, также говорят, что он «стоит на пути», ср. болг. *стои на път*, серб. *дете је на путу*.²⁶ Такие устойчивые выражения не просто используют общую с похоронным обрядом «пространственно-двигательно-дорожную» символику,²⁷ а показывают общие элементы обрядового текста.

Идея пути-дороги в языке похоронного ритуала у восточных славян эксплицируется неравномерно. Где-то она выражена комбинациями клишированных фраз, где фигурируют *путь*, *дорога* с различными атрибутами, но в некоторых ареалах, наряду с такими поэтическими оборотами, отмечаются обозначения умершего, названия обрядовых хлебов с корнями *дорог-* и *пут'-*, ср. укр. степн. *путне* собир., *путній хліб* ‘каравай, который кладут на крышку гроба’, *подорожани* ‘мёртвые’, а также эвфемистические конструкции (*він/вона*) *вже на путі; його в доріженьку позвали; на дорозі*.²⁸ Однокоренные слова с тем же обрядовым значением распространены в болгарских говорах Равны и Странджи: *пътнина* ‘хлеб, который дают на кладбище тем, кто вырыл могилу’, *пътнинки* ‘обрядовые хлебы’, *пътник* ‘покойник’, ‘умирающий’, *пътнина* ‘хлеб, который едят при покойнике’.³⁰ Нам

²⁰ Шейн, П. В.: Великорус в своих песнях, обрядах, с. 779.

²¹ Свенціцький, І.: Похоронні голосіння, с. 233.

²² Агренева-Славянская, О. Х.: Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. Часть III. Тверь, 1889, с. 37.

²³ Филиповић, М.: Етнолошке белешке из северних велешких села. In: Гласник етнографског музеја у Београду. Београд, 1932, Књ. 7, с. 73.

²⁴ Лилек, Е.: Вјерске старине из Босне и Херцеговине. In: Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1894, knj. VI, s. 22, 23.

²⁵ Шейн, П. В.: Великорус в своих песнях, обрядах, с. 781.

²⁶ Приведены по Невская, Л. Г. и др.: Концепт пути в фольклорной модели мира, с. 444.

²⁷ Там же: о взаимных отсылках между ритуалами родов и кончины см. Толстая, С. М.: Общие элементы в ритуальном оформлении родов и кончины (на материале балканославянских традиций). In: Балканские чтения. 1: Симпозиум по структуре текста. Москва, 1990, с. 99-101.

²⁸ Жигора, І. В.: Анкетування в системі методів діалектології: збирання обрядової лексики та фразеології (науковий звіт). Кіровоград, 2016, с. 7.

²⁹ Седатова, И. А.: Похоронно-поминальная обрядность болгарского села Равна: Словарь. Материалы. Ареальный комментарий. In: Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы пятого рабочего совещания. Санкт-Петербург: Наука, 2003, с. 104.

³⁰ Плотникова, А. А.: Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. Москва: Институт славяноведения РАН, 2009, с. 45.

также известны примеры семантического варьирования единой в структурно-этимологическом отношении лексемы: в одном ареале она засвидетельствована в ритуальном употреблении, тогда как в другом она никак не связана с языком обрядовых актов. В частности, точный русский аналог болг. диал. *пътнина* лишён ритуального значения, ср. смол. *путніна* 'что-либо хорошее, годное для дела'.³¹

Неравномерность в распределении лексики и фразеологии обрядового действия по ареалам имеет несколько причин. 1. *Этнолингвистические*, проистекающие из наличия/отсутствия специального термина для реалий, действий, а также определяющиеся степенью сохранности терминологии ритуализированных актов. 2. *Этнографические*, обусловленные наличием/отсутствием определённого круга реалий, обрядовых актов и сопряженных с ними мифологических представлений.³² Последняя дорога в языке похоронной обрядности славян характеризуется через клишированные обороты с различными эпитетами, которые доносят отголоски мифологических представлений о пространстве потустороннего мира и его части – пути мёртвых. Предварительное наблюдение за текстами восточнославянского фольклора позволяет свести мнимое многообразие в понимании пути мёртвых к сумме инвариантных смыслов.

1.2.1. «Большая дорога». Рус. «Ой, час пошла родна мамушка. / Ой, из высокого терему, / Ой, по мостам белодубовым, [...] / Ой, на большую дороженьку!», блр. «Сабраўся же ты, [...], ў вялікую дарогу ...».³³

1.2.2. «Темная/неизвестная [дальняя] дорога». Конечный пункт пути не определён, что в конце – неясно, *загробный мир не локализован*: рус. сев. «Хоть не дальняя дорожка – безизвестная», костром. «Проводить в далекий путь-дороженьку, / Во дороженьку незнакомую, [...] На тот тебе белый свет»,³⁴ укр. подол. *далека путь ниглядна* = последний путь умершего,³⁵ косов. «мамко, [...] так далеко ви сі вирежете, в таку дорогу велику смутну»,³⁶ блр. «А куды ж ты, мой Валодзечка, сабраўся? [...] У дарожаньку нікому не вядомую. / А з той дарожанькі ніхто дамоў не прыходзіць», «А я ж цябе выпраўляю ў доўгую дарожку – / Невядомую, незнакомую».³⁷

Впрочем, неопределенность направления последнего пути человека выражается не только через отрицание; часто в текст причитания вводится клише *дальняя сторона*, укр. *далека стороночка*, ср. рус. влад. «Выйду я пойду во чисто полюшко, / [...] / Не идет ли наш желанный батюшка / С чужой, с дальней сторонюшки!»,³⁸ укр. стрыйск. «Устань, устань, подивися на мя! Йойой, дитинко ти моя, ў далеку йдеш стороночку».³⁹ Реже представлены обороты с адъективом *смутный* (ср. выше укр. *дорога велика смутна*). Но неизведанность дороги, принадлежащей иному миру,

³¹ Словарь русских народных говоров. Санкт-Петербург: Наука, 1998. вып. 33, с. 154.

³² Схожая ситуация у болгар. См. Седакова, И. А.: Похоронно-поминальная обрядность, с. 96.

³³ Ефименкова, Б. Б.: Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). Москва, 1980, с. 103; Пахаванні. Памінкі, с. 211, 216.

³⁴ Причитания Северного края, с. 4; Смирнов, В.: Народные похороны и причитания в Костромском крае. In: Костромское Научное общество по изучению местного края. Кострома, 1920, вып. XV, с. 45, 100.

³⁵ Жигора, И. В.: Анкетування в системі методів діалектології, с. 22.

³⁶ Свенціцький, І.: Похоронні голосіння, с. 83.

³⁷ Пахаванні. Памінкі. Галашэнні, с. 302, 311.

³⁸ Соболев, А.: Причитання над умершими Владимирской губернии. In: Этнографическое обозрение, 3–4, 1912, с. 2 (отд. оттиск).

³⁹ Свенціцький, І.: Похоронні голосіння, с. 43.

в исполнении плакальщиц нередко передаётся вопросом с местоимением *какая*, ср. рус. влад. «Родимый мой батюшко! / [...] / Куда это ты от нас собираешься? / В *какую дальну путь-дороженьку?*», блр. витеб. «Матынька моя милая! / Куды ж ты прибралась *ў якую дороженьку*». ⁴⁰

1.2.3. «Трудная, не проторенная дорога с препятствиями». Во многих фольклорных текстах путешествие на «тот свет» сопровождается описанием преград, которыми «тот» свет отделён от мира живых. Горы, дремучие, тёмные леса, вбитые в землю ножи, а часто и болота, потоки, реки, пропасти, через которые ведут только узкие мосты, досточки, – вот основные преграды на пути умершего. Введение этих препятствий в текст причитаний имеет, как минимум, две причины. 1. Передаёт ощущение длительности пешего путешествия через перечисление преград, встающих перед умершим по дороге в загробный мир, ⁴¹ подчеркивает его отдалённость от мира живых. 2. Характеризует топографию «того» света, в пределах которого лежит дорога мёртвых. Иногда сама дорога вводится во вторую очередь, после прочих топографических деталей (преград), само наличие которых подразумевает не всегда линейное продвижение умершего к цели в ином пространстве.

Итак, препятствия: рус. «Уж ты пойдешь, сердечно дитятко, / Пойдешь по тем путям-дороженькам, / По лесам да по дремучим, / По болотам по седучим, / По ручьям по презрубым, / Пойдешь по узеньким тропиночкам, / Пойдешь по частому вересинничку», ⁴² «Будет улличка ходить – да не широкая, / Путь-дорожинька вот им да не торнешенька», ⁴³ «Я прошупала-то великое родительско жаланыице / За горушки-то высокия, за лесушки за темныи, / За облачки-то ходачии, за водушки стоячии [...]», ⁴⁴ укр. (сон о посмертном путешествии) «По довгій і тяжкій хоробі прийшло ся мені попрощати з тим світом – я умерла, неначе заснула, та бачу, що я вийшла у поле, а перед мною стоять мої покійні діточки. Вони митю прибігли до мене, взяли мене за руки та стали *вести* якимсь лісом – долами, довго-предовго. Привели мене на *дорогу*, а на ній *стоять густо-прегусто* *острі ножі*, повбивані вістрем до гори. Ось *тою дорогою*, по тих *ножах*, треба вам, мамо, *перейти* [...]». ⁴⁵

1.2.4. «Далёкая дорога на «тот» свет». Рус. северн. «Не везите-тко, ступисты вы лошадушки, / Оступитесь-ко вы на дорожке на широкой, / На *широкой дорожке в путь далекой*, / Привезите-тко родителя назад сюда!», костром. «Проводить в *далекий путь-дороженьку*, / Во дороженьку незнакомую, / Во матушку во сыру землю», ⁴⁶ укр. подол. «Бо ви вже в *далекій дорозі* / Он пішли вже на *той світ*», косов. «Ский ти ничемний став, / В *еку далеку дорогу* ти си вибрав!», ⁴⁷ блр. «А мой ты сыночак, / [...] / У *якую далёкую дарогу* ты сабраўся?», «Мая мамачка [...] / Куда ж ты от нас убираицца? / В *якую ж дорожачку дальняю?*». ⁴⁸ Аналогично и в поэт. языке южных

⁴⁰ Соболев, А.: Причитанья, с. 1; Шейн, П. В.: Белорусские песни. In: Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии, т. 5, 1873, с. 655.

⁴¹ Ср., напр., Чистяков, В. А.: Представления о дороге в загробный мир, с. 118-119.

⁴² Чистяков, В. А.: Представления о дороге в загробный мир, с. 118-119.

⁴³ Причитания Северного края, с. 1.

⁴⁴ Агренева-Славянская, О. Х.: Описание русской крестьянской свадьбы, с. 5.

⁴⁵ Гнатюк, В.: Галицько-руські народні легенди. Львів, 1902, т. II, с. 64.

⁴⁶ Причитания Северного края, с. 288; Смирнов, В.: Народные похороны и причитания, с. 45.

⁴⁷ Свенціцький, І.: Похоронні голосіння, с. 88, 67.

⁴⁸ Пахаванні. Памінкі. Галашэнні, с. 335; Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока, с. 291.

и западных славян. В сербском причитании к мертвому обращаются с вопросом «*ће ћеш господаре, на том тамо путу далекоме оклено се никад не долази*», XIX в., в словинском причитании: «*na dalek mi ti put ode s kog te neču dopogledat*», в чешском «*na daleku cestu se strojiti*» = умирать.⁴⁹

1.2.5. «Дорога печальная, невесёлая». Рус. «[...] во *дорожку* збираласе, в *дальную да печальную*»,⁵⁰ укр. черниг. «*Яка твоя дорыженька смутна та невесела! / Яка твоя хаточка темна да невидная, [...]*»,⁵¹ блр. «*А куды ж ты, мой Валодзечка, сабраўся? / У якою дарожку невясёлую [...]*».⁵²

1.2.6. «Дорога, которой не миновать». Рус. дон. «старика бают, казак може три раза смерть облыгать, только будя и его черёд на *дорогу неминучую* стать»,⁵³ укр. диал. *неминующая дорога*, XIX в. – поэтическое обозначение смерти.⁵⁴ Экспликация идеи пути, всегда несущего в себе некую неопределённость; он предсказан, обозначен заранее, и его нельзя избежать.⁵⁵

1.2.7. «Дорога мертвых вне мира дорог живых». В текстах причитаний оплакиваемый нередко именуется *гостем*. Глубинная семантика слова очень точно отражает понимание участниками обряда происходящую в его процессе «перемену статуса человека, превращение его из принадлежащего своему социуму в «чужого» [...]».⁵⁶ Более того, фольклор показывает, насколько далеко заходит превращение: оно затрагивает и геометрию мира оплакиваемого, т. к. он представляется едущим (идушим) по дороге, *не смыкающейся с миром, где остались живые*. Ср. укр. степ. «[...] В далеку їдеш сторонечку, / Від батьківського дому ліг *гостиниць* тешкий. / Ой, і не стрітисся з тобою на нашій *доріженьці*, [...]»⁵⁷ с актуализацией противопоставления *гостиниць* ‘путь мертвых’ VS *доріженька* ‘путь живых’ – объекты, не пересекающиеся в силу принадлежности к разным локусам.

1.2.8. «Страшная дорога». Ср. блр. «Последняя твая дарожка, / Колькі раз ты нас праводзіла і стаяла ля каліткі, / А сягоння мы цябе праводзім / У такую *страшную дарогу*, з якой ніхто не вярнуўся».⁵⁸

1.2.9. «Зелёная дорога». Рус. яросл. «Ты пойдешь, родимо дитятко, / [...] / *По зеленым-то по тропочкам* / Не сойдешься ли, родимый мой, / Ты с моим кормильцем тятенькой?» при слвн. «*Ka si bõš, grešnik, ti začel, / Kda te bõ Bog ze světa vzěl? / Po tebi bõ stal zeleni pot, / Ke se bõš grenke smèrti bal*».⁵⁹

1.2.10. «Невозвратная/последняя дорога». Блр. «Куды ж ты, матушка, скоро паспяшыла? / У какую ты дарожаньку ты адпраўляешся, у *дарожаньку невазвращімую?*»,

⁴⁹ Котляревский, А.: О погребальных обычаях языческих славян, с. 195.

⁵⁰ Ефименкова, Б. Б.: Севернорусская причеть, с. 147.

⁵¹ Малинка, А. Н.: Малорусские обряды, поверья и заплочки при похоронах, с. 104.

⁵² Пахаванні. Памінкі. Галашэнні, с. 216, 302, 387.

⁵³ Серебряков, А. В.: Фразеологизмы с дон. *облыгать*. В: Вопросы методики преподавания русского языка: Тезисы научно-практического семинара. Кировоград: КПИ, 1977, с. 25.

⁵⁴ Котляревский, А.: О погребальных обычаях языческих славян, с. 194.

⁵⁵ Невская, Л. Г. и др.: Концепт пути, с. 448 (применительно к обряду родин).

⁵⁶ Невская, Л. Г.: Балто-славянское причитание, с. 135; см. ещё Невская, Л. Г. и др.: Концепт пути в фольклорной модели мира, с. 450.

⁵⁷ Громко, Т. В.: Діалектологічно-фольклорні матеріали говірок Центральної України. Кировоград, 2008, с. 46.

⁵⁸ Пахаванні. Памінкі. Галашэнні, с. 269.

⁵⁹ Ярославский фольклор. Дооктябрьский. Ярославль, 1938, с. 123; Štrekelj, K.: Slovenske narodne pesmi. Ljubljana, 1904–1907, zv. III, s. 551 (во Фраме).

«Последняя твоя дарожка, / [...] / А сягоння мы цябе праводзім / У такую страшную дарогу, з якой ніхто не вярнуўся».⁶⁰

Описание архетипа дороги – задача комплексная: это путь преодолеваемый, потому в рассмотрении нуждаются *способы его преодоления*.

1.2.11. Пешим. Допускают, что «таким способом передвижения подчёркивалась трудность пути, его географическая протяженность»,⁶¹ что представляется не объяснительным, ведь протяженность, трудность, опасность дороги выражают эпитеты *большая, дальняя, далёкая* (дороженька, дорога, стороночка), снабжённые дополнительным указанием на типы препятствий на пути умершего (см. выше). Пешее путешествие, как и путешествие на конях, вполне вероятно, дублирует обычное занятие покойного при жизни: рус. «Уж ты *пойдешь*, сердечно дитятко, / *Пойдешь* по тем путям-дороженькам, / По лесам да по дремучим, [...]», «Ой, час *пошла* родна мамушка. / Ой, из высокого терему, / Ой, *по мостам белодубовым*, [...] / Ой, на большую *дороженьку!*», укр. стрыйск. «Устань, устань, подивися на мя! Йойой, дитинко ти моя, *ў далеку йдеш стороночку*», карп. «Устань, устань, подивися на мя! Йойой, дитинко ти моя, *ў далеку йдеш стороночку*», закарп. *идеє в далеку дорогу* (документированы выше), блр. «Дарагі татачка, як жа хораша прыбраўся, / Куды, татачка, сабраўся? / Ты адзін, татка, паедзеш ці пойдзеш [...]».⁶²

1.2.12. Едущим [на коне или волах]. В народной поэзии умерший зачастую изображается едущим, ср. укр. черниг. «А дружинонько ж моя, дружинонько! / Нащо ж ты од нас *вийижджаєш?* / Нащо тобі мойи сыночки ворота одчыняють? / У яку ты дороженьку *вийижджаєш?*»,⁶³ блр. «Надта ж далёка *ад'язджаєшся*, / У таку хатачку, / У такую глыбокую, / У такую цёмную».⁶⁴ Ещё чаще уточняется, что едет он на коне (блр. «Каб *асядлаў ён табе коніка вараненькага*, / Каб выправіў ён цябе *ў дарожаньку невясёлюю*»),⁶⁵ конях или волах, запряжённых в сани: ст.-рус. «[...] Что умерла его молода жена, / Приказали ему попы соборные / Тотчас на саниях привести / Ко тоя церкви соборныя, / Поставить тело на паперти»,⁶⁶ рус. твер. «Как *попряжени* ступисты-то лашадушки / Во эти-то во дровни во дубовыи. / Повезут они родителя желанного / Далеко-то что от домушка родимаго»⁶⁷ (рус. диал. *дровни* ‘сани без короба или кузова’),⁶⁸ сев. «Тут заложим мы *ступистую лошадушку* – / В этии во санки самокатныи».⁶⁹ Практика перевозки умерших на саниях весьма архаична, и у восточных славян она фиксируется ещё с древнерусского периода, что подтверждают летописные источники, ср. «Шмывше его, и оувиша ѿ шксамитомъ со кроуживомъ, яко же достоить црмь, и возложиша ѿ на сани и повезоша до Володимѣра»

⁶⁰ Пахаванні. Памінкі. Галашэнні, с. 243, 269.

⁶¹ Чистяков, В. А.: Представления о дороге в загробный мир, с. 119.

⁶² Пахаванні. Памінкі. Галашэнні, с. 216.

⁶³ Малинка, А. Н.: Малорусские обряды, поверья и заплачки при похоронах, с. 105.

⁶⁴ Пахаванні. Памінкі. Галашэнні, с. 238.

⁶⁵ Пахаванні. Памінкі. Галашэнні, с. 387.

⁶⁶ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Москва, 1818, с. 222.

⁶⁷ Агренева-Славянская, О. Х.: Описание русской крестьянской свадьбы, с. 16.

⁶⁸ Даль, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка, Москва, 1863, ч. 1, с. 440.

⁶⁹ Пахаванні. Памінкі. Галашэнні, с. 104.

и другие контексты,⁷⁰ подробно разбираемые Д. Н. Анучиным.⁷¹ Столь же архаичен и укр. диал. (степ.) фразеологизм *на холодні сани сісти* – синоним смерти,⁷² восходящий, по меньшей мере, к древнерусскому поэтическому словоупотреблению, о чем свидетельствует др.-рус. оборот «сѣда на санѣхъ» = ‘приближаясь к смерти (?)’ в тексте «Поучения Владимира Мономаха».⁷³

По сути же нужно говорить о пережитках праславянского обычая – составной части комплекса ритуальных актов, исполнявшихся в языческую эпоху. К такому выводу побуждает отмеченность указанной изофрагмы у части южных славян, напр., у боснийцев, ср. *saone* ‘сани для перевозки покойника до кладбища’, а также описание доставки умершего на кладбище: «[...] Na saonama se mrtvac prevozi naročito u brdskim selima, ali i u ravnim, pa je tako postupljeno u Kožuhamu (u polju) i avgusta 1958: mrtvac je prevožen na saonama «da ga ne trese».⁷⁴ Также и в погребальных традициях сербов начала XX в., а на славянском востоке ещё в Вологодской губ. и в Угорской Руси конца XIX в.⁷⁵

В сани могли впрягать и волов. Такая практика существовала ещё в первой половине прошлого века у русинов Закарпатья.⁷⁶ Это ритуальное предписание имеет отклик в корпусе фразеологии степных говоров Украины, ср. *впрягати волів у сани* ‘умирать’.⁷⁷ Впрочем, фразеология сохраняет память о языческих представлениях, согласно которым умерший отправлялся в мир иной верхом на коне, ср. укр. н.-поднепр. [*дери^{el}вјане с’идло жде*] – о предсмертной агонии (по отношению к мужчинам!),⁷⁸ как очевидный намёк на образ всадника, скачущего по дороге в рай. Лингвистический материал заставляет вспомнить обычай, имевший непосредственное касательство к славянской культуре погребения, упомянутый А. А. Котляревским: «Опрятав мертвеца, его клали на лаву, или усаживали на особом месте: Менеций говорит, что русские Литвы садили его на седло, выражая тем или обычное его занятие его жизни, или символическое наделение покойника конем, на котором он должен совершить *далекий путь*».⁷⁹

1.2.13. Плывающим на лодке, ладье. В текстах притчей не всегда обозначено само действие, но оно подразумевается: лодку как средство преодоления водного пути упоминает плакальщица, говоря об ожидании возврата умершего с «той» стороны (намёк на способ, которым он попал в заречье), ср. рус. карел. «Дождаться буду, беднушка, / *У струистой речки быстрой*. / [...] / Как у реченьки у *быстрой* / Будет лодочка готовая».⁸⁰ О существовавшей у славян-язычников веры в водный путь, ведущий в предел мёртвых, известно из исторических источников и данных археологии. Ибн-Фадлан сообщает о похоронах у русов Поволжья: «для бедного человека из их числа делают маленький корабль, кладут его (мёртвого) в него и сжигают его корабль». Он подробно

⁷⁰ Срезневский, И. И.: Материалы для Словаря древнерусского языка. Санкт-Петербург, 1912, т. III, ст. 258.

⁷¹ Анучин, Д. Н.: Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда: Археолого-этнографический этюд. Москва: Типогр. О. О. Гербек, 1890, с. 2-22, 23-29.

⁷² Громко, Т. В.: Діалектологічно-фольклорні матеріали, с. 53.

⁷³ Срезневский, И. И.: Материалы для Словаря древнерусского языка, там же.

⁷⁴ Filipović, M. S.: Prilozi etnološkom poznavanju Severoistočne Bosne. Sarajevo, 1969, s. 16, 106, 167.

⁷⁵ Обычаи народа српского, с. 248; Анучин, Д. Н.: Сани, ладья и кони, с. 52, 55, 56 (с замечанием о древности обычая у русских).

⁷⁶ Богатырев, П. Г.: Вопросы теории народного искусства. Москва: Искусство, 1971, с. 265.

⁷⁷ Громко, Т. В.: Діалектологічно-фольклорні матеріали, с. 53.

⁷⁸ Жигора, І. В.: Анкетування в системі методів діалектології, с. 12.

⁷⁹ Котляревский, А.: О погребальных обычаях языческих славян, с. 215.

⁸⁰ Русские плачи Карелии [подг. текстов и примеч. М. М. Михайлова]. Петрозаводск, 1940, с. 82.

описал ритуал приготовления к похоронам правителя русов в ладье (она вытаскивается на берег и устанавливается на четырех деревянных подпорках) с последующим её сжиганием вместе с умершим.⁸¹ Сходным образом (но без кремации) был погребён князь Глеб, ср. над миниатюрой Сильвестровского списка «Сказания о Борисе и Глебе»: «Святаго Глѣба положиша в лѣсѣ межи двѣма кладомъ *подъ насадомъ*» (= под лодкой). Захоронения тел в лодках найдены в курганах Киевской и Харьковской губерний в XIX в.⁸² Языческий образ заречного/заморского рая, в который можно попасть, переплыв море на корабле, в христианскую эпоху был воспринят апокрифической литературой.⁸³

Свидетельства языка фольклора, диалектные данные на фоне находок истории выглядят весьма скромно, но их нельзя недооценивать, ибо факты такого рода представляют интерес для этимологии и исторической лексикологии как семантические архаизмы, носители древнего культурного опыта, не всегда воспроизводимого объектами материальной культуры. Ср. отзвук языческой традиции погребения умерших в лодках, доносимый семантикой укр. степ. *в лóдку лягті* [в 'лодку л'аг^хти] 'умереть' и особенно степ. *суд'но* 'гроб' ([*ду'бове суд'но*] наряду с [*ол'хова тру'на*]),⁸⁴ ср. замечание Вяч. Вс. Иванова о лодке как важнейшем элементе похоронного обряда.⁸⁵

Эхо веры в путешествие умершего на ладье слышится и вне вост.-слав. ареала, напр., в народном поэт. творчестве сербов («Та устани, Никола! / Да идемо у гору, / Да правимо корабе, / Да возимо душице / С овог света на онај»),⁸⁶ получившее христианскую «окраску», т. к. у христиан перевозчиками душ могли быть св. Николай и Пророк Илья) и словенцев («О, sveti križ, / bodi nam en paradiž, / lestvica v nebesa / ino ladja na ovi svet»). М. Менцей, приводя строки словенской молитвы в своей статье о воде как границе между мирами живых и мёртвых, справедливо не исключает здесь метафору,⁸⁷ но она может быть древней и отражать ещё языческий взгляд на путь мёртвых.

1.3. Переправа как преодоление препятствия по дороге в царство мертвых. Фольклорный материал сохраняет пережитки языческого мифа о посмертном странствии человека и переправе через пропасть или водную преграду (реку, ручей, яр, болото), зачастую отделяющую дорогу от загробного царства, рая. На уровне текста элементы этого мифа прослеживаются в следующих ниже синтаксических конструкциях, порой имеющих вид ритуальных предписаний или просто устойчивых выражений в диалектах.

1.3.1. «Преодоление водной границы». Водораздел мира живых и «того света» (или же дороги и загробного царства) у части восточных славян предстаёт как особая река или ручей, ср. рус. карел. (об уходе покойного за реки, ручьи с бродами, переходами) «Уж ты гості-тко, братец-солнышко, / [...] / Дождаться буду, беднушка, / Я у струистой речки быстрою. / Не настойся-тко, ясён сокол, / Ты у рек за перехода-

⁸¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Москва–Ленинград: АН СССР, 1939, с. 80, 81–83.

⁸² Анучин, Д. Н.: Сани, ладья и кони, с. 92, 93, 94.

⁸³ Демин, А. С.: Путешествие души по загробному миру (в древнерусской литературе). In: Герменевтика древнерусской литературы. Москва: ИМЛИ РАН, 1994, сб. 7, ч. I, 53–54.

⁸⁴ Авторський архів Т. В. Громко за даними еліцитації «Програми збирання діалектного матеріалу».

⁸⁵ Иванов, Вяч. Вс.: Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Москва: Языки слав. культуры, 2008, т. 2, с. 382 (только о рефлексах и.-е. **nāi*-).

⁸⁶ Српске народне pjesme [Скуп. и изд. Вук Стеф. Караџић]. Беч, 1841, књ. 1, с. 134.

⁸⁷ Менцей, М.: Славянские народные верования о воде как границе между миром живых и миром мёртвых. In: Славяноведение, 1, 2000, с. 95.

мы, / А у ручьев за перебродами»,⁸⁸ фолькл. *забытная река, Забыть-река, огненная река*,⁸⁹ укр. подол. [Забу́д'н'ий ру́чай] – ручей, через который в сказке дочь перешла на закате, чтобы встретиться с покойным отцом («Казка про слухняну дочку»)⁹⁰ – элемент фольклорной ономастики, в котором угадывается переосмысленное *Забутній ~ забу́тий. Подчеркнем одну особенность мифологической семантики последнего примера: тут умерший уже миновал водную межу, перейдя в загробное царство, и назад ему пути нет, потому для встречи с ним (дабы сдержать данное обещание) кто-нибудь из его детей сам должен пересечь Забудний ручай.

Ряд обозначений водной преграды перед раем продолжают ещё такие эвфемизмы: укр. подол. *ніті до Білої річки; зайти в білу стру́гу* ‘умереть’⁹¹ (последний удерживает *стру́га* ‘поток’, ‘ручей’, утерянное в говорах Подолья). Аналог для них обнаруживается в зап.-слав. ареале, ср. чеш. диал. *jít do čůrek jasných* как представление о «том свете».⁹² Водная граница (три холодных ключа) на пути души умершего фигурирует и в словенском причитании из Белой Краины: «Jojli mama, mila majčice, kam grete [...] na dalke pote [...]. Iz črne gori v ravno pole, saj čete tam najt' tri hladne zdence [...]».⁹³

Указания на **мост, жердочку, доску, кладку, перекладину**, переброшенные через водную гладь, встречаются в севернорусских плачах: рус. «Ох, *пройти-то* нету мочи, нет мне моченьки / Через этую *мостинку-что мостиночку*, / Через этую *опасну деревиночку*: / Наседает ли *мостиночка дубовая*, / Надломилась *перекладинка кленовая...*»,⁹⁴ «Ой, час пошла родна мамушка. / Ой, из высокого терему, / Ой, от меня, от горящици, / Ой, по мостам *белодубовым*, / Ой, по частым, мелким *лисёнкам*, / Ой, во ограды широкия. / Ой, на *большую дороженьку!*»,⁹⁵ новг. «*Выходи*, родимой батюшко, / *На мосты да на калиновы*; / Ты *стричай* [...] Свет родиму мою матушку!».⁹⁶

В укр. ритуальных предписаниях водная переправа представлена: буков. «На воротах, мостах і церковній брамі кладуть кавалок полотна або хустку (*кладка для померишого*), верх сього булку і свічку (*заплата за переправу*), переносять через се трунву і йдуть далі [...]. *Перед мостом і на мості* не вільно прогожати тіло, то значить: ставати і відправляти молебні, лиш *за мостом*»;⁹⁷ полес. (хлеб вынут из печи и) кладут одно *поліно* в длину, иначе, «як умрэ, так на *том свѣтѣ нема́ бэрвины*, нѣма́ куда́ *пэрэйти чэрэз рѣчку*, шоп нэ замочыцца».⁹⁸

Реминисценцию мифологемы переправы через реку на пути умершего в рай содержит любопытное подол. [*моу'н'тати перт на Зрају*] ‘агонизировать’.⁹⁹ Второй компо-

⁸⁸ Русские плачи Карелии, с. 74.

⁸⁹ Приведены по Седакова, О. А.: Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. Москва: Индрик, 2004, с. 52.

⁹⁰ Стефанчук, Т. С.: Сюжетна своєрідність українських фольклорних текстів. In: Отчётная сессия аспирантов КГПИ имени А. С. Пушкина. Кировоград: КГПИ, 1984, с. 73.

⁹¹ Жигора, І. В.: Анкетування в системі методів діалектології, с. 13.

⁹² Толстая, С. М.: Пространство слова, с. 449.

⁹³ Štrekelj, K.: Slovenske narodne pesmi, s. 611.

⁹⁴ Агренева-Славянская, О. Х.: Описание русской крестьянской свадьбы, с. 37.

⁹⁵ Ефименкова, Б. Б.: Севернорусская причеть, с. 103.

⁹⁶ Причитания Северного края, с. 77.

⁹⁷ Гнатюк, В.: Похоронні звичай й обряди. In: Етнографічний збірник, т. XXXI–XXXII, 1912, с. 351.

⁹⁸ Страхов, А. Б.: Ритуально-бытовое обращение с хлебом и печью и его связь с представлениями о доле и загробном мире. In: Полесье и этногенез славян. Москва: Наука, 1983, с. 100.

⁹⁹ Стефанчук, Т. С.: Сюжетна своєрідність українських фольклорних текстів, с. 71.

нент конструкции равен черниг. *перт* 'гать, мощёная брёвнами дорожка на болоте',¹⁰⁰ а третий с очевидностью обозначает какой-то водный объект, перекрытый *гатью*, *мостиком*. В топографии реального мира ничего подобного обнаружить не удаётся, зато в русских былинах отмечены *Израй*, *Изрой-река*, т. е. *из-рой* = пол. *z-d-rój* 'исток, источник',¹⁰¹ чеш. *zdroj* 'источник, ключ' и пр. < псл. **jъz-rojъ*.¹⁰² Укр. пример, как, к слову, и рус. *Израй*, воспроизводят **jъz-rajъ* – коррелят к **jъz-rojъ*,¹⁰³ отсутствующий в ЭССЯ. Его ценность состоит не только в расширении географии слав. слова, но также в сохранении им древней водной семантики (как у зап.-слав. примеров), которая у приведенного под **jъz-rojъ* др.-рус. *изрой* 'effusio seminis' осмыслена по-другому. Разобранная украинская фразема – не единственный случай употребления **jъzrajъ*, **jъzrojъ* в текстах, связанных с языком похоронной обрядности: **jъzrojъ* фигурирует в исполняемой над телом умершего польской песне о выходе души из тела «*Kiedy się duszyczka z ciałem rozłączyła. / Poszła ona, poszła na zieloną łączkę / Na zdrojową łączkę, po zdrojową wódkę (wodę)*».¹⁰⁴

Узкое бревно-мостик («*бвно које премошћује пут у рај*») через «какую-то воду» должна пройти душа умершего и в фольклоре сербов Краины и Ключа (*рајски мост*), а также местных валахов, в обиходе которых отмечено *пунча рајулуј* (= серб. *рајски мост*)¹⁰⁵ – калька сербского словосочетания со включением грамматически адаптированного серб. *рај*.

Значительной информативностью обладают фольклорные сюжеты о путешествии души «обмершего» в заречный рай, замечательные полнотой изображения *переправы* через *реку* (ручей) и описания *заречья* – пристанища мёртвых и обители Бога. Примером служит рассказ «Як баба завмирала», записанный в конце XIX в. в Галиции: «*Була у нас бабуся [...] та замерла. Пролежала два дні, та вже на третій, як заходились її ховати, прокинулась. Ось що про той світ вона розказувала. Як обмерла – не знаю; як устала [...]. Пішла я, аж гульк – рівчак здоровий, аж денця не видно, а через яр – дошка, от така завбільшки [...], ребром поставлена – тільки й дивилися, щоб не впасти. Назустріч іде дід з сивою, довгою бородою [...]. Бере він мене за руку та веде – я не хочу, а він веде. То, мабуть, Бог був. На силу перейшла. Дивлюсь, аж там рай. [...] Глянула [...] я й прокинулась*».¹⁰⁶ Здесь мы имеем полный лексический комплекс, свойственный ритуальному тексту определенной тематики: слова для реки, разделяющей два мира («*рівчак здоровий*»), доски-переправы через неё («*а через яр – дошка [...], ребром поставлена*») и рая-заречья.

Есть ещё один оборот, имеющий связь с мифологическими воззрениями славян на устройство потустороннего мира: укр. степ. *чинна перть* в выражении «*забігти за чинну*»

¹⁰⁰ Ономастичний архів Інституту української мови НАН України (ПЗ/Чернігівська область).

¹⁰¹ Потебня, А. А.: Этимологические заметки. 4: *Шапи-дуб*. In: Русский филологический вестник, т. VI, № 4, 1881, с. 341.

¹⁰² Этимологический словарь славянских языков. Москва: Наука, 1982, вып. 9, с. 69-70.

¹⁰³ Тот же тип аблаута, что у беспреф. **rajъ*: **rojъ*, ср. Трубачев, О. Н.: Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Москва: Наука, 2003, с. 190.

¹⁰⁴ Biegeleisen, H.: Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego. Warszawa: Dom Książki Polskiej Spółka Akcyjna, 1930, s. 167.

¹⁰⁵ Зечевих, С.: Самртни ритуал и неки облици култа мртвих у становништва влашког говорног езика Крајине и Кључа. In: Гласник етнографског музеја у Београду. Београд, 1967, књ. 30, с. 48.

¹⁰⁶ Гнатюк, В.: Галицько-руські народні легенди, с. 64. Несколько отличные сюжеты приведены в Толстая, С. М.: Образ мира в тексте и ритуале. Москва: Русский фонд СОиН, 2015, с. 190-198.

перть» = ‘умереть’.¹⁰⁷ Выше мы уже обращались к *перт* ‘гать’ как ключу к эвфемистическому названию смерти [*перт на Зрају*], где заключена идея пересечения умершим моста через реку, за которой лежит рай. Подробнее об этимологии *чинна перть* будет сказано в другой работе,¹⁰⁸ здесь же уместно ограничиться лишь выводами. Нужно поставить знак равенства между степ. *перть* и черниг. *перт* ‘гать’ в составе псл. **čīn-yna pьrtь* ‘навешенный мост’, ‘уложенный (брёвнами) брод (гать)’ с **pьrtь*, -и (позднее – **pьrtь*, -i) < **pъrtu-š* – и.-е. название моста, прохода, брода (ср. ав. *pəṛətu-š* ‘проход, брод, мост’) и adj. от **čīnъ*, **čīna* ‘строй, ряд, порядок’, **čīniti* ‘класть слоями’. Эта конструкция – возможная калька вост.-иран. **čīnca(n)t-pъrtu-* ‘мост, по которому проходят души умерших’ (ав. *čīnvaṭ pəṛətu-* ‘то же’), реальная в силу общего для обеих языковых традиций «строительного» материала и близких мифологем.

1.3.2. «Преодоление огненной преграды». Рус. (в духовных стихах, где языческие образы уживаются с христианской доктриной) пенз. «Я иду дóрогай, аглянусь назад [...] Ой, святой владыка, не оставь миня, / *Чтобы ни погнубить в огненной реке*»,¹⁰⁹ смол. «Протекала-проливала река огненная, / А через тую реку ни *плотóв*, ни *бродóв*, / Ни *плотов*, ни *бродов*, ни *пиряходов*; Праведныя йдутъ через огненну реку, / А *йдутьяны* какво й *пó мосту*»,¹¹⁰ «За горами, за лесами течет *река – огненная волна*, [...] Через реку ту *мост каленый* есть, горяч да жгуч, по нему тебе, [имя покойного], пройти велено, в царство сонное».¹¹¹ Ср. обычай смоленских крестьян готовить кладку через огненную преграду впрок, выполняя повседневные действия: «Каждая баба, идя в баню, *несет с собою лучину, которую она кладет через огненную реку при переходе* её в будущей жизни».¹¹² Укр. тексты из Полесья также обыгрывают образ бревна-переправы через канаву с огнём: ровен. *полéнцэ* надо положить, «*шоп на том світе булá бэ́рвá ч’эрэс канáву*» с кипящей смолой.¹¹³ Ср. ещё буков. «На груди умерлому кладут *грейцирь*, бо кажут, шьо душа мусит переходити на другой світ дуже по *вуженті кладці* над *великоу неколкоу пропастиу*».¹¹⁴

1.4. Заречье/Заморье. Третья часть триады – конечная цель последнего путешествия человека и место его посмертного обитания. В акциональном аспекте похоронного ритуала достижение «того света» имеет нулевую характеристику, т. е. в отличие от *подготовки к дороге, путешествия по ней и перехода через переправу* его позиция (акт) остается незанятой. Напротив, вербальная сторона, хоть и фрагментарно, но все же объективирована в текстах фольклора и мифологической лексике. Приведём текстовые свидетельства «заречной» локализации рая в мифологической картине славян.

1. Рус. «Ай, батенька рóдны! Ай, наш милы! / А что ты удумал? [...] А зачем ты нас оставил? [...] / *Уплыл на водам тихим* на ладéечке на белай да ва *лугá заречный*

¹⁰⁷ Жигора, І. В.: Анкетування в системі методів діалектології, с. 13.

¹⁰⁸ Илиади, А. И.: Из славянской мифологии: этимологические этюды (в печати).

¹⁰⁹ Юровская, О. Л.: Духовные стихи в песенной традиции калужских и пензенских переселенцев Челябинской области: Дисс. ... канд. искусствоведения. Челябинск, 2017, с. 342.

¹¹⁰ Безсонов, П.: Калёки перехожие. Москва, 1863, вып. 5, с. 233-234; Соболев, А. Н.: Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913, с. 175-178.

¹¹¹ Фатеев, Д. Н.: Образы-символы «Калинов мост» и «река Смородина» как элементы «пограничья» в заговорных текстах устного народного творчества. In: Международный Научный Институт «Educatio», VI (13), 2015, с. 113.

¹¹² Смоленский этнографический сборник. Ч. II. In: Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии, 1893, т. XXIII, вып. 1, с. 309.

¹¹³ Страхов, А. Б.: Ритуально-бытовое обращение с хлебом, с. 100.

¹¹⁴ Свенціцький, І.: Похоронні голосіння, с. 330, 351.

[...]».¹¹⁵ Здесь имеются указания на: 1) некую реку (*воды тихие*), по которой на ладье плывёт душа умершего; 2) заречный рай, эксплицированный эпитетом *луга заречные*.

2. Укр. «Синочок любимый, мое ясне сонечко! / Куди ти прибраўся, у які далекі край, за які темні ліси, за які високі гори? / [...] / На вічне жите ў наў райську [...]».¹¹⁶ Указание на заречное обиталище душ содержится в любопытном *наў райська*, кажется, нигде более не отмеченном. Здесь сочетаются два термина языческой религии славян: **navъ* (: укр. закарп. *нав*, р. п. *нава* 'рай'¹¹⁷) и adj. **rajъska*. Общий смысл коллокации – 'рай заречный' подсказывает этимология посл. **rajъ* как 'заречный', 'связанный с течением'.¹¹⁸

«Заречная» локализация рая стоит в согласии с восходящими к эпохе язычества народными представлениями восточных славян о том, что рай находится где-то за морем: блр. «Маё дзіцятка роднёнкае, / Адлятаеш ты далёка. / [...] / Цяпер усе пташчкі з *выр'я ляцяць*, / А ты ж, *маё дзіцятка, паляцела ў выр* навекі», «А мой жа ты татачка [...] / Усе птушчкі ў *вырай паляцелі*, / І ты ў след за імі»¹¹⁹ с *вырай*, *выр'я*, *выр* – мифическое место за морем, куда на зиму улетают птицы (воплощение душ умерших), связанное с древней верой в потусторонний мир. Слабое эхо схожих мифологических представлений ещё звучало в словенской народной поэзии прошлого века: в песне из Лимач мёртвому желают счастья на пути и попутного ветра на море: «*pokej vsem tã mrtvam, / srenča nã potu, / pihašt nã mořu*».¹²⁰

Выводы. Подробный расклад вербального аспекта триединства актов обряда погребения характеризует его как схему действия и его текста, развиваемую второстепенными актами. В текстах эта триада оказывается осью формирования сюжета и структурным элементом, организующим поэтическую речь. Начальная фаза **дороги** мыслится как сборы, будучи выраженной преимущественно рефлексивными глаголами 'снаряжаться', 'собраться', 'приготовиться', 'отправляться'. Смерть как отправление по пути имеет аналоги в инославянских текстах голошений, что важно для реконструкции элементов праславянского текста. Иногда предстоящий путь предопределён ещё до отправки по нему умершего, и тогда смерть эксплицируется как словосочетания *путь-дорожка показала/коротала/се*, а сама дорога предстаёт в виде описательных оборотов, где актуализированы её атрибуты *большая, далёкая, трудная, тёмная, неизвестная, зелёная, невозвратная* и др., использование которых часто проясняется контекстом причитаний. Тексты, архаичная диалектная фразеология воспроизводят во многом ещё языческий взгляд на **преодоление** умершим последнего пути пешком, на коне, на волах, плывущим на лодке. Соответствующие контексты напрямую связаны с идеей перехода в царство мёртвых, фразеологически объективированной конструкциями, указывающими на: 1) тип границы с переправой; 2) переход через *білу/ясну річку, стругу* или *перт на Зраю*; 3) мост, бревно, жёрдочку, доску как средство перехода. **Заречье** как *луга зареч-*

¹¹⁵ Александрова, О. П.: Синтаксис причитаний в русском переселенческом говоре с. Клинцы Кировоград. р-на Кировоград. области: Дипломная работа. Кировоград: КДПУ, 1991, с. 45.

¹¹⁶ Жигора, І. В.: Анкетування в системі методів діалектології, с. 24.

¹¹⁷ О древности семантики см. Ліпіді, О. І.: Архаїчна лексика українських діалектів Закарпаття й реконструкція праслов'янського словника. Ін: Мовознавство, 2011, № 1, с. 68.

¹¹⁸ Трубаев, О. Н.: Этногенез и культура древнейших славян, с. 190.

¹¹⁹ Пахаванні. Памінкі. Галашэнні, с. 212, 213, 315, 371; Левкиевская, Е. Е.: Ирей. Ін: Славянские древности, т. 1, с. 422-423.

¹²⁰ Менцей, М.: Славянские народные верования, с. 95 (использованы примеры З. Кумера).

ные, наў райська, вып(ай) редко специально упоминается, однако отсылки к нему содержат описания последней дороги и, конечно, преграды через границу царства мёртвых, что помогает «увязать» дорогу, переправу и заречье в один смысловой комплекс.

Текстуальная информация показывает взаимосвязь трёх этапов действия, подталкивая к мысли о возможности существования в прошлом устных текстов-описаний пути умершего (от сборов в дорогу и до вхождения в райские пределы) и ритуальных предписаний. Язык этих текстов частично мог лечь в основу причитаний, равно как и сохраниться в виде фразем, смысл которых трудно уловим или вообще стерт ввиду утраты характеризуемого ими культурного феномена. Представление о *тексте пути* можно получить, прибегнув к реконструкции, определяющую роль в которой играет логически завершённая событийная канва, реализующая «глубинный смысл переходных обрядов, связанных с изменением статуса персонажа»¹²¹ в тексте ритуала.

The «Road, Crossing and Lands beyond the River» Triad in the East Slavic Ritual Texts: Lexics, Semantics and Pragmatics

Alexander I. Iliadi – Irina V. Zhigora

The detailed analysis of verbal aspects of the East-Slavic triad enables authors to make some conclusions. 1. It can be stated, that triad «Road, Crossing and Lands beyond the River» is the axis of plot formation and structural element, shaping poetic speaking within the text. 2. Textual information (not only in East-Slavic but also in other Slavic languages) shows the interconnection between three stages of ritual burial action, encouraging to think about possible existence in the past oral descriptive texts about path of dead. 3. The presence of exact textual and phraseological equivalents on the one hand in East-Slavic and on the other hand in other Slavic languages is the reason to suppose all them to be saved elements of Proto-Slavic burial text. 4. It can be formed scientific view about the «text of path» due to linguistic reconstruction and in so doing the determining role is a set of events, implementing profound meaning of rites, related to change the status of a character (dead).

The objects of special author's attention are archaic syntactic constructs of the Proto-Slavic age. The etymological analysis of such formulaic expressions sheds some light on the details of the mythological view of the world, which reflect submissions of Old Slavs about the crossing to the Paradise beyond the river and the device of this world. One of these constructs has close structural and genetic analogy in Iranian languages and perhaps belongs to the heritage of Slavic and East Iranian tribe's prehistory contacts.

¹²¹ Невская, Л. Г. и др.: Концепт пути в фольклорной модели мира, с. 444.

MARTA VOJTEKOVÁ*

Nové feminatíva v poľskom jazyku¹VOJTEKOVÁ, M.: New Femininitives in the Polish Language. *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 1, pp. 21–32 (Bratislava).

The paper focuses on the delimitation of all groups of feminine names that occur in the new lexis captured in the neological dictionary *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 2001–2005* [New Polish Vocabulary. Press Materials 2001–2005].² The main attention is paid to new femininitives as a dominant subgroup of feminine names and to their word-formation characteristics. On the basis of research, eight word-formation types are distinguished within the new femininitives. The productivity of word-forming suffixes within the new femininitives and the older layer of gender-inflected names is confronted. The suffixes that are new in terms of their use in the formation of femininitives are pointed out as well. The perception of feminine derivatives by Polish society, which has a direct influence on the formation of femininitives, language usage and language norm, is also discussed.

Polish language, word-formation, neology, feminine names, femininitives.

Úvod

V príspevku sa zameriavame na vyčlenenie všetkých skupín ženských pomenovaní, ktoré sa vyskytujú v lexike zachytenej v neologickom slovníku *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 2001–2005* (ďalej NS4) a ktoré obohacujú slovnú zásobu súčasného poľského jazyka. Výskumu sme podrobili materiál najnovšieho vydania uvedeného šesťzväzkového slovníka zachytávajúceho lexiku vyskytujúcu sa v poľskej tlači publikovanej v rokoch 2001–2005. Zároveň ide o lexiku neevidovanú v *Słowniku języka polskiego*³ a v 1. vydani *Słownika języka polskiego*.⁴ Určitú časť lexikálneho materiálu už možno nájsť v najnovších výkladových slovníkoch poľského jazyka, čo je vzhľadom na čas publikovania neologického slovníka, ako aj excerpčných zdrojov prirodzené. Napr. z 99 feminatív uvedených v NS4 zachytáva *Wielki słownik języka polskiego PWN*⁵ sedem lexém,⁶ čo predstavuje 7%.

Hlavnú pozornosť venujeme novým feminatívam ako dominantnej podskupine ženských pomenovaní a ich slovotvornej charakteristike. Poukazujeme na možnosť rozličnej interpretácie niektorých ženských názvov (polymotiváciu), avšak pri existencii mužského

* Doc. Mgr. Marta Vojteková, PhD., Inštitút stredoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove, Ul. 17. novembra 1, 080 01 Prešov, marta.vojtekova@unipo.sk.

¹ Táto práca bola podporená Agentúrou na podporu výskumu a vývoja na základe Zmluvy č. APVV-18-0046 (50 %); publikácia je zároveň výstupom z grantovej úlohy VEGA Slovotvorná a morfeematická štruktúra slovenského slova III (kvalitatívne a kvantitatívne aspekty) č. 1/0025/22 (50 %).

² Smółkova, T. (ed.): *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 2001–2005. Część I: A–D*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2010; *Część II: E–J*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2010; *Część III: K–M*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2013; *Część IV: N–R*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2013; *Część V: S–U*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2014; *Część VI: V–Ż*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2015.

³ Doroszewski, W. (ed.): *Słownik języka polskiego*. T. 1–10. T. 11 (Suplement). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo „Wiedza Powszechna”, 1958–1962 (T. 1–4), Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1963–1969 (T. 5–11).

⁴ Szymczak, M. (ed.): *Słownik języka polskiego*. T. 1–3. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978–1981.

⁵ Dubisz, S. (ed.): *Wielki słownik języka polskiego PWN*. T. 1–5. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2018.

⁶ Ide o lexémy *fascynatka*, *laskarka*, *performerka*, *seksistka*, *telemarketerka*, *webmasterka*, *weganka*.

pomenovania považujeme ženský názov, ku ktorému môžeme utvoriť slovotvornú parafrázu „fem⁷ + S_{mask}“, za utvorený od príslušného osobného maskulína, teda feminatívum patriace k modifikačnému typu onomaziologickej kategórie. Na základe výskumu vyčleňujeme v rámci nových feminatív osem slovotvorných typov. Konfrontujeme produktivnosť slovotvorných sufixov v rámci nových feminatív a staršej vrstvy prechýlených názvov a poukazujeme na sufixy, ktoré sú nové z hľadiska využitia pri tvorbe feminatív. Okrem slovotvornej charakteristiky upozorňujeme na príslušnosť časti lexiky ku špecifickým komunikačným registrom a jej štylistickú príznakovosť. Približujeme tiež vnímanie ženských derivátov poľskou spoločnosťou, ktoré má priamy vplyv na tvorenie feminatív, jazykový úzus i jazykovú normu.

Feminatíva a ženské pomenovania

Feminatíva (prechýlené názvy) chápeme ako pomenovania ženských osôb utvorené od osobných maskulín prechýlením, s využitím slovotvorných sufixov alebo súboru relačných morfémy, napr. *piercer* → *piercer-ka* (NS4), *herbaciarsz* → *herbaciarska* (NS4). V systéme slovotvorných (onomaziologických) kategórií feminatíva tvoria samostatnú kategóriu príslušajúcu k modifikačnému typu onomaziologickej kategórie.⁸

Termín ženské pomenovania alebo ženské názvy chápeme širšie. Okrem feminatív zahŕňa aj ďalšie skupiny lexém pomenúvajúcich ženské osoby, pričom spôsob ich vzniku v lexikálnej zásobe daného jazyka môže byť rôzny. V novej poľskej lexike zachytenej v šiestich zväzkoch neologického slovníka sme v rámci ženských pomenovaní identifikovali niekoľko ďalších skupín, ktoré reflektujú spôsoby obohacovania lexiky.

1. Desubstantívne, deadjektívne a deverbatívne deriváty tvoriace rozličné onomaziologické kategórie v rámci mutačného typu, napr. *fitness* → *fitnesska* „ta, ktorá (zajmuje się) fitnessom“, *ukochana* → *ukochanka* „ta, ktorá (jest) ukochana“, *wpuszczać* → *wpuszczalska* „ta, ktorá wpuszcza“.

2. Rozličné typy kompozit: a) pravé kompozitá pozostávajúce z dvoch báz, napr. *ryby* + *maniaczka* → *rybomaniaczka*, b) semikompozitá pozostávajúce z jednej bázy a jedného bázoidu,⁹ napr. *ekstra-* + *panna* → *ekstrapanna*, *kosmeto-* + *maniaczka* → *kosmetomaniaczka*, c) štruktúry so spojovníkom (napr. *matka-surogatka*) vyznačujúce sa nižším stupňom sémantického a formálneho spojenia, ktoré sa štandardne zaraďujú k zrastom (tzv. *zrosty*),¹⁰ ale podľa niektorých lingvistov takéto štruktúry patria do tzv. *zestawień*.¹¹

Uvedené dve skupiny spolu s feminatívami môžeme zaradiť k slovotvorným neologizmom (*neologizmy słowotwórcze*). Vo väčšine prípadov sa slovotvorný neologizmus tvorí na

⁷ Internacionálny komponent *fem* používame na vyjadrenie sémantického príznaku feminatívnosti.

⁸ Porov. Grzegorzczkova, R. – Puzynina, J.: *Rzeczownik*. In Grzegorzczkova, R. – Laskowski, R. – Wróbel, H. (eds.): *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999, s. 422. S rovnakou interpretáciou feminatív sa stretávame v slovenskej lingvistike, porov. Furdík, J. – Ološtiak, M. (ed.): *Slovenská slovotvorba (teória, opis, cvičenia)*. Prešov: Náuka, 2004, s. 100.

⁹ Chápanie bázy a bázoidu bližšie pozri v Ološtiak, M. – Vojteková, M.: *Kompozitnosť a kompozícia: príspevok k charakteristike zložených slov na materiáli západoslovenských jazykov*. In: *Slovo a slovesnosť: časopis pro otázky teorie a kultury jazyka*, 2021, roč. 82, č. 2, s. 95-117.

¹⁰ Grzegorzczkova, R. – Puzynina, J.: *Rzeczownik*, c. d., s. 456.

¹¹ Porov. Nagórko, A.: *Zarys gramatyki polskiej (ze słowotwórstwem)*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000, s. 198. Uvedená autorka medzi tzv. *zestawienia* zaraďuje nielen viacslovné pomenovania písané samostatne (napr. *zupa fasolowa*, *kosz na papiery*, *orzeł bielik*), ktoré sú tradične považované za združené pomenovania, ale aj štruktúry písané so spojovníkom (napr. *chłop-robotnik*, *cud-dziewczyna*, *północno-zachodni*), ktoré sa tradične považujú za zrasty.

pozadí motivantu (cudzieho alebo domáceho pôvodu) vyskytujúceho sa v danom jazyku. Špecifický prípad predstavuje lexéma *starletka* s domácim sufixom *-ka*, ktorej motivant *starlet* (z angl.) sa do poľského jazyka neprevzal.

3. Ženské pomenovania, ktoré sú výsledkom neosémantizácie, teda sémantické neologizmy/neosémantizmy (*neologizmy semantyczne/znaczeniowe, neosemantyzmy*), napr. *solarka* hovor. 1. „kabina lub łóżko do naświetlania ciała lampą kwarcową w celu uzyskania opalenizny; też: gabinet kosmetyczny oferujący taką usługę“, 2. neosém. „kobieta opalona w solarium“; *wycieraczka* 1. „mata przed drzwiami do wycierania obuwia“, 2. „automatyczne urządzenie w samochodzie wycierające szyby podczas opadów“, 3. neosém. „kobieta myjąca szyby w samochodach zatrzymujących się na światłach“.

4. Slovtvorne neadaptované prevzatia (*zapożyczenia*) pomenúvajúce ženské osoby, ktoré nemajú mužský ekvivalent a sú špecifické pre osoby ženského pohlavia, napr. *go-go girl, playmate, call girl*. Osobitný prípad predstavuje prevzatá lexéma *au pair*¹² – *au pairka/operka* (NS4), ktorá sa v poľskom jazyku vyskytuje v slovtvorne a morfológicky neadaptovanej aj adaptovanej podobe. V poľštine obe podoby označujú osobu ženského pohlavia, porov. „młoda kobieta, cudzoziemka zatrudniona do opieki nad dzieckiem i drobnych prac domowych“ (SJP PWN).¹³ E. Mańczak-Wohlfeld¹⁴ prevzatie slova v rámci neologizácie považuje za optimálnejšie riešenie než umelé vytváranie domácich pomenovaní.¹⁵

Niektoré nové ženské pomenovania, ktoré v štúdiu uvádzame, majú okazionálny charakter, sú špecifické pre isté komunikačné registre (sociolekty) alebo sú štylisticky príznakové (hovorové).

Okazionalizmus je výsledkom pomenovacej potreby, ktorá je individuálna, viazaná na jednotlivca. Niektorí lingvisti okazionalizmy (*okazjonalizmy*) z neologizmov vylučujú. Autori neologických slovníkov zaradili do publikácie len okazionalizmy, ktoré sú v jazyku prejavom pomenovacích potrieb a sú utvorené na základe produktívnych slovtvorných modelov.¹⁶ Zohľadnenie okazionalizmov, ktoré zväčša stoja na okraji pozornosti bádateľov lexiky, považujú za dôležité pre dokreslenie obrazu novej slovnej zásoby,¹⁷ pričom až po čase sa dá zistiť, ktorá lexéma naozaj obohatila slovnú zásobu a ktorá bola len svedectvom dočasnej existencie vecí a javov.¹⁸ V NS4 sa vyskytli nasledujúce feminatíva okazionálneho charakteru: *borowiczka, estradówka, fretkoholiczka, komisarka, komucha, krasnalica, lepiaczka, tremiara*. Okrem lexém v NS4 explicitne označených príslušným kvalifikátorom majú okazionálny charakter aj niektoré ďalšie feminatíva (napr. *adiunktka* či *ukochanka*), čo potvrdzuje ich nulový výskyt

¹² SJP PWN – Słownik języka polskiego PWN. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/>>.

¹³ V súčasnom slovenskom jazyku sa podoby *au-pair/au pair* vzťahujú na muža aj ženu, kým *aupair* označuje iba muža a *aupairka* iba ženu, porov. Buzássyová, K. – Jarošová, A. (eds.): Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2006. Dostupné na internete: <<https://slovník.juls.savba.sk/>>. V prípade dvojice *aupair* – *aupairka* je odlišenie prirodzených rodov podporené prispôbením sa slovtvornému a morfológickému systému slovenského jazyka.

¹⁴ Mańczak-Wohlfeld, E.: Angielskie elementy leksykalne w języku polskim. Kraków: Universitas, 1994, s. 5-6.

¹⁵ K ženským pomenovaniam okrem uvedených skupín patria aj nominačne nemotivované lexémy typu *siostra*, ktoré sa medzi vyexcerpovanými neologizmami nevyskytli.

¹⁶ Smółkowa, T. (ed.): Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1993–2000. Część I: A–H. Kraków: Wydawnictwo LEXIS Spółka z o.o., 2004, s. 6.

¹⁷ Tekiel, D. (ed.): Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1972–1981. Część I: A–O. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1988, s. 8.

¹⁸ Smółkowa, T. (ed.): Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1985–1992. Część I: A–O. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk, 1998, s. 11.

v Národnom korpuse poľského jazyka.¹⁹ Na základe verifikácie uvedených lexém v najnovších výkladových slovníkoch poľského jazyka môžeme konštatovať, že ani jeden z okazionalizmov sa zatiaľ nestal súčasťou ich lexikálnej databázy.

Časť nových ženských pomenovaní uvedených v NS4 disponuje všeobecným kvalifikátorom *środ.* (*środowiskowy*). Sú to sociolekty²⁰ alebo sociálne variety (sociálne viazané semivariety) národného jazyka, ku ktorým sa zaraďujú profesijná reč (technolekty), slang, žargón a argot.²¹ Sociálne variety tvoria hovorové lexémy, sú používané v polooficiálnych alebo neoficiálnych situáciách a špecifické pre užšie skupiny osôb: a) skupiny, ktoré spája druh vykonávanej práce (tzv. *gwary zawodowe* – napr. *gwara zawodowa* lekarzy, górników, szewców), b) skupiny, ktoré spája vek, činnosť, záujmy a pod. (tzv. *gwary środowiskowe* – napr. *gwara studencka, partyjna, myśliwska*). Vo vy excerpovanom materiáli sa v rámci takto chápaných sociolektov (*neologizmy środowiskowe*) vyskytujú feminatíva: *adiunktka, dziennikowiczka, frontmenka, księżzowa, linergistka, pompiarka, psycholka*.

V rámci nových feminatív sa vyskytujú aj štyri hovorové neologizmy (*neologizmy potoczne*): *fuksiara, koniara, lanserka, zady miara*. V NS4 sú označené kvalifikátorom *pot.* (*potoczny*), ktorý vyjadruje hovorovosť lexém a používanie v neoficiálnych komunikačných situáciách. Lexémy s uvedeným kvalifikátorom však nie sú viazané na úzke skupiny osôb ako v prípade sociolektov, ale charakterizuje ich širšie používanie. A. Wolański²² poukazuje na to, že štylisticky bezpríznakové sú zväčša ženské pomenovania prítomné v poľskom jazyku už dávno, napr. *badaczka*.

Súčasná tendencie v tvorení, používaní a vnímaní ženských pomenovaní

Tvorenie ženských pomenovaní a v rámci nich feminatív predstavuje v poľskom jazyku problém, ktorý nemá ani tak jazykovú povahu, keďže ženský názov môžeme formálne utvoriť takmer od každého mužského názvu, ale týka sa skôr samotného faktu ich tvorenia, vžitého jazykového úzu, ako aj vnímania ženských derivátov poľskou spoločnosťou. Aj samotní Poliaci majú často pochybnosti o ženských podobách pomenovaní, čo sa prejavuje množstvom otázok zadávaných v rámci jazykovej poradne.²³

Do 1. svetovej vojny sufixálne tvorenie ženských pomenovaní profesií bolo všeobecne záväznou normou. Od tejto praxe sa v nasledujúcich rokoch (najintenzívnejšie v polovici 20. storočia) upúšťalo, a to v dôsledku pôsobenia činiteľov sociologicko-kultúrnej povahy, ako aj vnútrojazykových činiteľov.²⁴

Vznik nových slov so slovotvornými sufixmi informujúcimi o ženskom pohlaví súvisí s emancipačnými a feministickými snahami žien k úplnej rovnosti mužského a ženského pohlavia, ale aj s prispôbením pomenovania pracovnej pozície prirodzenému rodu, keď

¹⁹ Narodowy Korpus Języka Polskiego – Wyszukiwarka PELCRA. Dostupné na internete: <<http://www.nkjp.uni.lodz.pl/>>.

²⁰ Hubáček, J. – Krčmová, M.: Sociolekt (slang). In: Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (eds.): CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny, 2017. Dostupné na internete: <<https://www.czechency.org/slovník/SOCIOLEKT>>.

²¹ Slančová, D.: Praktická štylistika. Štylistická príručka. Prešov: SLOVACONTACT, 1996, s. 14, 20-21; Slančová, D. – Sokolová, M.: Návrat k varietám hovorenej podoby slovenčiny na východnom Slovensku po pätnástich rokoch. In: Ološtiak, M. – Ivanová, M. – Slančová, D. (eds.): Vidy jazyka a jazykovedy. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2011, s. 351.

²² Wolański, A.: Nazwy zawodowe kobiet w biogramie. In: Poradnia Językowa PWN. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/nazwy-zawodowe-kobiet-w-biogramie;20031.html>>.

²³ Poradnia Językowa PWN. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/>>.

²⁴ Jadacka, H.: Kultura języka polskiego. Fleksja, słowotwórstwo, składnia. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009, s. 126-127.

pracovné pozície zastávané tradične mužmi dnes čoraz častejšie vykonávajú ženy.²⁵ Poľskí lingvisti poukazujú na to, že ženské pomenovania sú v súčasnosti v ofenzíve²⁶ a ich tvorenie si zasluhuje podporu najmä preto, že podporujú komunikatívnu funkciu jazyka.²⁷

Ako sme už uviedli, ženské pomenovania sa dajú utvoriť takmer od každého osobného maskulína. Podľa M. Łazińskiego²⁸ k obmedzeniu tvorenia feminatív dochádza, ak by pripojením ženského sufixu vznikla ťažko vysloviteľná skupina hlások (napr. v potenciálnom tvare **pediatrka* nevyskytujúcom sa podľa autora v korpuse ani slovníkoch),²⁹ alebo v prípade, ak slovotvorný typ s príslušným sufixom už tvorí inú onomaziologickú kategóriu (napr. *pielgrzymka* je „nazwa czynności“, nie „kobieta pielgrzym“). Ženské deriváty sa podľa neho zväčša netvoria ani od pomenovaní profesií, ktoré charakterizuje všeobecná spoločenská úcta (napr. *prezydent*), a od nositeľov titulov (napr. *profesor*). Podľa R. Grzegorzczukowej a J. Puzyniny³⁰ sa v poľštine formuje úzus netvoriť ženské pomenovania od názvov povolání alebo pracovných pozícií, ktoré tradične zastávajú muži (napr. *minister*, *ambasador*). Obmedzené je tvorenie ženských derivátov od mužských pomenovaní vyšších pracovných pozícií, ako aj pomenovaní zakončených na *-log*.³¹ V uvedených prípadoch sa na ženské pohlavie poukazuje lexémou *pani*, t. j. *pani prezydent*, *pani profesor*, *pani minister*, *pani ambasador*, ako aj širším kontextom, porov. *Pani minister była obecna. Pani psycholog przyszła*.³²

Pri existencii mužskej aj ženskej podoby sa ich používanie riadi istými pravidlami. V oficiálnej (ústnej aj písomnej) komunikácii nielen muži, ale aj samotné ženy uprednostňujú mužské pomenovanie (napr. *lekarz*), a to aj v prípadoch, ak ženské pomenovanie (*lekarka*) je zaužívané.³³ M. Bańko³⁴ poukazuje na to, že mužská podoba sa často používa aj pri feminizovaných povolaniach. Mužská podoba používaná vo vzťahu k ženám totiž signalizuje vyššiu prestíž zastávanej pracovnej pozície ako ženský derivát.³⁵

Ženské podoby sa zas používajú častejšie v neoficiálnej komunikácii,³⁶ čoraz častejšie sa však po nich siahajú vo verejnej komunikácii.³⁷ Podľa M. Marcjanik³⁸ ich používa najmä mladá generácia a feministky. Vnímanie niektorých ženských derivátov (napr. *doktorka*, *nauczycielka*)

²⁵ Marcjanik, M.: Pani dyrektor, ale pani księgowa. In: Poradnia Językowa PWN. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/pani-dyrektor-ale-pani-ksiegowa;9851.html>>.

²⁶ Łaziński, M.: Ginekolożka, naukowczyni i in. In: Poradnia Językowa PWN. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/ginekolozka-naukowczyni-i-in;7882.html>>.

²⁷ Bańko, M.: O pożytkach z tzw. form żeńskich. In: Poradnia Językowa PWN. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/o-pozytkach-z-tzw-form-zenskich;15001.html>>.

²⁸ Łaziński, M.: Nazwy żeńskie. In: Poradnia Językowa PWN. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/nazwy-zenskie;4318.html>>.

²⁹ Uvedenému tvrdeniu odporujú niektoré lexémy doložené v NS4, napr. *adiunktka* a *pediatrka*.

³⁰ Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: Słownictwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksálne rodzime. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979, s. 199.

³¹ Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: Rzeczownik, c. d., s. 423.

³² Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: Rzeczownik, c. d., s. 422.

³³ Kłosińska, K.: Żeńskie nazwy stanowisk i zawodów. In: Poradnia Językowa PWN. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/Zenskie-nazwy-stanowisk-i-zawodow;17039.html>>.

³⁴ Bańko, M.: Żeńskie nazwy zawodów. In: Poradnia Językowa PWN. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/zenskie-nazwy-zawodow;9580.html>>.

³⁵ Marcjanik, M.: Pani dyrektor, ale pani księgowa, c. d.

³⁶ Kłosińska, K.: Żeńskie nazwy stanowisk i zawodów, c. d.

³⁷ Bańko, M.: Rozmowa z panią porucznik. In: Poradnia Językowa PWN. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/rozmowa-z-pania-porucznik;13190.html>>.

³⁸ Marcjanik, M.: Pani dyrektor, ale pani księgowa, c. d.

cielka akademicka, filolożka) może u percipientów wywoływać negatywne reakcje;³⁹ deriváty ako *psycholożka, socjolożka, logopedka* zas môžu byť interpretované ako „gorszy psycholog, sociolog, logopeda“.⁴⁰

Veľkú skupinu ženských derivátov charakterizuje neustálenosť či absencia spoločenskej akceptácie. Napr. pri feminatívach *teolożka, antropolożka, filolożka* absentuje spoločenská akceptácia z dôvodu smiešnosti zmäkčenia *-loż-ka*;⁴¹ niektoré feminatíva zas môžu byť chápané len ako výsledok feministických snáh.⁴²

Aj napriek silnému zastúpeniu ženských prechýlených názvov v neologickej lexike pragmatické aspekty ich používania či nepoužívania sú napodiv protirečivé.

Polymotivácia

V ďalšej časti štúdie sa budeme venovať jednej skupine ženských pomenovaní – feminatívam, ktoré ako pomenovania ženských osôb utvorené od osobných maskulín prechýlením tvoria v rámci širšie chápaných ženských názvov najpočetnejšiu skupinu.

Pri viacerých lexémach však možno uvažovať o polymotivácii, napr. *klubowicz* → *klubowiczka* alebo *klub* → *klubowiczka*, *komórkowicz* → *komórkowiczka* alebo *komórka* → *komórkowiczka*, *zapowiadacz* → *zapowiadaczka* alebo *zapowiadać* → *zapowiadaczka*, *aromaterapeuta* → *aromaterapeutka* alebo *aromaterapia* → *aromaterapeutka*, *ekshipis* → *ekshipiska* alebo *eks-* + *hipiska* → *ekshipiska*.

Pri existencii mužského pomenovania budeme považovať ženský názov za utvorený od príslušného osobného maskulína, teda za feminatívum, ktoré patrí k modifikačnému typu onomaziologickej kategórie a má slovotvornú parafrázu „fem + S_{mask}“, porov. *vloger* → *vlogerka* „kobieta vloger“, nie *vlog* → *vlogerka*.⁴³ Časť mužských motivantov, ktoré budeme v ďalšej časti štúdie uvádzať, je zachytená vo všeobecných výkladových slovníkoch poľského jazyka, ďalšiu skupinu tvoria lexémy neologického charakteru, ktoré eviduje neologický slovník poľského jazyka, alebo ich možno doložiť v Národnom korpuse poľského jazyka.⁴⁴

Feminatíva (prechýlené názvy) „fem + S_{mask}“

Prechýľovaním sa tvoria najmä ženské názvy (feminatíva) od osobných maskulín, porov. *surfer* → *surferka* „kobieta surfer“ (NS4), len výnimočne mužské názvy (maskulina-tíva) od osobných feminín, porov. *prostytutka* → *prostytut* „mężczyzna prostytutka“ (NS4, Národný korpus poľského jazyka).⁴⁵

Feminatíva vyexcerpované z NS4 tvoria osem rozlične produktívnych slovotvorných typov: Z_s + *-ka*, Z_s + *-yni/-ini*, Z_s + *-ica/-yca*, Z_s + *-owa*, Z_s + *-ówka*, Z_s + *-ara*, Z_s + *-etka*, Z_s + *-a*.

Nové feminatíva sú utvorené pomocou domácich slovotvorných prostriedkov (sufixov alebo relačných morfémy), ktoré sa pripájajú najmä k cudzím slovotvorným základom, napr.

³⁹ Wolański, A.: *Nazwy zawodowe kobiet w biogramie*, c. d.

⁴⁰ Marcjanik, M.: *Pani dyrektor, ale pani księgowa*, c. d.

⁴¹ Łaziński, M.: *Teolog w spółnicy*. In: *Poradnia Językowa PWN*. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/teolog-w-spolnicy;3819.html>>.

⁴² Kłosińska, K.: *Żeńskie nazwy stanowisk i zawodów*, c. d.

⁴³ Existujú aj prípady, ak v poľskom jazyku jestvuje mužské aj ženské pomenovanie, ale aj napriek tomu ženský názov nemožno považovať za prechýlený. Napr. *sponsorówka* nie je „kobieta sponsor“, ale „ta, ktorá (korzystá ze) sponsoringu“, príp. „ta, ktorá (ma) sponsora“, čím sa zaraďuje k mutačnému typu onomaziologickej kategórie.

⁴⁴ *Narodowy Korpus Języka Polskiego – Wyszukiwarka PELCRA*. Dostupné na internete: <<http://www.nkjp.uni.lodz.pl/>>.

⁴⁵ *Narodowy Korpus Języka Polskiego – Wyszukiwarka PELCRA*. Dostupné na internete: <<http://www.nkjp.uni.lodz.pl/>>.

piercer → *piercer-ka*, *komuch* → *komuch-a*, zriedkavo k domácim slovotvorným základom, napr. *lepiacz* → *lepiacz-ka*, *koniarz* → *koniar-a*.

Slovotvorný typ Z_s + -ka

Podľa R. Grzegorzcykowej a J. Puzyniny⁴⁶ deriváty so suffixom *-ka* sú neobmedzene produktívnym typom a predstavujú najväčšiu a zároveň otvorenú skupinu, keďže takmer od každého substantíva označujúceho osobu mužského pohlavia možno utvoriť ženské pomenovanie so suffixom *-ka*. Obmedzenia predstavujú maskulína, pri ktorých sa na základe ich zakončenia uprednostňuje iný ženský suffix alebo od ktorých sa feminatíva vôbec netvorí. Na základe uskutočneného výskumu možno konštatovať, že suffix *-ka* si udržiava svoje dominantné postavenie aj pri tvorení ženských názvov neologického charakteru.

Ženský suffix *-ka* sa pripája k mužským názvom s rozličnými suffixmi alebo zakončením. Z neologického slovníka možno doložiť nasledujúce príklady: *aukcjoner* → *aukcjonerka*, *bookcrosser* → *bookcrosserka*, *doktor* → *doktorka* žart.,⁴⁷ *lanser* → *lanserka* hovor., *maszer* → *maszerka*, *performer* → *performerka*, *piercer* → *piercerka*, *selekcjoner* → *selekcjonerka*, *selekszyner* → *selekszynerka*, *surfer* → *surferka*, *telemarketer* → *telemarketerka*, *tester*⁴⁸ → *testerka*, *trendsetter* → *trendsetterka*, *webmaster* → *webmasterka*, *windsurfer* → *windsurferka*, *writer* → *writerka*, *raper* → *raperka*, *haker* → *hakerka*, *songwriter* → *songwriterka*, *headhunter* → *headhunterka*, *scouter*⁴⁹ → *scouterka*, *politykier* → *politykierka*, *vloger* → *vlogerka*, *wrestler* → *wrestlerka*, *partyworker* → *party-workerka*, *copywriter* → *copywriterka*, *dziennikowicz* → *dziennikowiczka* sociolekt, *klubowicz* → *klubowiczka*, *randkowicz* → *randkowiczka*, *komórkowicz* → *komórkowiczka*, *krótkowidz* → *krótkowidzka*, *ewaluator* → *ewaluatorka*, *frontman* → *frontmenka* sociolekt, *psychol* → *psycholka* sociolekt, *szachid* → *szachidka*, *świrus* → *świruska*, *zapowiadacz* → *zapowiadaczka*, *lepiacz* → *lepiaczka* okaz., *fascynat* → *fascynatka*, *adiunkt* → *adiunktka* sociolekt, *heroinista* → *heroinistka*, *seksista* → *seksistka*, *tarocista* → *tarocistka*, *solista* → *solistka*,⁵⁰ *tipista* → *tipistka*, *transseksualista* → *transseksualistka*, *homoseksualista* → *homoseksualistka*, *europaista* → *europaistka*, *linergista* → *linergistka* sociolekt, *jungista* → *jungistka*, *alterglobalista* → *alterglobalistka*, *anarchofeminista* → *anarchofeministka*, *antyglobalista* → *antyglobalistka*, *zamordysta* → *zamordystka*, *wikipedysta* → *wikipedystka*, *synesteta* → *synestetka*, *naturoterapeuta* → *naturoterapeutka*, *aromaterapeuta* → *aromaterapeutka*, *dogoterapeuta* → *dogoterapeutka*, *ekshipis* → *ekshipiska*, *pediatra* → *pediatrka*.

V niektorých prípadoch pred suffixom *-ka* dochádza k sprievodnej konsonantickej alternácii (*k/cz*, *rz/r*, *g/ż*),⁵¹ porov. príklady z neologického slovníka: *wapniak* → *wapniaczka*, *strażak* → *strażaczka*, *logomaniak* → *logomaniaczka*, *czatmaniak* → *czatmaniaczka*, *automaniak* → *automaniaczka*, *latarnik* → *latarniczka*, *rozwodnik* → *rozwodniczka*, *czatownik* → *czatowniczka*, *fretkoholik* → *fretkoholiczka* okaz., *ultrakatolik* → *ultrakatoliczka*, *borowik* → *borowiczka* okaz., *komisarz* → *komisarka* okaz., *storczykarz* → *storczykarka*, *pompiarz* → *pompiarka* sociolekt, *laskarz* → *laskarka*, *teolog* → *teolożka*.

⁴⁶ Grzegorzcykowa, R. – Puzynina, J.: Rzecznik, c. d., s. 423.

⁴⁷ Lexéma *doktorka* predstavuje zároveň sémantický neologizmus, porov. 1. „kobieta doktor; lekarka“, 2. neosém. „žartoblivie o kobiecie majacej tytuł naukowy doktora“.

⁴⁸ *Tester* „ten, na kim wypróbowuje się, testuje działanie nowych kosmetyków, leków itp.“ (NS4).

⁴⁹ *Scouter* „osoba zajmująca się wyszukiwaniem talentów“ (NS4).

⁵⁰ Lexéma *solistka* predstavuje zároveň sémantický neologizmus, porov. 1. „artystka występująca solo“, 2. „zawodniczka biorąca udział w indywidualnej konkurencji sportowej“, 3. neosém. „kobieta żyjąca bez partnera, samotnie“.

⁵¹ Alternácie zapisujem v celom príspevku ortograficky.

Pri feminatívach so sufixom *-ka* dochádza k rozličnému rozsahu useknutia.⁵² Konkrétne ide o feminatíva utvorené od mužských názvov zakončených:

a) sufixom *-owiec*: *pijarowiec/piarowiec* → *pijarka*, *estradowiec* → *estradowka* okaz. (s alter. *-owi/-ów-*),

b) sufixom *-anin*: *weganin* → *weganka* (s alter. *ni/n*).

Podľa F. Buffu⁵³ sa v podobných prípadoch ženská forma tvorí od skrátenej podoby kmeňa, ktorá vystupuje v pluráli (*warszawianin* – *warszawianie* → *warszawianka*; podľa R. Grzegorzczukowej⁵⁴ morféma *-in* v mužskom sufixe *-anin* je ukazovateľom „mužskosti“ a „jednotlivosti“, preto nevystupuje v tvaroch plurálu a dochádza k dezintegrácii.

V neologickej lexike sa vyskytuje aj jedno feminatívum utvorené od maskulína na *-log*, porov. *teolog* → *teolożka* (s alter. *g/ż*).⁵⁵ U R. Grzegorzczukowej sa stretávame s tvrdením, že od mužských pomenovaní na *-log* sa feminatíva vôbec netvorí, príčinou čoho je „niepovažne“ znenie týchto pomenovaní spájajúce sa s deminutívami.⁵⁶ V novších publikáciách sa hovorí skôr o obmedzení tvorenia ženských derivátov od substantív na *-log*.⁵⁷ Niektorí lingvisti poukazujú na negatívnu interpretáciu týchto feminatív, porov. *socjolożka* „gorszy socjolog“. ⁵⁸ Stretávame sa aj s tvrdením, že ženské podoby ako *biolożka*, *socjolożka* znejú žartovne.⁵⁹ M. Łaziński však v jazykovej poradni uviedol, že by neváhal používať ženské deriváty od maskulín zakončených na *-log* práve preto, aby sa nikomu nezdali „niepovažne“. ⁶⁰

Słowotwórczy typ Z_s + -yni/-ini

Ide o sufix považovaný v poľskej jazykovede za produktívny.⁶¹ Uplatňuje sa najmä pri tvorení ženských pomenovaní od mužských činiteľských názvov so sufixom *-ca*, napr. *oddawca* → *oddawczyni*,⁶² pričom ide až o 80 % všetkých prípadov.⁶³

V neologickej materii sa vyskytol len jeden takýto prípad: *biorca* → *biorczyni* (s alter. *c/cz*); okrem neho ďalšie tri príklady: *śmialek* → *śmiałkini* (s alter. *-ek/-0ki-*), *eks-bywalec* → *eksbywalczyni* (*e/0*, *c/cz*), *zuchmistrz* → *zuchmistrzyni*. Podľa R. Grzegorzczukowej

⁵² Pri sufixálnom tvorení feminatív možno pred ženským sufixom v porovnaní s motivantom pozorovať rozličný rozsah useknutia, ktoré sa v poľskej lingvistiky pomenúva i chápe rozlične (bližšie porov. Vojteková, M.: Nové kompozitá s iniciálami bázoidmi cudzieho pôvodu v poľštine. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta, 2021, s. 44-46).

⁵³ Buffa, F.: Gramatika spisovnej poľštiny II. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1967, s. 17.

⁵⁴ Grzegorzczukowa, R.: Zarys słowotwórstwa polskiego. Część I. Słowotwórstwo opisowe. Skrypt dla studentów Filologii Polskiej. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1972, s. 107.

⁵⁵ Uniwersalny słownik języka polskiego uważa tri feminatíva od maskulín na *-log*: *psycholożka*, *socjolożka*, *etnolożka*, všetky s kvalifikátorom hovor. Porov. Dubisz, S. (ed.): Uniwersalny słownik języka polskiego. T. 1-4. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.

⁵⁶ Grzegorzczukowa, R.: Zarys słowotwórstwa polskiego. Część I, c. d., s. 107.

⁵⁷ Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: Rzeczownik, c. d., s. 368.

⁵⁸ Marcjanik, M.: Pani dyrektor, ale pani księgowa, c. d.

⁵⁹ Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego, c. d., s. 121.

⁶⁰ Łaziński, M.: Filolożka. In: Poradnia Językowa PWN. Dostupné na internete: <<https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/filolozka/7928.html>>.

⁶¹ Słownik języka polskiego (Doroszewski, W. (ed.): Słownik języka polskiego, c. d.) zachytáva 116 feminatív so sufixom *-yni/-ini*, porov. Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego, c. d., s. 272; Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: Rzeczownik, c. d., s. 423; Grzegorzczukowa, R.: Zarys słowotwórstwa polskiego, c. d., s. 106.

⁶² Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: Rzeczownik, c. d., s. 424.

⁶³ Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego, c. d., s. 272.

a J. Puzyniny⁶⁴ po mužských motivantoch zakončených na *k* a *c*, ako aj po substantíve *mistrz*, ktoré možno pozorovať v uvedených neologizmoch, sa sufix *-yni/-ini* používa výnimočne.

Na základe výskumu lexiky v slovníku pod názvom *Uniwersalny słownik języka polskiego*⁶⁵ možno konštatovať, že oveľa častejší je variant *-yni*, na čo poukázali aj R. Grzegorzcykova a J. Puzynina.⁶⁶

*Slovotvorný typ Z_s + -ica/-yca*⁶⁷

Ide o sufix, ktorý podľa R. Grzegorzcykovej a J. Puzyniny⁶⁸ je v poľskom jazyku produktívny najmä pri odvodzovaní názvov samíc (napr. *lwica*, *oślica*) a typický je tiež pre veľkú skupinu starých pomenovaní, často pejoratívnych (napr. *diablica*, *lotrzyca*). V iných prípadoch nie je produktívny. Podľa R. Grzegorzcykovej a J. Puzyniny⁶⁹ sufix vystupuje v derivátoch modifikujúcich sémanticky (napr. *karlica*, *wilczyca*), modifikujúcich expresívne (pejoratíva typu *aktorzyca*) a iných.

V neologickom slovníku sa vyskytujú dve pomenovania ženských osôb s uvedeným sufixom: okazionálny výraz *krasnalica*⁷⁰ a lexéma *kanclerzyca*, pri ktorej ide podľa nášho názoru o sémantickú aj expresívnu modifikáciu súčasne (porov. *kanclerzyca* „z niechęcią o kobiecie będącej kanclerzem“). Lexémy chápeme ako odvodené od príslušných maskulín, teda *krasnal* → *krasnalica* (s alter. *l/li*), *kanclerz* → *kanclerzyca*. R. Grzegorzcykova a J. Puzynina⁷¹ pripúšťajú aj motiváciu feminínom, napr. *aktorka* → *aktorzyca* (s useknutím); v prípade uvedených pomenovaní *krasnalka* → *krasnalica* (s useknutím a alter. *l/li*), *kanclerka*⁷² → *kanclerzyca* (s useknutím a alter. *r/rz*).

Slovotvorný typ Z_s + -owa

Sufix *-owa* môže vyjadrovať dva významy, porov. *krawcowa* „kobieta krawiec“ alebo *dyrektorowa* hovor. „žona dyrektora“.⁷³ Pri niektorých lexémach vyjadruje oba významy, porov. *księdzowa* sociolekt 1. „kobieta ksiądz“, 2. „žona księdza“ (NS4), *baronowa* 1. „kobieta baron“, 2. „žona barona“ (NS4). Poukazuje teda na pracovnú pozíciu alebo profesiu vykonávanú ženou, resp. nositeľku titulu (1. význam) a príbuzenský vzťah (2. význam). V prvom prípade ide o modifikačný typ onomaziologickej kategórie (feminatívum), v druhom prípade ide o mutačný typ onomaziologickej kategórie – pomenovania osôb (manžielok) v príbuzenskom vzťahu,⁷⁴ pričom ich motivantmi sú názvy mužov zastávajúcich istú pracovnú pozíciu (napr. *dyrektorowa*), prípadne vykonávajúcich istú

⁶⁴ Grzegorzcykova, R. – Puzynina, J.: *Rzeczownik*, c. d., s. 424.

⁶⁵ Dubisz, S. (ed.): *Uniwersalny słownik języka polskiego*, c. d.

⁶⁶ Grzegorzcykova, R. – Puzynina, J.: *Słotwórstwo współczesnego języka polskiego*, c. d., s. 272.

⁶⁷ Publikácia Grzegorzcykova, R. – Laskowski, R. – Wróbel, H. (eds.): *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, c. d., uvádza len podobu *-ica* (s. 423-424).

⁶⁸ Grzegorzcykova, R. – Puzynina, J.: *Rzeczownik*, c. d., s. 424.

⁶⁹ Grzegorzcykova, R. – Puzynina, J.: *Słotwórstwo współczesnego języka polskiego*, c. d., s. 73, 75-76.

⁷⁰ Figúrka zobrazujúca rozprávkovú bytosť.

⁷¹ Grzegorzcykova, R. – Puzynina, J.: *Słotwórstwo współczesnego języka polskiego*, c. d., s. 76.

⁷² Lexikálnu jednotku *kanclerka* možno doložiť len v Národnom korpuse poľského jazyka (Narodowy Korpus Języka Polskiego – Wyszukiwarka PELCRA. Dostupné na internete: <<http://www.nkjp.uni.lodz.pl/>>).

⁷³ Dubisz, S. (ed.): *Uniwersalny słownik języka polskiego*, c. d.

⁷⁴ V poľskej lingvistike sa príslušná mutačná kategória pomenúva ako *nazwy subiektów przy niewyrażonym predykanie* → *nazwy osób pozostających w relacji pokrewieństwa*: Grzegorzcykova, R. – Puzynina, J.: *Rzeczownik*, c. d., s. 445.

profesiu (napr. *szewcowa*).⁷⁵ Pri tvorení feminatív sufix *-owa* nie je produktívny,⁷⁶ čo sa ukazuje aj v novej lexike, kde sa vyskytli len spomínané dve ženské pomenovania: *księżdowa* sociolekt, *baronowa*.⁷⁷

Slovotvorný typ Z_s + -ówka

Sufix *-ówka* patrí v rámci feminatív k zriedkavým,⁷⁸ čo sa potvrdzuje aj v novej lexike, v ktorej sa vyskytlo jedno ženské pomenovanie: *etosówka*, ktoré však môžeme interpretovať rôzne. Vzhľadom na existenciu mužských názvov *etosiarz*, *etośnik*, *etosowiec* ho primárne chápeme ako feminatívum utvorené sufixom *-ówka* (porov. *etosiarz*, *etośnik* → *etosówka*, s useknutím a alter. *si,ś/s*), resp. *-ka* (*etosowiec* → *etosówka*, s useknutím a alter. *o/ó*). Možno ho však chápať aj ako utvorené od substantíva *etos*, na základe čoho by patrilo k mutačnému typu onomaziologickej kategórie. Podľa R. Grzegorzczukowej a J. Puzyniny⁷⁹ rozličné desubstantívne deriváty so sufixom *-ówka* patria primárne k mutačnému typu onomaziologickej kategórie; pomenovania osôb takmer úplne absentujú. M. Łaziński uvádza, že sufix *-ówka* charakterizuje hovorovosť a odtienok pohrdania.⁸⁰

Slovotvorný typ Z_s + -ara

V neologickom materiáli sme v jednom prípade identifikovali slovotvorný typ Z_s + *-ara*, ktorý považujeme za modifikačný typ onomaziologickej kategórie, porov. *ściemniacz*⁸¹ → *ściemniara*. Využitie sufixu *-ara* pri feminatívach hodnotíme ako raritné. R. Grzegorzczukowa a J. Puzynina⁸² interpretujú deriváty so sufixom *-ara* v rámci mutačno-modifikačného typu onomaziologickej kategórie ako: deverbatívne deriváty (napr. *rozrabiać* → *rozrabiana*), deadjektívne deriváty (napr. *cwany* → *cwaniara*) alebo desubstantívne deriváty (*kot* → *kociara*)⁸³ pejoratívno-žartovného charakteru. Podľa uvedených autoriek niektoré názvy ženských osôb sú primárne motivované ženskými pomenovaniami zakončenými na *-arka* (porov. *handlarka* → *handlar-a*, s useknutím),⁸⁴ pričom pomenovanie *handlara* v porovnaní s *handlarka* predstavuje augmentatívum.

Slovotvorný typ Z_s + -etka

Tento sufix sa pri tvorení feminatív bežne neuplatňuje a aj jeho výskyt v neologickom materiáli je raritný. Podľa R. Grzegorzczukowej a J. Puzyniny⁸⁵ sa sufix *-etka* používa na tvorenie deminutív, napr. *aria* → *arietka*. V neologickom slovníku sme identifikovali len jedno ženské pomenovanie s uvedeným sufixom, ktorého motivantom je mužský názov: *chav*⁸⁶ → *chavetka*.

⁷⁵ Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: *Rzeczownik*, c. d., s. 445.

⁷⁶ Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: *Rzeczownik*, c. d., s. 423.

⁷⁷ Lexéma *baronowa* predstavuje zároveň sémantický neologizmus, porov. 1. „żona barona“, 2. neosém. „kobieta baron“.

⁷⁸ Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: *Rzeczownik*, c. d., s. 423.

⁷⁹ Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: *Słownictwo współczesnego języka polskiego*, c. d., s. 145.

⁸⁰ Łaziński, M.: *Ginekologia, naukowczyni i in.*, c. d.

⁸¹ *Ściemniacz* 1. „przyrząd służący do regulowania siły światła“, 2. neosém. hovor. „ten, kto ściemnia“.

⁸² Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: *Słownictwo współczesnego języka polskiego*, c. d., s. 275-276.

⁸³ Možno aj interpretácia *kociarz* → *kociar-a*, porov. Jadacka, H. (ed.): *Słownik gniazd słownotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*. Tom 2. Część I. A–O. Gniazda odrzeczownikowe. Kraków: Universitas, 2001, s. 744.

⁸⁴ S rovnakou interpretáciou sa stretávame v publikácii Skarżyński, M. (ed.): *Słownik gniazd słownotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*. Tom 3. Część I. A–O. Gniazda odczasownikowe. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagellonica“, 2004, s. 251.

⁸⁵ Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: *Słownictwo współczesnego języka polskiego*, c. d., s. 142.

⁸⁶ *Chav* „członek młodzieżowej, popularnej w Anglii, grupy subkulturowej – odpowiednik polskich dresiarzy“ (NS4).

Slovotvorný typ $Z_s + -a$

V neologickej lexike sa vyskytli aj prípady utvorenia feminatíva pomocou súboru relačných morfémy: *herbaciarsz* → *herbaciara*, *tandeciarz* → *tandeciara*, *zadymiarz* → *zadymiara* hovor., *fuksiarz* → *fuksiara* hovor., *koniarz* → *koniara* hovor., *tremiarz* → *tremiara* okaz. (s alter. rz/r), *komuch* → *komucha* okaz. Uvedené feminatíva boli utvorené prevažne od maskulín so sufixom *-arz*, no vyskytol sa aj mužský motivant s expresívnym sufixom *-uch* (*komuch*).

Transflexia je podľa R. Grzegorzczukowej a J. Puzyniny⁸⁷ pomerne častým slovotvorným postupom a pravidelne sa takto tvoria ženské názvy najmä od mužských názvov s adjektívnym skloňovaním (napr. *chrzestny* → *chrzestna*). V rámci nových feminatív ide o druhý najviac zastúpený slovotvorný typ.

Záver

Emancipačné a feministické úsilie o sociálne, ekonomické či politické zrovnoprávnenie žien s mužmi majú nepochybne vplyv aj na jazyk. Aj napriek podobnému statusu žien v niektorých krajinách môže byť jeho jazykové stvárnenie rôzne, čo vyznieva o to zaujímavejšie pri geneticky a areálovo blízkych jazykoch, ako sú napr. poľština a slovenčina.

V poľštine môžeme prechýlený ženský názov formálne utvoriť takmer od každého mužského názvu. Problémom je však vnímanie a hodnotenie niektorých feminatív samotnými Poliakmi (vrátane žien), čo má bezprostredný vplyv na jazykový úzus. Okrem niekoľkých formálnych prekážok sa v poľštine ženské deriváty zväčša netvoria od pomenovaní profesií charakterizovaných všeobecnou spoločenskou úctou, od názvov povolání alebo pracovných pozícií tradične zastávaných mužmi a mužských pomenovaní vyšších pracovných pozícií (napr. *prezydent*, *minister*, *ambasador*, *dziekan*), ako aj od nositeľov titulov (napr. *profesor*). Pri existencii mužskej aj ženskej podoby sa mužské pomenovania uprednostňujú v oficiálnej komunikácii a ženské pomenovania v neoficiálnej komunikácii. Mužská podoba používaná vo vzťahu k ženám signalizuje vyššiu prestíž zastávanej pracovnej pozície ako ženský derivát, čo vzbudzuje dojem, že mužskosť je vnímaná prestížnejšie ako ženskosť. Ženské podoby sa spájajú najmä s mladou generáciou a feministkami. Niektoré ženské deriváty môžu u percipientov vyvolávať negatívne reakcie. Veľkú skupinu charakterizuje neustálenosť či absencia spoločenskej akceptácie, okazionálny charakter, špecifickosť pre istý komunikačný register či štylistická príznakovosť (hovorovosť).⁸⁸

V rámci širšie chápaných nových ženských názvov vyxcerptovaných z NS4 feminatíva ako jedna podskupina ženských názvov, ktoré sú utvorené od osobných maskulín prechýlením, predstavujú takmer 77 % (celkovo 99 lexém). Nové feminatíva tvoria osem rozlične produktívnych slovotvorných typov, porov. $Z_s + -ka$ (81 lexém), $Z_s + -ini/-yni$ (4 lexémy), $Z_s + -ica/-yca$ (2 lexémy), $Z_s + -owa$ (2 lexémy), $Z_s + -ówka$ (1 lexéma), $Z_s + -ara$ (1 lexéma), $Z_s + -etka$ (1 lexéma), $Z_s + -a$ (7 lexém).

Z komparácie využitia uvedených feminatívnych sufixov v rámci neologickej lexiky a lexiky neneologického charakteru vyplývajú nasledujúce závery.

1. Sufix *-ka* si zachováva svoje dominantné postavenie aj pri tvorení nových feminatív.
2. Prioritné uplatňovanie sufixu *-yni/-ini* po mužských činiteľských názvoch zakonče-

⁸⁷ Grzegorzczukowa, R. – Puzynina, J.: *Rzeczownik*, c. d., s. 424.

⁸⁸ V slovenčine sú feminatíva typu *prezidentka*, *profesorka*, *ministerka*, *veľvyslankyňa* či *dekanka* všeobecne akceptované, zaužívané a bezpríznačné.

ných na *-ca* sa nepotvrdilo. V rámci nových feminatív sa vyskytuje len jeden takýto prípad (*biorca* → *biorczyni*).

3. Pri ďalších sufixoch sa potvrdila obmedzená produktivnosť pri tvorení feminatív (porov. *-ówka*, *-owa*).

4. Sufix *-ica/-yca* je aj v rámci neologickej lexiky nositeľom sémantickej i expresívnej modifikácie.

5. V rámci vyexcerpovaného materiálu sme identifikovali aj dva nové feminatívne sufixy: *-etka* (*chav* → *chavetka*), ktorý sa v poľskom jazyku používa primárne na tvorenie deminutív, a *-ara* (*ściemniacz* → *ściemniara*), ktorý sa využíva na tvorenie desubstantívnych, deadjektívnych a deverbatívnych derivátov v rámci mutačno-modifikačného typu onomaziologickej kategórie.

Domáce slovotvorné prostriedky (sufixy alebo relačné morfémy) sa pripájajú najmä k cudzím slovotvorným základom (porov. *piercer* → *piercer-ka*, *komuch* → *komuch-a*), len zriedka k slovotvorným základom domáceho pôvodu (porov. *lepiacz* → *lepiacz-ka*, *koniarz* → *koniar-a*). Niekedy dochádza pred ženským sufixom k useknutiu slovotvorného základu alebo k morfonologickým alternáciám ako sprievodným slovotvorným javom (porov. *weganin* → *wegan-ka*, *etosowiec* → *etosów-ka*).

Materiál dokazuje, že tvorenie neologických pomenovaní sa v zásade riadi pravidlami platnými pre celú lexiku. Produktivnosť slovotvorných prostriedkov či postupov v celej lexike sa prenáša aj do tvorenia neologizmov. Konkrétne odchýlky a inovácie sa v rámci nových feminatív vyskytujú, ale v zásade neologický materiál neneguje „pravidlá slovotvornej hry“ platné pre celú lexiku. Záverom možno konštatovať, že štúdia venovaná novým feminatívam v poľskom jazyku poskytuje potenciálne východisko pre širší slavistický výskum nielen z jazykovo-štruktúrneho, ale aj komunikačno-pragmatického hľadiska.

New Feminities in the Polish Language

Marta Vojteková

Emancipation and feminist efforts for the social, economic and political equality of women and men have undoubtedly had an impact on language. Despite the similar status of women in some countries, its linguistic presentation may be different, which sounds even more interesting in the case of genetically and areally close languages, such as Polish and Slovak. In Polish, a gender-inflected feminine name can be formally derived from almost any masculine name. However, the problem is the perception and evaluation of some feminities by Poles themselves (including women), which has an immediate impact on language usage. In the context of broadly understood new feminine names excerpted from the publication *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 2001 – 2005* [New Polish Vocabulary. Press Materials 2001 – 2005] feminities account for almost 77 %. The material proves that the formation of neological names is basically governed by the rules applicable to the whole lexis. The productivity of word-formation means or procedures in the whole lexis is also transferred to the formation of neologisms. Although some particular deviations and innovations do occur within new feminities, in principle, the neological material does not break the “rules of word-formation play” applicable to the whole lexis.

НАТАЛІЯ КОНДРАТЕНКО*

Інавгураційна промова як мовленнєвий жанр президентської риторики в українському і словацькому політичному дискурсі

KONDRATENKO, N.: Inaugural Speech as a Speech Genre of Presidential Rhetoric in Ukrainian and Slovak Political Discourse. *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 1, pp. 33-46 (Bratislava).

The inaugural speeches of two presidents – the President of Ukraine Volodymyr Zelensky on May 20, 2019 and the President of Slovakia Zuzana Čaputová on June 15, 2019 were studied by structural-semantic, linguocognitive and linguopragmatic parameters. The composition and structure of inaugural speeches are considered, the main semantic oppositions and concepts in the inaugural speeches of the Presidents of Ukraine and Slovakia are determined. The communicative intention, the main speech acts, and the communicative strategies on which the ritual presidential discourse is based are characterized.

Inaugural speech, presidential discourse, concept, speech act, communicative strategy.

Вступ

Дослідження інавгураційної промови як жанру політичного дискурсу ґрунтується на актуалізації лінгвопрагматичних параметрів політичної комунікації. Серед таких параметрів особливе місце належить ритуалізації: політичні ритуали, зокрема їхні вербальні складники, є обов'язковими для виконання в сучасному світі глобалізації та інформаційних технологій. Передусім це стосується регламентації президентської діяльності, оскільки знакові політичні події завжди супроводжуються ритуальними текстами – привітаннями, подяками, некрологами тощо. Визначальна роль серед ритуальних текстів належить інавгураційній промові новообраного президента. У більшості європейських країн каденція перебування на посаді очільника держави визнана лише з дати інавгурації, а не від оголошення офіційних результатів президентських виборів. Цей жанр визначає загальну стратегію і програми діяльності президента, його основні пріоритети на посаді, містить елементи подяки народowi за зроблений вибір і обіцянки покращити рівень життя в країні. Вимоги до структури, семантики і лінгвопрагматики інавгураційної промови є спільними, незалежно від мови виголошення та особистості мовця, проте домінантні стратегії, семантичне наповнення й пріоритетні стратегії президентів значно відрізняються.

Для дослідження інавгураційної промови як вияву політичної риторики ми обрали інавгураційні виступи двох президентів – президента України Володимира Зеленського і президентки Словаччини Зузани Чапутової (Zuzana Čaputová). Цих лідерів поєднує термін перебування на посаді (з 2019 року), перше обрання президентом і певна незвичність для країни (В. Зеленський став першим в історії України актором-прези-

* Наталія Василівна Кондратенко, доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри прикладної лінгвістики, e-mail: kondr_nat@ukr.net; Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна.

дентом, а З. Чапутова – першої в історії Словаччини жінкою-президентом). В обох випадках вибір народу був зумовлений прагненням суттєвих змін і відмовою від старих уподобань і політичних ідеалів. Зважаючи на це, інавгураційні промови повинні мати спільні елементи, але і відрізнятися від промов попередніх президентів насамперед в аспекті семантики і лінгвопрагматики.

Метою дослідження є виявлення структурно-семантичних і лінгвопрагматичних особливостей інавгураційних промов у контрастивному аспекті. Мета передбачила розв'язання таких завдань, як дефініювання інавгураційної промови як жанру політичного дискурсу, зіставний аналіз промов українського і словацького президентів, виокремлення спільних і відмінних елементів структури текстів, з'ясування домінантних лексико-семантичних груп і полів в інавгураційних промовах, визначення основних мовленнєвих актів і стратегій комунікативного впливу на адресатів.

Методи дослідження ґрунтувалися на поставлених завданнях: метод лінгвістичного аналізу використано для виявлення жанрово-стилістичних особливостей інавгураційної промови; метод компонентного аналізу та прийоми концептуального аналізу використано для з'ясування семантики промов; метод зіставного аналізу застосовано для контрастивної характеристики виступів українського і словацького президентів; метод дискурсивного аналізу прислужився для дослідження комунікативних ролей і позицій мовців; метод лінгвопрагматичного аналізу уможливив вивчення реалізованих у президентській риториці комунікативних стратегій і тактик.

Дискусії

У сучасному мовознавстві дослідження інавгураційних промов спирається на теоретико-методологічні засади аналізу політичного дискурсу, що було започатковано у другій половині XX століття у працях Т. ван Дейка,¹ Р. Водак,² Е. Лассан,³ А. Чудинова,⁴ О. Шейгал⁵ та ін. Переважно в центрі уваги дослідників було представлено аналіз мовних аспектів політичних медіатекстів (К. Серажим),⁶ публічних промов політиків (Л. Славова),⁷ нової політичної лексики (Р. Шимуля)⁸ і синтаксису (М. Вінтонів та ін.)⁹ тощо. Виокремлення лінгвопрагматичних параметрів політичного дискурсу уможливило дослідження мовленнєвих жанрів (Ф. Бацевич)¹⁰ і комунікативних стратегій поведінки політиків

¹ Dijk, T. A. van.: Discourse, Opinion and Ideologies. In: Discourse and Ideologies. Clevedon: Multilingual Matters LTD, 1996, p. 7-37.

² Wodak, R.: Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1989. 288 p.

³ Лассан, Э.: Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 1995. 231 с.

⁴ Чудинов, А. П.: Политическая лингвистика. Москва: Флинта: Наука, 2007. 256 с.; Чудинов, А. П.: Современная политическая коммуникация. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2009. 292 с.

⁵ Шейгал, Е. И.: Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис, 2004. 326 с.

⁶ Серажим, К. С.: Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність. Київ: КНУ, 2002. 392 с.

⁷ Славова, Л. Л.: Мовна особистість лідера у дзеркалі політичної лінгвоперсонології: США – Україна. Житомир: Житомирський державний університет ім. І. Франка, 2012. 360 с.

⁸ Szymula, R.: Distinctive features of Russian presidents' inaugural speeches. January 2017. Białostockie Archiwum Językowe. <https://goo.su/8ApQ>

⁹ Вінтонів, М. О. – Вінтонів, Т. М. – Мала, Ю. В.: Синтаксичні засоби експресивізації в українському політичному дискурсі. Вінниця: ВКБА КНУБА, 2018. 490 с.

¹⁰ Бацевич, Ф. С.: Нариси з лінгвістичної прагматики. Львів: ПАІС, 2010. 336 с.

(Л. Завальська).¹¹ У зарубіжній лінгвістиці питання президентської риторики також набули ґрунтовного висвітлення.¹²

На матеріалі української мови окремі аспекти інавгураційних промов вивчено в наукових розвідках Л. Стрій,¹³ на матеріалі болгарської мови – Й. Кірілової,¹⁴ на матеріалі російської мови – О. Шейгал¹⁵ та ін. Контрастивні дослідження переважно були скеровані на зіставлення промов президентів держав Східної і Західної Європи (наприклад, України та Німеччини)¹⁶ або європейських країн і США.¹⁷ Проте вперше здійснено зіставне лінгвістичне дослідження інавгураційних промов чинних президентів України і Словаччини.

Основне дослідження

Ми проаналізували інавгураційні промови Президента України Володимира Зеленського і президентки Словацької республіки Зузани Чапутової за трьома аспектами – структурно-семантичним, лінгвоконцептуальним і лінгвопрагматичним.

1. Структурно-семантичний аспект передбачає виокремлення основних частин президентської промови, обов'язкових для цього мовленнєвого жанру політичного дискурсу.

За структурою інавгураційна промова як ритуальний виступ містить обов'язкові рамкові елементи – привітання (звернення до адресатів) і заключну частину ритуального характеру (оптатив, ритуальна або етикетна формула). У промові В. Зеленського привітання містить етнонім: укр. *Дорогі українці!* або звертання до народу загалом: *Дорогий народо!* З. Чапутова уникає подібних звертань, апелюючи до народу загалом.

Основна частина інавгураційної промови зосереджена на позитивній оцінці вибору народу на окресленні політичної програми обраного лідера держави. На семантичному рівні це виражається в концептуальному протиставленні минулого і майбутнього в аксіологічній площині. У промові В. Зеленського апеляція до минулого містить негативне оцінювання дій попередньої влади: *І моє обрання доводить – громадяни втомилась від досвідчених, системних, надутих політиків, які за 28 років створили країну можливостей. Можливостей «відкатів», «потоків», «дербанів»*. Категорія оцінки виражена в ад'єктивах та субстантивах-жаргонізмах, що містять характеристики по-

¹¹ Завальська, Л. В.: Інтерактивна мовленнєва поведінка українських політиків: основні комунікативні стратегії. In: Science and Education a New Dimension. Philology, 2016, IV (22), № 99, p. 67-70.

¹² Štefančík, R. – Cingerová, N. – Dulebova, I.: Politická lingvistika. Bratislava: EKONOM, 2021. 154 s.; Kubát, M. – Čech, R.: Quantitative Analysis of US Presidential Inaugural Addresses. In: Glottometrics, 2016, № 34. https://www.researchgate.net/publication/304825825_Quantitative_Analysis_of_US_Presidential_Inaugural_Addresses; Lim, E. T.: Five Trends in Presidential Rhetoric: An Analysis of Rhetoric from George Washington to Bill Clinton. In: Presidential Studies Quarterly, 2004, № 32, p. 328-348; Liu, F.: Genre Analysis of American Presidential: Inaugural Speech. In: Theory and Practice in Language Studies, 2012, Vol. 2, No. 11, p. 2407-2411. <https://goo.su/8apq>

¹³ Стрій, Л. І.: Ритуальні жанри українського політичного дискурсу: структурно-семантичний і лінгвопрагматичний аспекти: дис. на здобуття наук. ступеня к. філол. н. Одеса, 2015. 190 с.

¹⁴ Кирилова, Й.: Стратегии и тактики в инаугурационных речи на болгарските президенти (Ритуаль в политическия език). In: Известия на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин», 2020, кн. XXXIII, с. 166-188.

¹⁵ Шейгал, Е. И.: Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса. In: Жанры речи, 2002, № 3, с. 205-214.

¹⁶ Петлюченко, Н. В.: Контрастивная специфика президентского харизматического дискурса Германии и Украины. In: Одесский лингвистический вестник, 2016, № 8, с. 147-151.

¹⁷ Potapenko, S.: Communicative strategies as a two-faceted phenomenon: A cross-linguistic study of inaugural addresses. In: Herald of KNU. Series in Philology, 2020, vol. 23 (1), p. 71-83.

літиків – попередників новообраного президента – та їхньої діяльності. Використання фактичної інформації – періоду незалежності України до обрання президентом В. Зеленського – як часу діяльності політиків, що не змогли реалізувати народні прагнення, представлено в іронічному вимірі: «створити країну можливостей» має негативний підтекст. Наявне в промові й імпліцитне звернення до основного опонента – попереднього президента України П. Порошенка: *Це міфічні українські дороги, які будуються та ремонтуються тільки у чийсь бурхливій уяві*. З огляду на те, що у виконанні політичної програми П. Порошенко вказував зроблені дороги, у такий спосіб В. Зеленський не лише критикує свого попередника, а й піддає сумніву правдивість його заяв.

В інавгураційній промові словацької президентки відкрите оцінне протиставлення відсутнє, але фіксуємо імпліцитну оцінку дій попередньої влади: *Slovenská republika a jej občania si zaslúžia, aby každý, kto je vo verejnej službe, pracoval pre občanov, a neslúžil žiadnemu bočnému záujmu, nech už prichádza z ktorejkoľvek strany*. У такий спосіб визначено, що є політики, які не відповідають заявленим вимогам, зокрема вказано на відстоювання сторонніх інтересів, що є неприпустимим для державних діячів. Утім, З. Чапутова, як і президент України, звертається до історичних передумов формування держави: *Hoci nie všetci súhlasili so spôsobom rozdelenia Česko-Slovenska, k zodpovednosti za vývoj nášho mladého štátu sa prihlásila celá naša spoločnosť*. При цьому негативні оцінки попередньої влади відсутні, незважаючи на наявні труднощі під час становлення молодого держави. Тут негативні факти представлено не як проблему попередньої влади, а як спільну проблему, вирішену завдяки спільним зусиллям. Фіксуємо відмінність у семантиці опису минулих подій: в українській президентській риториці наявна негативна оцінка й дистанціювання від цього негативу, у словацькій – апеляція до минулих труднощів і шляхів їхнього спільного розв’язання.

До семантично еквівалентних позицій уналежнюємо об’єднання президента з народом: укр. *Відсьогодні кожен з нас несе відповідальність за країну, яку ми залишимо своїм дітям. Кожен з нас, на своєму місці, зможе зробити все для розквіту України*; словацьк. *Naši susedia – Česká republika, Maďarsko a Poľsko – mali pred nami niekoľkoročný náskok na ceste do Európskej únie, ale členmi únie a súčasťou schengenského priestoru sme sa stali spolu s nimi. A ako jedini patríme do eurozóny. Zvládli sme to*. Частотне вживання займенників 1-ої особи множини (*ми, нас*) та означального (*кожен*) вказує на об’єднання мовця з адресатами. На рівні стилістики у промові З. Чапутової для посилення цієї семантики вжито прийом експресивного синтаксису – синтаксичної епіфори: *Ešte pred pár rokmi sme ako verejnosť iba prizerali, ako jedno veľké verejné obstarávanie za druhým vyhrávajú rôzne schránkové firmy neznámych vlastníkov. Dnes máme zákon, ktorý je v odkrývaní vlastníckych štruktúr firiem obchodujúcich so štátom inšpiráciou aj pre iné krajiny. Zvládli sme to!* Таким кінцевим елементом завершується низка надфразних єдностей, що містять характеристику історичного минулого Словацьчини. Повторення однакового висловлення з окличної інтонацією і семантикою консолідації президента з народом як співучасників певних досягнень створює суцільний ефект залучення адресата до комунікативного процесу.

Другий компонент основної частини інавгураційної промови – пріоритети і програмні тези – містять перелік основних завдань, які президенти вважають основними. В. Зеленський подає такий перелік за черговістю виконання: *І наше найперше*

завдання – припинення вогню на Донбасі. Наш **наступний виклик** – це повернення втрачених територій. Це шокуючі тарифи, принизливі зарплати і пенсії, болючі ціни, неіснуючі робочі місця. Це медицина, про покращення якої говорять здебільшого ті, хто ніколи не лежав з дитиною у звичайній лікарні. Це міфічні українські дороги, які будуються та ремонтуються тільки у чиїсь бурхливій уяві. За семантичними групами програмних положень виокремлено територіальну цілісність країни, економічну проблематику, медицину, ремонт доріг. Наголосимо на тому, що програмні положення містять не майбутні пріоритети, а твердження наявних проблем, актуальних до розв'язання. У такий спосіб представлено політичну програму новообраного президента та його пріоритети на цій посаді.

У З. Чапутової проблематика програмної частини подібна: соціальні питання, економіка, зовнішня політика тощо, напр.: *Je potešiteľné, že priemerná mzda v národnom hospodárstve dynamicky rastie, ale oveľa radostnejšie bude, keď rovnako dynamicky narastie aj počet obyvateľov, ktorí budú môcť zo svojej mzdy viesť dôstojný a plnohodnotný život.* Це вказує на спільні проблеми для Словаччини та України в умовах об'єднаної Європи або прагнень до вступу до її лав. Так само збігаються й порушені проблеми медицини: *Dôstojnosť občana si vyžaduje, aby každý – bez ohľadu na výšku svojich príjmov, na svoj národnostný či etnický pôvod, na príslušnosť ku ktorejkoľvek menšine – mal prístup k potrebnej a kvalitnej zdravotnej starostlivosti.* Єдиною суттєвою відмінністю в програмній частині є збереження територіальної цілісності України в промові В. Зеленського та припинення війни на сході країни.

Заключна частина промови українського президента містить ритуальну формулу *Слава Україні!* І традиційне для цього жанру формулювання кредо чи мети мовця: *І наостанок. Дорогий народо! Протягом свого життя я намагався робити все, щоб українці усміхалися. Це була моя місія. Тепер я робитиму все, щоб українці принаймні більше не плакали.* В. Зеленський формулює це як місію президентства, оскільки він не був професійним політиком, а прийшов до влади з комічного мистецтва. Порівнюючи своє завдання як актора-коміка і як президента країни, він протиставляє ці місії, використовуючи антоніми *сміятися – плакати* та намагаючись їх ототожнити.

У промові З. Чапутової таким завданням стає спільна подорож, спільний шлях до кращої Словаччини: *Cesta k najlepšiemu možnému Slovensku však nevedie cez žiadne príjemné skratky. To je vždy potrebné si úprimne povedať, aj v takejto chvíli. Ak sa k nemu chceme dostať, musíme celú trasu absolvovať poctivo, krok za krokom, ako občania, obyvatelia a spoločensť.* Президентка формулює це не як власну місію як очільниці держави, а як спільне завдання всієї країни і всього народу. Своє прагнення президентка висловлює як бажання: *Veľmi si želám, aby to bola naša spoločná cesta. Aby som bola prezidentkou ľudí, ktorí už po nej kráčajú, ale aj tých, ktorí sa k nej pridajú. Aby som mohla byť prezidentkou všetkých občanov a občanok Slovenskej republiky.* Однаке поєднання займенників *я і ми*, а також відповідних дієслів 1-ої особи однини та множини вказує на формулювання місії як спільного завдання всієї країни, а не лише окремо президента. Завершальна частина містить висловлення бути президенткою всією Словацької Республіки, що і є основним меседжем інавгураційної промови З. Чапутової, та подяка різними мовами народів, які проживають у Словаччині: *Ďakujem. Köszönöm. Ďakuju šumši. Děkuji. Pa'ikerav.*

Аналізуючи семантику основної частини промов українського і словацького президентів відзначимо **спільні семантичні опозиції** *я – ми – вони*. Семантична актуалізація мовця як президента здійснюється через використання займенників і форм 1-ої особи однини: *І щойно – не тільки я складав присягу. Кожен з нас поклав руку на Конституцію і кожен з нас присягнув на вірність Україні*. При цьому має місце семантичне ототожнення мовця з адресатами: *ми = всі, кожен з нас*. Таке семантичне ототожнення відповідає загальній ідеї передвиборчої кампанії В. Зеленського: «Кожен з нас є президентом». Перехід від семантики «я» до «ми» здійснюється через уналежнення особи мовця до загальної спільноти однодумців, виборців, народу загалом.

Актуалізація вербального маркера «ми» наявна і в словацькому президентському дискурсі: *Naši vedci sú súčasťou viacerých svetových vedeckých tímov, vyvíjame produkty a technológie úspešne aj v medzinárodnom merítku. Naša občianska spoločnosť je aktívna a vyspelá. Vieme si pomôcť navzájom a vieme pomáhať aj vo svete*. При цьому як об'єднання мовця з адресатами, так і протиставлення тут немає. З. Чапутова загалом не актуалізує «я»-позицію, а говорить від імені своїх виборців і народу, що вказує на менший ступінь індивідуалізованості мовлення порівняно з В. Зеленським.

У президентському дискурсі також є актуальною семантична опозиція «свій» – «чужий», реалізована у конкретному протиставленні «дім» – «чужина»: *Ti, хто не знайшов себе вдома, а знайшов заробіток на чужині... Ви повинні їхати в Україну не в гості, а додому*. Вербальними маркерами цієї опозиції слугують лексеми *Україна, дім та гість, чужина*. Таке протиставлення вказує на актуалізацію семи території, розташування дому. Ця семантична опозиція пов'язана з концептом «повернення», оскільки для України і Словаччини є однаково важливою проблема трудової міграції і пошуків громадянами кращого життя закордоном. З. Чапутова актуалізує саме семантику повернення, апелюючи до цієї опозиції: *Teším sa z návratu každého občana a občianky domov na Slovensko, aj z každej iniciatívy, ktorá o to usiluje*. Спостерігаємо повне ототожнення семантичної опозиції «свій» – «чужий» як «дім» – «чужина» в обох президентських дискурсах.

2. Лінгвокогнітивний аналіз президентських промов дає підстави виокремити основні концепти та їхні вербальні репрезентанти.

В інавгураційній промові В. Зеленського домінує концепт «**президент**», що містить ядерну частину, репрезентовану лексемою «президент»: *Після моєї перемоги на виборах мій шестирічний син сказав: «Та! По телевізору кажуть, що «Зеленський – Президент...». Виходить, що... я... теж Президент?!». І тоді це прозвучало як жарт, але згодом я зрозумів, що насправді це істина. Тому що кожен з нас Президент*. Частотність вживання цієї лексеми у промові В. Зеленського досить висока – 10 слововживань загалом у тексті, ми навели фрагмент з найвищою частотністю. При цьому вживання має концентрований характер: лексему вжито кілька разів поспіль, що актуалізує прийом повторення як стилістично потужного засобу впливу в ораторському мистецтві. Так, використано синтаксичну анафору на підсаві повторення лексеми «президент»: *Уявіть собі гучні заголовки: «Президент не платить податків», «Президент напідпитку промчав на червоне світло», «Президент потихеньку краде, бо «всі ж так роблять»*. Стилістична фігура синтаксичного паралелізму посилює концептуальне навантаження лексеми в промові.

У промові З. Чапутової також частотні лексеми *президентка* (7 слововживань), з яких наведемо окремі приклади: *Ked' som sa uchádzala o funkciu **prezidentky** republiky, často som spomínala, že chcem byť **prezidentkou** všetkých občanov a občianok. Pred niekoľkými minútami som zložila sľub do rúk predsedu Ústavného súdu a dalo by sa z toho formálne odvodiť, že **prezidentkou** všetkých občanov už som. Ale bola by to pravda iba formálna, pravda, ktorú nepovažujem za dostatočnú. V tejto slávnostnej chvíli chcem povedať, že sa budem usilovať byť **prezidentkou** všetkých občanov v inom, oveľa obsažnejšom zmysle.* Так само наявна концентрація слововживань в центральній частині промови й використання повтору й синтаксичного паралелізму як стилістичних прийомів вербального впливу. У цьому разі фіксуємо збіг на лінгвоконцептуальному рівні: обидва президенти апелюють до семантичного ототожнення президента і народу. У В. Зеленського це реалізовано як «кожен з нас президент» а у З. Чапутової як «*že prezidentkou všetkých občanov už som*».

Другим ключовим концептом промов президентів України та Словаччини вважаємо концепт «**Європа**», представлений такими вербальними маркерами: *Європа, Євросоюз, Європейський союз, альянс: Ми обрали шлях до **Європи**, але **Європа** – недесь там. **Європа** ось тут. І коли вона буде ось тут – тоді вона з'явиться і ось тут – у всій Україні.* При цьому в промові В. Зеленського використано саме топонім «Європа» як на позначення території, так і на позначення Європейського Союзу та особливого типу культури і системи цінностей. Європа постає як ідеалізований світ, в який прагнуть потрапити українці та який президент обіцяє створити в Україні.

З. Чапутова також ґрунтується на актуалізації цього концепту, але його вербалізація має конкретний характер: *Musíme ako krajina urobiť všetko, čo je v našich silách, aby sa tento **priestor** a jeho oporné piliere uchovali a posilňovali. Je to dôležité aj preto, lebo najdôležitejšie globálne problémy, ktoré sa nás týkajú, nemôžeme vyriešiť iba vlastnými silami a samostatne. Zvládneme ich len v rámci najširšej medzinárodnej **spolupráce**. Európska únia k tomu môže významne prispieť, lebo jej podstatou je **spolupráca** medzi štátmi a **zlad'ovanie** národných záujmov v prospech **spoločného dobra**.* Основним вербальним репрезентантом концепту є «Європейський Союз», що потрактований як партнер, співробітник, звідси і вживання лексем *únia, priestor, spolupráca, zlad'ovanie*. Спостерігаємо певні семантичні відмінності: для українського президента Європа є мрією, системою цінностей і культурною орієнтацією, а для словацької президентки – партнером, рівнозначним суб'єктом і помічником. Це зумовлено не лише приналежністю Словаччини до Євросоюзу, а й місцем цього концепту в аксіологічній картині світу українців і словаків. Для словацької президентки об'єднана Європа давно є партнером, а роль Словацької Республіки З. Чапутова розглядає як співтовариство: *Už pätnásť rokov je naša republika **súčasťou európskeho a transatlantického spoločenstva**. Spoločenstva slobodných a demokratických krajín. Je to šťastím a výsadou, o ktorej mohli generácie pred nami iba snívajúť.* Разом з тим зазначає, що таке щастя і привілеї для попередніх поколінь були мрією, як зараз це є для українців.

Прагнення представити Україну як європейську країну зумовлює в інавгураційній промові В. Зеленського актуалізацію її ціннісних характеристик і необхідність аргументації на користь цього. Для словацького президентського дискурсу такої потреби немає, тому і відбувається зміщення семантичних акцентів у бік партнерства і співпраці.

На концептуальному рівні також наявні певні відмінності. Насамперед це стосується специфічних для української президентської риторики концептів, серед яких основне місце належить концепту «українець», основним репрезентантом якого стає етнонім: *Але ми все це подолаємо! Бо кожен з нас – українець. Ми всі українці: не існує більших чи менших, правильних чи неправильних. Від Ужгорода до Луганська. Від Чернігова до Сімферополя. У Львові, Харкові, Донецьку, у Дніпрі й в Одесі – ми українці.* За тлумачним словником української мови українці – «один із трьох східнослов'янських народів, що нині становить основне населення Української РСР».¹⁸ Вербальними репрезентатами цього концепту на периферії є *Україна, рідна земля, територія, проживання, громадянство.* В інавгураційній промові В. Зеленського спостерігаємо розширення семантики лексеми «українець»: українцями названо всіх, хто проживає на території України, незалежно від етнічної приналежності. Крім того, використання у промові російської мови: *Украинец – это не в паспорте. Украинец – это вот здесь* вказує на актуалізацію мови як семантичного компонента лексеми «українець», тобто українець – це той, хто проживає на території України незалежно від громадянства і мови спілкування.

У промові З. Чапутової йдеться загалом про народ, всіх, хто проживає на території країни: *...budem slúžiť blahu slovenského národa, národnostných menšín a etnických skupín žijúcich v Slovenskej republike.* Використано словосполучення *slovensky národ, národnostna menšina, žijúci v Slovenskej republike* на позначення тих, хто є громадянами Словаччини. При цьому президентка уникає використання етнонімів, у такий спосіб наголошуючи на поліетнічності держави.

У промові В. Зеленського актуальним є і концепт «війна», що зумовлено політичною ситуацією в країні: *Не ми почали цю війну. Але нам цю війну закінчувати.* Відзначимо використання лексеми «війна», що має в українській мові два значення: 1. Організована збройна боротьба між державами, суспільними класами тощо. 2. перен. Стан ворожнечі між ким-небудь; суперечка, сварка з кимсь; боротьба.¹⁹ Вважаємо, що в наведеному контексті лексему вжито в прямому значенні, що вказує на оцінку ситуації в країні президентом.

Відсутність цього концепту в інавгураційній промові З. Чапутової має екстралінгвальні причини, на чому і наголошує президентка: *K revolučnej zмене režimu v roku 1989, k rozdeleniu federálneho štátu i k ďalším podstatným zmenám v spoločnosti došlo vždy pokojnou cestou. Bez násilia a nepokojov. Aj v krajinách s dlhšou demokratickou tradíciou sa stáva, že ľudia vychádzajú do ulíc s hnevom a svoj nesúhlas prejavujú ničením. U nás k ničomu podobnému nedošlo.* Зважаючи на це, можна стверджувати наявність у промовах полярних концептів: «війна» і «мир», з яких перший характерний для В. Зеленського, а другий – для З. Чапутової. Вживання лексем «násilie», «nepokoj» протиставлено лексемі «pokoj» як основному репрезентанту концепту «мир» у словацькому президентському дискурсі. Єдиний раз вжито слово «vojna» в промові словацької президентки як вказівка на давню історію країни: *Našich rodičov, ktorí si pamätajú ešte vojny a následné represie komunistického režimu.*

Натомість у промові президентки Словацької Республіки фіксуємо домінування морально-етичних концептів. По-перше, це концепт «dôstojnosť» («гідність»):

¹⁸ Словник української мови в 11 томах. Т. 10. Київ: Наукова думка, 1980, с. 423.

¹⁹ Словник української мови в 11 томах. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1970, с. 669.

***Dôstojnosť** občana si vyžaduje, aby každý – bez ohľadu na výšku svojich príjmov, na svoj národnostný či etnický pôvod, na príslušnosť ku ktorejkoľvek menšine – mal prístup k potrebnej a kvalitnej zdravotnej starostlivosti.* Вважаємо концепт «*dôstojnosť*» ключовим для інавгураційної промови З. Чапутової, оскільки президентка неодноразово наголошує на важливості саме цього поняття для життя громадян і розвитку країни. Лексему «*dôstojnosť*» вжито в промові 8 разів, а її актуалізація зумовлена наявністю в процитованому тексті Конституції: *Hoci od novembra 1989 uplynulo už takmer tridsať rokov a v republike sa veľa zmenilo k lepšiemu, **dôstojnosť** občanov ešte stále nie je prvým, ani hlavným príkazom verejného života. **Dôstojný život** obyvateľov má veľa rozmerov a každý z nich má svoj vlastný príbeh. Tu sú aspoň niektoré z nich.* По-друге, у промові З. Чапутової актуалізовано морально-етичний концепт «*dôvera*» («довіра»), який вжито 5 разів: ***Dôvera** občanov v nás, ľudí, ktorých si zvolili, **dôvera** v inštitúcie, v platnosť pravidiel pre všetkých rovnako, **dôvera** v Slovensko, **dôvera** v domov.* Другий концепт також скерований на репрезентацію концептосфери словацького політичного дискурсу, у якому ядерну частину становлять морально-етичні концепти.

Отже, спільними концептами в обох промовах є «президент» і «Європа», а характерними для українського президентського дискурсу – «українець» та опозиційна пара «війна» – «мир»; для словацького президентського дискурсу характерні концепти «гідність» і «довіра».

3. Лінгвопрагматичний аналіз передбачає визначення основних мовленнєвих актів і стратегій взаємодії мовця з адресатами в інавгураційній промові.

Основне місце належить комісивам, скерованим на вираження клятв, обіцянок. Це зумовлено тим, що в інавгураційна промова як жанр політичного дискурсу загалом має перформативний характер і ґрунтується на мовленнєвому акті «клятва». У конституціях України і Словаччини представлена клятва-присяга Президента, яку виголошують усі, хто вступає на посаду в межах інавгурації. Ця клятва є вербальним складником політичного ритуалу інавгурації і супроводжується покладанням руки на Конституцію і Біблію. В українській політичній комунікації текст присяги зафіксовано в ст. 104 Конституції: *Я, (ім'я та прізвище), волею народу обраний Президентом України, заступаючи на цей високий пост, урочисто **присягаю на вірність** Україні. Зобов'язуюсь усіма своїми справами боронити суверенітет і незалежність України, дбати про благо Вітчизни і добробут Українського народу, обстоювати права і свободи громадян, додержуватися Конституції України і законів України, виконувати свої обов'язки в інтересах усіх співвітчизників, підносити авторитет України у світі.* Український президент виголошує присягу, тобто актуалізує акт клятви. У Словаччині так само присяга президента регламентована в Конституції: ***Slubujem** na svoju česť a svedomie vernosť Slovenskej republiky. **Budem dbať** o blaho slovenského národa, národnostných menšín a etnických skupín žijúcich v Slovenskej republike. Svoje povinnosti **budem vykonávať** v záujme občanov a zachovávať i obhajovať ústavu a ostatné zákony.* Проте у цьому формулюванні йдеться не про присягу чи клятву, а про зобов'язання, хоч в обох випадках визначаємо мовленнєвий акт як комісив. У такому разі новообраний президент озвучує текст, закріплений на законодавчому рівні, не змінюючи в ньому жодних компонентів, на відміну від інавгураційної промови. Остання має визначену прагматичну скерованість, закріплену структуру, але варіативний зміст.

Обіцянка стає стрижневим мовленнєвим актом і в подальшому тексті інавгураційної промови – не завжди як перформативний мовленнєвий акт, але з відповідними репрезентаціями на лексичному і граматичному рівнях. Так, З. Чапутова апелює до обіцянки відповідно до конституції: *V súlade s ústavným sľubom, ktorý som pred chvíľou zložila – budem slúžiť blahu slovenského národa...; Zložením ústavného sľubu preberám všetky záväzky a povinnosti verejnej služby*. Натомість В. Зеленський не використовує комісивів, хоч його висловлювання і мають прагматичний потенціал обіцянок: *Можу запевнити* – *задľa того, щоб наші герої більше не гинули, я готовий на все; Я зроблю все, щоб ви відчували повагу*. Якщо витлумачувати інавгураційну промову як мовленнєвий жанр комісивного характеру, то комунікативна інтенція мовця тут саме пообіцяти адресатам певні дії в майбутньому.

Експресиви використовуються для вираження емоційного стану мовця в урочистій комунікативній ситуації вступу на посаду президента: *K takémuto pozitívnetu vlastenectvu sa hrdo hlásim. Som presvedčená, že máme na to robiť Slovensko každý deň o kúsok lepším; Nas 65 milióniv. Tak, ne divyťte sa – nas 65 milióniv. Tux, kogo narodila ukrajínska zemľa*. Для інавгураційної промови вони не є характерними мовленнєвими актами, хоч і трапляються в констатувальній частині: президенти звертаються на народ з подякою за зроблений вибір і діляться своїми емоціями. Натомість у мовленні словацької президентки фіксуємо численні експресиви: *Je potešiteľné, že priemerná mzda v národnom hospodárstve dynamicky rastie, ale oveľa radostnejšie bude, keď rovnako dynamicky narastie aj počet obyvateľov, ktorí budú môcť zo svojej mzdy viesť dôstojný a plnohodnotný život*. З. Чапутова емоційно висловлює свою позицію, оцінки чинної ситуації, виражає власне ставлення до подій у країні.

Репрезентативи використовуються для вираження повідомлення, фіксації певних явищ та опису ситуацій, що характерно для тієї частини інавгураційної промови, де йдеться про стан речей у країні. Так З. Чапутова дає загальну характеристику країні за ознаками території, населення, культури: *Slovensko je rozmanitou krajinou. Geograficky, národnostne, kultúrne aj spoločensky. Na pomerne malej rozlohe sa stretáva toľko rôzností, aké nenájdeme ani v omnoho väčších krajinách. Počnúc prírodou, pokračujúc tradíciami, a končiac životnými štýlmi*. А В. Зеленський натомість використовує репрезентативи для вираження загальних тверджень і відомої інформації: *Не буває сильної армії там, де влада не поважає людей, які щодня віддають життя за країну*. Використовуючи репрезентативи, мовці повідомляють відому інформацію, але додають до неї певні акценти. До репрезентативів належать і пропозиції: *Ponúkam odbornosť, ponúkam cit a zdravý aktivistický záujem. Ponúkam teda rozum, srdce a ruky*. Мовець у такий спосіб репрезентує намір щодо реалізації певних дій, повідомляє інформацію як пропозицію. Зважаючи на це, репрезентативи переважно представлені дієсловами мовленнєвої і розумової діяльності із семантикою твердження, повідомлення, констатування тощо: *Za obzvlášť hodnú ocenenia považujem skutočnosť, ktorá sa vinie celými modernými dejinami Slovenska; І я не розумію наш уряд, який тільки розводить руками й каже: ми нічого не можемо зробити*. Цей тип мовленнєвих актів характерний для президентського дискурсу загалом.

Декларативи є реалізацією влади в дійсності, оскільки їхнє вживання змінює певний порядок речей. Для мовлення політиків декларативи загалом характерні,

тому що саме політики здатні приймати рішення й вносити в дійсність зміни, напр.: *Я розпускаю Верховну Раду України 8-го скликання*. Цей тип мовленнєвих актів характерний для інавгураційної промови В. Зеленського, оскільки одним із комунікативних завдань його виступу було декларування радикальних змін у владі. Через декларативи новообраний президент оголошує початок цих змін, обираючи вербальну форму розпоряджень.

Директиви представлені проханнями, заборонами, інструкціями. У промові В. Зеленського наявний мовленнєвий акт прохання: *Я бачу в цьому один плюс – це значить, ви готові працювати. А тому **прошу** вас ухвалити: 1. Закон про скасування депутатської недоторканності. 2. Закон про кримінальну відповідальність за незаконне збагачення. 3. Багатостраждальний Виборчий кодекс і зробити відкриті списки. А також. **Прошу** звільнити з посад 1. Голову Служби Безпеки України. 2. Генерального Прокурора України. 3. Міністра оборони України*. У цьому разі директиви використовуються разом з декларативами: президент висловлює намір змінити керівництво країни, але просить на це дозволу у Верховній Раді, що має відповідні повноваження.

Отже, для президентського дискурсу обох президентів характерні комісиви і репрезентативи. В інавгураційній промові В. Зеленського переважають декларативи і директиви, а в промові З. Чапутової – експресиви.

Стратегічний аспект президентського дискурсу охоплює в інавгураційній промові комплекс стратегій і тактик. Потрактовуючи стратегію як загальний план, схему комунікативної взаємодії, визначаємо такі комунікативні стратегії в інавгураційній промові, спільні для В. Зеленського і З. Чапутової.

Стратегія самопрезентації скерована на представлення особи мовця, зокрема її позитивну характеристику. Якщо йдеться про мовця-президента, то в цьому разі мають місце висловлення від 1-ої особи щодо зобов'язань і запевнень на посаді: *І я точно не боюсь ухвалювати складні рішення, я **готовий** втрачати свою популярність, свої рейтинги, і якщо буде потрібно – я без вагань готовий втратити свою посаду, щоб тільки настав мир; V tejto slávnostnej chvíli chcem povedať, že sa **budem usilovať byť prezidentkou** všetkých občanov v inom, oveľa obsažnejšom zmysle*. Вербальними маркерами стратегії самопрезентації є граматичні форми 1-ої особи однини, що репрезентують президентський дискурс як персональний. Крім того, стратегія самопрезентації покликана окреслити риси новообраного президента як видатної людини, здатної взяти на себе відповідальність за країну. Висловлюючись від власного імені президент наголошує на власній відповідальності і власних зобов'язаннях: *І я дуже **хочу**, щоб у ваших кабінетах не було моїх зображень; Ak **mám hovoriť** o tom, čo nám bráni, aby sme Slovensko premenili na najlepšiu možnú krajinu pre jej obyvateľov, **spomeniem** to, čo považujem za najdôležitejšie*. А досягнення і перемоги представляє не як особисті результати, а як спільні, що актуалізує наступну стратегію.

Стратегію самопрезентації виокремлено в інавгураційній промові через комунікативну тактику обіцянки: президенти від беруть на себе відповідальність за майбутнє країни: *Я **можу** ще багато чого сказати, але українці хочуть не слів, а дії; Ми збудуємо країну інших можливостей; **SPubujem**, že sa budem tak, ako doposiaľ, snažiť povzniesť nad osobné útoky a nezabudnúť pri nich, že tu nie som kvôli nim, ale kvôli službe ľuďom*. Обіцянка як один з основних мовленнєвих актів передбачає в межах цієї так-

тики різні форми вербалізації: граматичні форми майбутнього часу дієслів, комісиви, дієслова доконаного виду.

Стратегія консолідації репрезентована об'єднанням мовця-президента з народом, що передбачає вживання лексем спільний, разом, об'єднатися, об'єднання, ми, наші, наш, spoločny, pridajú тощо: *Це не моя, це наша спільна перемога. І це – наш спільний шанс. За який ми несемо спільну відповідальність. Європейська країна починається з кожного. І це – наша спільна мрія. Але у нас є і спільний біль; Veľmi si želám, aby to bola naša spoločná cesta. Aby som bola prezidentkou ľudí, ktorí už po nej kráčajú, ale aj tých, ktorí sa k nej pridajú.* Вважаємо цю стратегію основною в інавгураційній промові, оскільки «церемонія вступу президента на посаду становить урочисту взаємну згоду: народ, нація є так само повноправним учасником інавгурації, як і президент».²⁰ Також для президентської риторики характерно ототожнення президента з народом: *Не всім подобається, що я кажу? Дарма, бо це кажу не я, а народ України.* Таке ототожнення передбачає не просто консолідацію, а презентацію президента як загалом народу, а не його очільника.

Основна інтенція мовців – об'єднання президента з народом і спільні досягнення, напр.: *Скептики скажуть: це фантастика. Це неможливо. А може, це і є наша національна ідея? Об'єднавшись – зробити неможливе: Naša občianska spoločnosť je aktívna a vuspelá. Vieme si pomôcť navzájom a vieme pomáhať aj vo svete.* У цьому разі використання займенника «ми» і відповідних граматичних норм підпорядковано саме реалізації стратегії консолідації. І це характерно для українського і словацького президентського дискурсів.

В українському політичному дискурсі консолідація ще має такий вербальний маркер, як *єдність, єдиний*: *І ми маємо бути єдині. Адже тільки тоді – ми сильні.* Спостерігаємо це ототожнення в межах стратегії консолідації і в промові словацької президентки: *Aby som mohla byť prezidentkou všetkých občanov a občanok Slovenskej republiky.* У промові З. Чапутової стратегія консолідації також актуалізована на текстовому рівні за допомогою використання синтаксичної епіфори – повторення одного висловлення в кінці суміжних надфразних єдностей: *Zvládli sme to.* У такий спосіб усі досягнення країни представлені як спільні перемоги.

Стратегія апелятивності передбачає звертання до адресата з метою спонукання до певних дій. Апелятивність може мати декларативний характер, коли мовець формулює звернення до адресата: *І сьогодні я звертаюсь до всіх українців у світі. Нас 65 мільйонів. Так, не дивуйтесь – нас 65 мільйонів. Тих, кого народила українська земля. Українці в Європі та Азії, у Північній та Південній Америці, в Австралії і в Африці. Я звертаюсь до всіх українців на планеті!* У такому разі це перформативний мовленнєвий акт декларативного типу. Стратегія апелятивності на противагу стратегії консолідації передбачає не об'єднання мовця з адресатом, а дистанціювання: мовець звертається із закликом до певної цільової аудиторії (депутатів, молоді, літніх людей, співвітчизників) і спонукає її до відповідних дій.

Спонукання передбачає і використання імперативів у формі спонукальних синтаксичних конструцій: *У вас буде два місяці. Ухваліть ці важливі закони та рішення.*

²⁰ Шейгал, Е. И.: Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса, с. 206.

Повісьте усі медалі собі. Заробіть непогані бали на дострокові парламентські вибори; Rešpektujme múdrosť a životné skúsenosti našich seniorov, ale aj slobodu a chuť spoznávať u našich mladých ľudí. Саме така вербальна форма апелятивності характерна для президентського дискурсу, без експліцитної адресації.

Стратегія інтелектуальності передбачає актуалізацію культурних символів, історичної спадщини, цитування відомих, насамперед національних культурних діячів: *Дозвольте мені процитувати одного американського актора, який став класним американським президентом: «Уряд не вирішує наших проблем. Уряд і є нашою проблемою».* В. Зеленський цитує 41-го президента США Р. Рейгана, який також починав свій професійний шлях як актор, а згодом став президентом Сполучених штатів, у такий спосіб порівнюючи себе з ним.

Здебільшого в інавгураційній промові стратегія інтелектуальності спирається на категорію прецедентності, оскільки адресат має масовий характер. Звідси й покликання на прецедентні феномени – ситуації, імена, висловлення і тексти: *Згадайте збірну Ісландії з футболу на чемпіонаті Європи. Коли дантист, режисер, пілот, студент і прибиральник билися й захищали честь своєї країни. І зробили це, хоча ніхто не вірив.* У цьому контексті В. Зеленський апелює до прецедентної ситуації – відомого футбольного матчу, у якому брали участь непрофесійні футболісти, але вийшли переможцями. У такий спосіб прецедентна ситуація використана для аналогії між президентом України як непрофесійним політиком і гравцями-аматорами.

У промові З. Чапутової інтертекстуальним елементом є цитата з Конституції Словацької Республіки: *Ústava Slovenskej republiky hovorí, že «ľudia sú slobodní a rovní v dôstojnosti i v právach».* Цитата наведена з атрибуцією і є точною за передачею. Такий комунікативний хід підвищує статус промови і надає їй авторитетності.

Отже, серед виокремлених стратегій однаковою мірою притаманними президентському дискурсу В. Зеленського і З. Чапутової є стратегії самопрезентації, консолідації, апелятивності та інтелектуальності. Остання стратегія ширше представлена у промові українського президента. На стратегічному рівні відмінностей у комунікативній поведінці президентів не зафіксовано, що вказує на спільну інтенцію обох промов.

Висновки

Під час аналізу інавгураційних промов В. Зеленського і З. Чапутової було визначено спільні та відмінні риси на структурно-семантичному, лінгвокогнітивному та лінгвопрагматичному рівнях. Структура промов підпорядкована загальним вимогам до ритуальних текстів президентської риторики і передбачає рамкові компоненти (привітання і формулювання місії) та основну частину (констатувальна і програмна частини). На семантичному рівні представлено вербалізовані опозиції «свій – чужий» і тріаду «я – ми – вони».

На лінгвокогнітивному рівні визначено засадничі концепти, спільні для президентських промов, – «президент» і «Європа» – та відмінні «українець» і «війна» в українському президентському дискурсі та «гідність» і «довіра» у словацькому президентському дискурсі.

На лінгвопрагматичному рівні розглянуто використання у промовах мовленнєвих актів, серед яких спільними є комісиви і репрезентативи, а характерними для укра-

їнської президентської риторики – декларативи і директиви, а для словацької – експресиви. Серед домінантних комунікативних стратегій схарактеризовано стратегії самопрезентації, консолідації, апелятивності та інтелектуалізації.

Inaugural Speech as a Speech Genre of Presidential Rhetoric in Ukrainian and Slovak Political Discourse

Natalia Kondratenko

The article analyzes the texts of the inaugural speeches of the Ukrainian President V. Zelensky and the President of the Slovak Republic Z. Čaputová in a comparative aspect at the structural-semantic, linguocognitive and linguopragmatic levels. It is proved that the structure of speeches is subject to the general requirements for ritual texts of presidential rhetoric and provides a framework components and the main part. At the semantic level, the verbal oppositions «one of us – stranger» and «I – we – they», expressed by lexical and grammatical language, are distinguished. At the linguocognitive level, the concepts, such as «president» and «Europe», common to presidential speeches are characterized. There are also the concepts of «Ukrainian» and «war», characteristic of the Ukrainian presidential discourse, and «dignity» and «trust» – for the Slovak presidential discourse. At the linguopragmatic level, the speech acts common to both speeches are analyzed – commissions and representatives, as well as declarations and directives characteristic of Ukrainian presidential rhetoric and expressive characteristic of Slovak rhetoric. Dominant communication strategies include self-presentation, consolidation, appellation, and intellectualization.

JARMILA KREDÁTUSOVÁ*

Z porovnávacieho výskumu o mentalite Slovákov a Ukrajincov: Obraz Slovákov v slovenských a ukrajinských textoch v národných korpusoch¹

KREDÁTUSOVÁ, J.: From a Comparative Study on the Mentality of Slovaks and Ukrainians: The Image of Slovaks in Slovak and Ukrainian Texts of National Corpora. *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 1, pp. 47-57 (Bratislava).

The image of Slovaks in Slovak and Ukrainian journalism is part of a broader comparison of research on the mentality of Slovaks and Ukrainians and contributes in the theory of knowledge to the linguistic and cultural image of both nations. In the study, the author describes those components (schemes and constructs) that have appeared in Slovak journalism over the past decade, as well as in Ukrainian journalism for the same period. It is therefore a matter of looking at the Slovaks from the inside (by themselves) and from the outside (by their neighbors – the Ukrainians). The author works with the corpus collocative method as one of the linguistic research methods and helps with the description with the method of psycholinguistics.

Slovaks, Ukrainians, mentality, journalistic text, Slovak language corpus, Ukrainian language corpus, collocate, component, scheme.

0 ÚVOD

Vedecké spracovanie témy mentality v celosvetovom meradle trvá už viac ako 150 rokov. Vyskytuje sa v pojmovo-kategoriálnom systéme filozofie a tiež vo filozofii kultúry ako samostatnej vednej disciplíny, ale aj v iných vedných disciplínach ako sú sociológia, psychológia, estetika, história a iné. Tento pojem bol najskôr zaužívaný vo filozofii. Zaviedol ho ešte americký vedec R. Emerson v 40. – 50. rokoch 19. storočia. On sám považoval otázku „ducha“ a duchovna i morálky za centrálny problém transcendentálnosti. Jeho ponímanie mentality však malo najskôr mystický význam a dlhý čas sa toto ponímanie vo filozofii a kulturologickej literatúre nepoužívalo. V 2. polovici 20. storočia bol tento pojem vypožičaný od historikov a psychológov. Pojem sa ujal najmä vďaka historikom tzv. školy Annales. Vo svojich výskumoch ho používali M. Block, L. Febvre, G. Duby a iní.

Trochu iným smerom sa vyvíjala historická etnopsychológia. Tu treba spomenúť výskum W. Wundta v oblasti skúmania psychológie národov a zvlášť L. Lévyho-Brühla (skúmal archaické spoločenstvá), na ktoré nadväzovala škola Annales a na Ukrajinu z neho vychádzal O. O. Potebňa,² keď písal práce o jazyku a myslení (o ich historicko-kultúrnych aspektoch), o mýtoch, folklóre a slovesnosti v jazyku. Mytologické aspekty mentality skúmal napr. J. G. Frazer ako sociálny antropológ v antických civilizáciách a náboženstvách. Mentalite

* Doc. Mgr. Jarmila Kredátusová, PhD., Katedra ukrajinistiky, Inštitút ukrajinistiky a stredoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita, ul. 17. novembra 1, 080 78 Prešov.

¹ Táto štúdia je výstupom z projektu VEGA 1/0060/19 *Slovenské medzijazykové a medziliterárne vzťahy (západoslovenský a východoslovenský kontext)*.

² Потєбня, А. А.: Мысль и язык. Київ, 1993; Потєбня, А. А.: Слово и миф. Москва, 1989.

mýtov sa venovali E. M. Meletinskij, M. I. Steblin-Kamenskij, N. S. Trubeckoj, K. Hübner a veľký ohlas zaznamenali práce A. F. Loseva.³

Popularizátorom problematiky mentality bol ruský vedec A. J. Gurevič.⁴ Považujeme ho za historika európskeho stredoveku – medievalistu – on sám sa považoval za člena školy Annales, ale oproti jej ostatným členom čerpal silnejšie zo severských prameňov. Podľa neho je mentalita sociálno-psychologické nastavenie, automatizácia a zvyky vo vedomí, spôsob videnia sveta, predstavy ľudí, ktorí patria do tej či inej sociálno-kultúrnej jednoty. Mentalita je podľa neho implikovaná do jazyka a iných jazykových systémov, do zvykov, tradícií a viery. On sám sledoval genealógiu – vývoj mentalít – mnohých historikov stredoveku a osobne prešiel vlastnú cestu od sociálno-ekonomických dejín k dejinám duchovného života. Konštatoval vplyvy etnológie, sociológie, psychológie, umenia, literatúry lingvistiky, semiotiky, biológie a ekológie na vznik dejín mentalít (citované voľne podľa I. Kovalyk(ovej)).⁵

Za kreatívne a komplexné podanie dejín západného myslenia, brilantný prehľad vývoja západného chápania sveta je považované vo výskume mentality aj dielo R. Tarnasa *Vášeň západnej mysle*.⁶ Vo svojej rozsiahlej knihe autor podáva drámu navzájom si odporujúcich otázok spojených s myslou a hmotou, vierou a rozumom, kozmológiou a vedou, slobodou a determinizmom.

Osobitne v nemeckom prostredí sa dejinami európskej mentality zaoberá kolektívna práca P. Dinzelsbachera.⁷ On samotný v tejto kolektívnej práci uvádza, že historická mentalita je súbor spôsobov a obsahov myslenia a vnímania, ktoré sú typické pre ten-ktorý kolektív v danom čase. Predmetom výskumu dejín mentality v tejto práci sú vzťahy duše a tela, postoje k mladosti a starobe a s tým súvisiace obrazy v spoločnosti, postoje k sexualite a dôležitosť lásky, strach a nádej a predstavy o inom svete/ utopické predstavy, téma radosti, smútku a šťastia, hodnotenie a liečenie ochorení, predstavy o smrti, postoj k individu, rodine a spoločnosti, význam práce a sviatku, postoj k vláde, násiliu, vojne a mieru, téma etiky a práva, estetické hodnoty, viera, vzťah k prírode a životnému prostrediu, uvedomovanie si času, funkcie komunikácie (ústna verzus písomná), jazyk gest. Týmito otázkami sa zaoberá v podstate celý nemecký jazykový priestor.

V sociálnych vedách sa termín mentalita používa s takým rôznorodým obsahom, že sa hovorí o paradigme mentalít⁸ a mentalistické štúdie v zahraničnej literatúre predstavujú samostatnú oblasť výskumu. V lingvistiky pracoval W. von Humboldt⁹ a predstavitelia jazykového relativizmu s pojmom „duch národa“. V psychológii a sociológii sa používajú termíny „národný cha-

³ Лосев, А. Ф.: Диалектика мифа. In Лосев А. Ф.: Миф. Число. Сущность. Москва, 1994.

⁴ Jeho diela boli vydané v češtine: Gurevič, A.: Kategorie středověké kultúry. Preložil Jaroslav Kolár. Praha: Mladá fronta, 1978, 286 s.; Nebe, peklo, svět. Jinočany: H+H, 1996, 524 s.; Historikova historie. Praha: ARGO, 2007, 300 s.; Jedinec a společnost středověkého západu. Praha: ARGO, 2016, 344 s.

⁵ Ковалик, І.: Українська історіографія. Концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. 566 с.

⁶ Tarnas, R.: *Vášeň západnej mysle*. Bratislava: Vydavateľstvo spolku slovenských spisovateľov, 2015.

⁷ Дінцельбахер, П. (ред.): Теорія європейської ментальності. Переклад з нім. Володимир Кам'янець. Львів: Літопис, 2004. 720 с.

⁸ Акопов, Г. В. – Рулина, Т. К. – Привалова, В. М.: Менталистика как историко-психологическое направление науки. In: История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26-29 июня 2006. Москва: Институт психологии РАН, 2006.

⁹ Humboldt, W. von: O rozmanitosti stavby ľudských jazykov a jej vplyve na duchovný rozvoj ľudského rodu. Prel. S. Ondrejovič. Bratislava: Veda, Vydavateľstvo SAV, 2000. 259 s.

ракти“, „psychologické charakteristiky národa“, „kolektívny duch“, „etnické podvedomie“ (the ethnic unconscious), „národné vedomie“ (a nevedomie), „základný charakter“ (basic personality), „vnútorné založenie národa“ (national mental makeup), resp. ešte spirituálnejšie koncepty, napr. „kolektívna psychosféra“, „skupinové polia vedomia“ a iné. Rôznorodé termíny odrážajú nevyhranenosť predstavy o podstate mentality, komplikované sú aj pojmy zo sféry spoločenského života, vrátane tých, ktoré vytvárajú identitu národného spoločenstva. Nejestvuje ani zhoda v tom, či je mentalita kategória dynamická a závisí od historického a spoločenského vývinu alebo je naopak statická.¹⁰ Ďalším problémom je, že v kategórii mentalita sa počíta s predstavou „priemerného“ reprezentanta národa a stiera sa pestrosť rozličných personálnych typov vo vnútri jednej národnej mentality, čo vedie ku konceptu polymentality, teda k názoru, že rozdiely medzi jednotlivcami v rámci toho istého národa nie sú menej hlboké než rozdiely medzi zástupcami odlišných národov alebo rás. Podľa I. A. Sikorského (cituje A. V. Jurevič)¹¹ ide o dva rozličné spôsoby videnia spoločnosti: ak žijeme v príslušnej krajine, viac pozornosti venujeme odlišnostiam, ak posudzujeme inú mentalitu zvonku, do popredia vystupujú skôr podobnosti.

Na Ukrajine sa téma skúmania mentality stala veľmi aktuálnou po rozpade ZSSR. V roku 1994 sa v Lucku konala vedecko-praktická konferencia pod názvom *Mentalita. Duchovno. Samostatný rozvoj osobnosti*. Z konferencie boli vydané Tézy v dvoch častiach,¹² v ktorých sa vlastne po prvýkrát reflektovala problematika mentality na ukrajinských materiáloch. Najväčšiu pozornosť si zasluhuje práca I. Byčka pod názvom *Mentálny súzvuk ukrajinských a európskych kultúrnych tradícií: motívy kordocentrizmu* (v zborníku *Kyjivski obriji: istoryko-filosofski narysy*, Kyjiv, 1997).¹³

Mentalitu Ukrajincov v móde všeobecnofudského a národného charakterizoval V. Iščuk v práci *Mentalnist' ukrajinciv: zahal'noľudske i nacional'ne*.¹⁴ Veľakrát sa téma mentality vysvetľovala v populárno-vedeckom pláne, napr. v práci *Ukrajinskyj mentalitet*¹⁵ alebo aj ako termín prázdny, módný a mediálny (O. Choma a iní). V roku 2006 v Kyjeve Inštitút filozofie I. S. Skovorodu vydal monografickú prácu *Problemy teorii mentalnosti*, v ktorej analyzuje niektoré kľúčové momenty ukrajinskej mentality.¹⁶ S. J. Jermolenko¹⁷ vysvetľuje pojem mentality inými fenoménmi, ktoré sú etnicky príznakové. Ide o napríklad o fenomény „duša“, „charakter“, „povaha“, „národná psychika“, „emocionalita“, „odraz sveta v prežívaní“ a pod. P. Herčanivska¹⁸ považuje mentalitu za matricu myslenia, prostredníctvom ktorej národ prijíma základné aspekty reality. V tomto aspekte je prejavom spoločnosti a jej obranyschopnosti,

¹⁰ Lévy-Bruhl, L.: La mentalité primitive. Classiques des sciences humaines. Travaux de l'Année sociologique. Fondateur: É. Durkheim. Retz, 1976. Original from the University of California, 443 s. Podľa Luciena Lévyho-Bruhla, ktorého práca *Primitive Mentality* (1921) sa pokladá za východisko systematického výskumu mentality, je pravdepodobné, že napriek významným zmenám v životnom štýle zostáva mentalita tá istá, pretože sociálne inštitúcie zostávajú rovnaké (s. 332).

¹¹ Yurevich, A. V.: Basic Components of National Mentality. In: Herald of the Russian Academy of Sciences, 2013, roč. 83, č. 6, s. 522.

¹² Киричук, О. В. – Колісник, О. П. – Чепя, М.-Л. А.: Ментальність. Духовність. Саморозвиток особистості. Тези доповідей та матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Київ – Луцьк: Фондація імені О. Ольжича, 1994.

¹³ Бичко, І.: Ментальна співзвучність української та європейської філософських традицій: «кординцентричні» мотиви. In Горський, В. – Ткачук, М. (ред.): Київські обрії: історико-філософські нариси. Київ: Стило, 1997. 359 с.

¹⁴ Ішук, В.: Україна: проблема престижності та ідентичності. Київ: Смолоскип, 2000. 92 с.

¹⁵ Стражний, О. С.: Український менталітет: Ілюзії. Міфи. Реальність. Київ: «Книга», 2008.

¹⁶ Попович, М. В. (відп. ред.): Проблеми теорії ментальності. Київ: «Наукова думка», 2006. 407 с.

¹⁷ Ермоленко, С.: Що таке ментальність? In: Літературна Україна, 1993, No 1, січень, с. 7.

¹⁸ Герчанівська, П. Е.: Українська народна культура: християнський вимір. Київ: Університет «Україна», 2011, с. 112.

vykonáva tu rolu mechanizmu, ktorý zodpovedá za psychologickú adaptáciu sociumu smerom k prostrediu, ktoré ho obklopuje.

Problematicu identity skúmali M. Popovyč, S. Krymskyj, N. Šul'ha, M. Riabčuk a iní. Najmä vedci z Národnej Kyjevsko-mohyl'anskej akademie v Kyjeve vydali kolektívnu monografiu *Tertium non datur. Problema kul'turnoji identyčnosti v literaturno-filosofskomu dyskursi 19.–20. stoliťa*.¹⁹

Pojmu identity - jeho vývinu - a tiež pojmu stereotyp sa venuje vo svojej práci I. Kovalyk(ová),²⁰ ktorá uvádza, citujúc V. Bžoseka, že stereotyp je rozumový konštrukt, sémantika ktorého nepodlieha štandardnej verifikácii. Stereotyp vystupuje ako systematizujúci činiteľ myslenia. V kolektívnom vedomí sémantika stereotypu vystupuje v opozícii svoj (vlastný)/ cudzí. Ide o špecifickú formu vnímania okolitého prostredia, je to model zjednodušeného vnímania okolitého sveta a človeka v ňom. Znakmi tohto modelu je zovšeobecnenie, zjednodušenie, schématicizmus, kategorizácia, kauzálna atribúcia, rigidita/ nehyblivosť, pevná fixácia. Stereotyp zveličuje jednu konkrétnu črtu objektu s emocionálnym zafarbením – pozitívnym alebo negatívnym. Autostereotyp je nadhodnotená známka pre seba samého, heterostereotyp je podhodnotená známka pre iného. V tej istej práci venuje pozornosť pojmu mentalita v takých vzťahoch a schémach, ako sú rodina, kordocentrizmus, lingvocentrizmus, anteizmus, scientizmus, individualizmus a antropocentrizmus vnútri ukrajinského národa.

Mýtni a stereotypmi sa zaoberajú slavisti v Poľsku a v Rusku a výsledkom ich spoločnej práce je kolektívna monografia z vedeckej konferencie v Moskve z roku 2001 pod názvom *Rusko – Poľsko. Obrazy a stereotypy v literatúre a kultúre*.²¹ Autori na materiáloch rôznych časových období poukazujú na pravdivé a lživé predstavy o susedných národoch, stereotypy a predsudky, ktoré jestvujú v spoločenskom vedomí, ich šírenie a funkciu v umeleckých textoch. Nepochybne treba spomenúť z Poľska bádateľa Jerzyho Bartmińskiego, predstaviteľa ľubinskej kognitívnej školy etnolingvistiky, ktorá pôvodne vychádza z ľudového jazyka a folklóru a hľadania stereotypov v nich, avšak neskôr sa vo svojich prácach zameriava na jazykový obraz sveta, ktorý je v konkrétnom jazyku zafixovaný ako špecifické, staré videnie skutočnosti v podobe stereotypov a tie sa dajú zistiť z jazykových a textových dát, dajú sa usúvzťažniť a zinterpretovať.²²

Mentalitu možno skúmať z rôznych aspektov, rôznymi spôsobmi (mytologizácia, stereotypizácia, všeobecnoľudské a národné, dynamické a statické). V tejto štúdii sa pokúšame skúmať dostupný jazykový materiál z národných korpusov, dáta opisujeme a interpretujeme, pričom si pomáhame pojmami schéma (O. Stražnyj) a komponent (A. Jurevič). Našou snahou je predstaviť jazykový obraz sveta Slovákov a Ukrajincov, tak ako ho vnímajú každý sám zvnútra a navzájom cudzie zvonku.

1 METODOLÓGIA VÝSKUMU

Považujeme za dôležité najskôr pripomenúť, že náš výskum sme realizovali do konca roku 2021. Agresia Ruska voči Ukrajine, nová skúsenosť Ukrajincov so Slovákami a Slovenskom môžu po roku 2021 výraznejšie zmeniť vnímanie Slovákov Ukrajincami a tiež opačne, čo môže byť predmetom ďalšieho výskumu.

¹⁹ Моренець, В. П. (наук. ред. та упоряд.): *Tertium non datur. Проблеми культурної ідентичності в літературно-філософському дискурсі XIX–XX ст.* Київ: НаУКМА, 2014.

²⁰ Ковалик, І.: *Українська історіографія. Концептуальна історія*, с. d., s.

²¹ Хорев, В. А. (ред.): *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. Москва: Индрик, 2002. 344 с.

²² V češtine vyšla práca Bartmiński, J.: *Jazyk v kontextu kultury*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2016.

Pri opise výsledkov výskumu sme použili koncepciu A. V. Jureviča,²³ ktorý mentalitu chápe ako národnú identitu, ktorá je štruktúrovaná a vstupujú do nej tieto komponenty: (a) kolektívna pamäť, (b) sociálne postoje a vzťahy, (c) kolektívne emócie, (d) národný charakter a temperament, (e) normy, hodnoty a ideály, (f) jazyk, (g) mentálna reprezentácia kultúry, (h) štýl myslenia a sociálneho vnímania, (i) vzorce správania.

Samotný výskum spočíval v použití **korpusovej kolokatívnej metódy**, prostredníctvom ktorej sa skúmali kolokáty, teda výrazy stojace najbližšie ku kľúčovým slovám *Slováci sú* v Slovenskom národnom korpuse, v subkorpuse **prim-9.0-public-sane**,²⁴ čo označuje výskum v textoch publicistického štýlu, pričom sa do úvahy brali texty publikované po roku 2010. Cieľom výskumu bolo odhaliť ustálené výrazy (ustálené obrazy, modely a stereotypy, presnejšie komponenty a schémy – konštrukty) v konštruovaní celkového obrazu Slovákov o sebe samých. Kolokáty s kľúčovými slovami utvárali kontexty, ktoré boli pre náš výskum významovo dôležité, niesli svoje penzum informácií, ktoré ďalej analyzujeme a opisujeme. Naším cieľom teda bolo odpovedať na tieto otázky:

1. Aké schémy (konštrukty) sa v textoch v slovenskej publicistike ostatného desaťročia objavili?
2. Aké komponenty v skúmanom materiáli dominovali?
3. Aké sú súčasné stereotypy o obraze Slovákov vnímané nimi samými?
4. Aký je celkový obraz Slovákov dnes v ich vlastnom vnímaní?

Ako sa pozerajú na Slovákov Ukrajinci, nám poskytol výskum kolokátov, teda výrazov stojacich najbližšie ku kľúčovým slovám – lexémam *Словацьчина, словацький, словаки, словак/словачка* v národnom korpuse ukrajinského jazyka v podštýle publicistickom.²⁵ Preskúmaných bolo 2682 kolokátov. Najviac kolokátov sa objavilo pri lexéme *Словацьчина* – 1821, k lexéme *словацький* – 566, k lexéme *словак* – 261, najmenej k lexéme *словачка* – 24. Skúmaný materiál obsahoval kolokáty z textov publikovaných v ukrajinských novinách a časopisoch i v elektronických médiách v rokoch 2007–2018. V ukrajinskom jazykovom korpuse sme hľadali odpovede na otázky:

1. Aký obraz o Slovákoch a Slovenkách konštruujú ukrajinské texty?
2. Ktoré konkrétne schémy (v rámci vyšších komponentov) sa vyskytujú v obraze Slovákov/Sloveniek a Slovenska v ukrajínčine?
3. Ktoré sú dominantné črty (konštanty) obrazu Slovákov/Sloveniek a Slovenska v ukrajínčine?
4. Jestvujú ustálené modely (stereotypy) v obraze Slovákov/Sloveniek a Slovenska v ukrajínčine?

2.1 VÝSLEDKY VÝSKUMU V SLOVENSKOM KORPUSE

V nami preskúmanom materiáli sme sa stretli s viacerými schémami, ktoré vystupovali v rámci týchto komponentov: **sociálne postoje a vzťahy, kolektívne emócie, národný charakter a temperament, normy, hodnoty a ideály, štýl myslenia a sociálneho vnímania, vzorec správania.**

²³ Yurevich, A. V.: Basic Components of National Mentality, c. d., s. 525-526.

²⁴ SNK – Slovenský národný korpus: prim-9.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra, 2021. Dostupné na: https://bonito.korpus.sk/run.cgi/first_form? Cit. [15.3. 2021 – 25.11. 2021]

²⁵ Korpus je dostupný na stránke www.mova.info a tvoria ho pracovníci Kyjevskej národnej univerzity T. Ševčenka.

Najviac zastúpený je komponent **národný charakter a temperament** a rovnako tak **vzorec správania**, a to sú teda komponenty, ktoré Slováci sami o sebe aj reflektujú, teda vnímajú. V rámci prvého zo spomenutých komponentov sa objavili schémy, že Slováci sami seba vidia ako **národ pestovateľský, spojený s folklórom a spevavý**, pričom sa vyššia muzikalita pripisuje obyvateľstvu **na východe** Slovenska. Ďalej sa Slováci vidia ako **národ šikovných ľudí**, ktorí sú však dosť **pohodlní** a radi prenechávajú kompetentosť, a teda aj zodpovednosť na niekoho iného, majú radi tzv. „vybavovačov“, ktorí všetko „vybavia“ za nich, napríklad aj prácu v zahraničí. Je to **národ hravý, tichý a šetrný**. Šetrnosť sa prejavuje v pomerne nízkej zadlženosti v rámci EU, pričom hypotéky za bývanie splácajú Slováci pomerne zodpovedne, nie sú s nimi v bankách problémy. Slováci sa vnímajú ako **citliví, usilovní a pracovití**, sú **flexibilní** a vedia sa pomerne **dobre prispôbovať podmienkam**, **vedia tvrdo pracovať**, ak sa im poskytnie dobrá pláca, sú ešte **ochotnejší vykonávať aj ťažšiu prácu**. Dajú sa s nimi **realizovať plány a robiť nadčasy**, ba aj v noci. Sú **odolní, nezlomní, vášniví** a tiež **pohodoví** (more, pivo, kvalitné služby, veľký rozsah služieb, pohodlná preprava) a **radi investujú do športových potrieb, výbavy pre domácnosť a záhradu**, sú teda rodinne založení. Bývajú **srdeční a hrdí**, rovnako tak **spupní**. Sú aj **ambiciózni a nadšení**, hoci ide zrejme iba o časť populácie. Sú **hraví a zruční**. Radi **jedia veľa a dobre**, menej vyhľadávajú špecifické chute, sú teda viac lipnúci k tradíciám, ale **nie sú konzervatívni, hoci sa tak javia**, pretože radi používajú aj novšie veci, ale nie extrémneho charakteru. V rámci EU sú považovaní za **priemerných čitateľov, so záujmom sa učia, radi tancujú, bicyklujú a chodia**, sú teda pohyblivým národom. Česi ich dokonca **považujú za lepších v matematike**, mnohí v Česku matematiku študujú. Slováci sú **tvoriví**, ale túto svoju vlastnosť veľakrát používajú aj v negatívnom zmysle, teda tam, kde netreba a napríklad aj pri destilovaní pálenky, ktorú vypália z hocičoho.

Pri **vzorcoch správania** sa objavilo veľa negatívnych schém, čiže sami k sebe **sú Slováci mimoriadne kritickí**. Slováci sa považujú za **bojazlivý a lenivý národ, neveria vo vlastné sily**, sú k sebe **nežičliví**, čo sa prejavuje najmä u lokálnych zamestnávateľov, nezaplatia svojich zamestnancov a neprejavujú im úctu, čo spôsobujú veľkú fluktuáciu zamestnancov. Slováci sa vidia ako **chamtiví a zakríknutí, neveria ani vo vlastné sily**, čiže málo sebavedomí. Veľmi často sa vyskytovala v textoch ich **závistlivosť, neprajnosť, spochybňovanie sa a nedostatok úcty k sebe navzájom**. Môžu reagovať **prudérne, sú radi klamaní**, po uliciach chodia **odutí, neusmejú sa**, rovnako tak v obchodoch, na úradoch, pri stretnutí s neznámymi. **Nevážia si individuálne schopnosti druhého**. Prejavuje sa u nich **individualizmus**, teda egoizmus, o čom svedčí veľký počet politických strán, veľa cirkví a pod. Staršia generácia je zvyknutá **počúvať centrálné príkazy** a je **tolerantnejšia k zločinom komunizmu**. Trpí tiež **syndrómom vtáka v otvorenej klietke**, najmä starší si sedia na svojom bieleku a je im tak dobre. Taktiež sú **televíznymi maniakmi**. Slováci sú **vyberaví**, pri investovaní **opatrní, pomalšie reagujú na svetové trendy**, nesiahajú po avantgardných modeloch, prednosť dávajú nadčasovému dizajnu, reverzné hypotéky sú pre nich nevhodné, pretože majetok dedia potomkovia, čiže sú šporovliví aj očami finančných organizácií. Sú zodpovední pri splácaní úverov na bývanie, delikvencie v tejto oblasti nie sú časté. Slováci **sú internetoví nakupujúci**, nakupujú tam všetko a **požadujú pritom prepravu, detailný opis produktu**, čo ich vyberavosť potvrdzuje. Vyskytla sa aj schéma, že **Slováci vedia a chcú pomáhať a byť solidárni**.

Ďalej v počte zastúpenosti jednotlivých schém nasledujú komponenty **normy, hodnoty a ideály**. Slovákom **chýba vzťah k otvorenému priestoru**. Často je **Slovensko obrátené do**

seba a čo sa deje vo svete, to Slovensko netrápi. Dôkazom sú aj mnohé udalosti v zahraničí, ktoré napríklad česká televízia a rozhlas reflektuje, ale Slovensko prehliada úplne tým, že sa im nevenuje vôbec, resp. iba okrajovo. Slovensko **pestuje alternatívnu pravdu, ovplyvnenú výrazne médiami z Ruska.** Slováci si tiež **nevážia náležite duchovné hodnoty,** ale uprednostňujú **pred dušou svaly.** Vzdelanie má byť podľa nich **zadarmo a pre každého,** ale veľkú hodnotu mu týmto neprpisujú, skôr naopak. **Nie sú teda na tom dobre ani s dušou, ani so vzdelávaním.** Slováci sú **citliví na svoje zdravie,** majú všeobecne **cit pre životné prostredie,** sú **uvedomelí a ochotní si za recykláciu aj priplatiť,** čo je pri šetnom národe dosť zaujímavý fakt. Slováci sú **hrdý na svoju samostatnosť,** ale aj **vlažní k svojej suverenite,** čiže badať u nich rozpoltenosť v tejto schéme. Vnímajú sa ako **národ kresťanský,** v čase Vianoc sú kostoly plné veriacich, avšak Slováci **veria nielen v Pannu Máriu, Boha a boží pôvod Ježiša, ale aj v posledný súd, reálne peklo, telepatiu, silu magnetických predmetov, nadprirodzenú silu mŕtvych** a pod., teda veria všeličomu. Často aj alternatívnym pravdám a hoaxom, čo súvisí s nízkou úrovňou kritického myslenia a vzdelania všeobecne. Na Slovensku badať aj **medzigeneračné nedorozumenia,** a síce **mladí Slováci sú tolerantnejší a viac precestovali, sú úspešní start-up-isti a nie sú už takí skromní ako starší.**

Kolektívne emócie, štýl myslenia a sociálne vnímania ako aj sociálne postoje a vzťahy sú zastúpené menej, hoci prítomné v textoch ostatného desaťročia boli. V komponente **kolektívne emócie** sa objavili Slováci ako často **nespokojní a nešťastní, najväčší skeptici v rámci bývalej východnej Európy, krčmové typy, uplakaní lokaji, trpíelia a nedôverčiví pesimisti, budúcnosť vidia v tmavých farbách.**

V komponente **sociálne vnímanie, postoje a vzťahy** sa objavili schémy ako **nespokojnosť so životnou úrovňou, vzor v zahraničí a útek do zahraničia.** Mladí Slováci sú viac **proeurópskym národom – 33% rozpráva dvoma cudzími jazykmi – a disponujú schopnosťami integrovať sa do medzinárodných tímov.** Slováci vedia byť **vernými zákazníkmi** a stále v nich rezonuje **hrdosť na vidiek,** sú teda svojim spôsobom vidiečanmi. Sú teda lojálni, pokiaľ ide o kvalitného poskytovateľa služieb, ktorého navyše potrebujú a sú verní svojmu pôvodu a tradíciám.

Neobjavili sa komponenty a v rámci nich schémy ako je **kolektívna pamäť, jazyk, mentálna reprezentácia kultúry,** čo sú také komponenty, ktorým sa spoločnosť, zdá sa, nepotrebuje nejako osobitne v publicistike venovať. Dôvodom môže byť fakt, že pre tieto schémy sú vymedzené iné priestory, resp. sa tieto schémy v kultúrnom a jazykovom obraze Slovákov nedominujú.

2.2 VÝSLEDKY VÝSKUMU V UKRAJINSKOM KORPUSE²⁶

V našom skúmanom materiáli sa ukázalo, že Ukrajina nazerá na Slovensko z dvoch základných uhlov, vidí ho v priestore V4 (Vyšehradskej štvorky) a EU (Európskej únie). Najčastejším komponentom, schémou, ktorá sa v ukrajinských textoch vyskytuje, je **hranica, hraničný prechod medzi Slovenskom a Ukrajinou** a s tým súvisiace predmety a javy, ako sú víza, ich prideľovanie slovenskou stranou, ich vybavovanie na Ukrajine, ďalej je to obchodovanie s tovarom, či už oficiálne, alebo aj neoficiálne (kšeftovanie s tovarom) a tiež

²⁶ Výsledky z tohto čiastkového výskumu sme prezentovali tiež v práci Kredátusová, J.: Jazykový a kultúrny obraz Slovákov a Slovenska v ukrajinskej publicistike (výskum v ukrajinskom jazykovom korpuse). In: Stereotipät v slavianskite ezici, literaturi i kulturi: Jezikoznanije: zbornik s dokladi ot Četirinadesetite meždunarodni slavistični četenija. Sofia: Universitetsko Izdatelstvo Sv. Kliment Ochridski, 2019, s. 39-45.

pašovanie (najčastejšie cigariet, ale aj alkoholu a narkotík). Používa sa aj pojem Slovenská Európa, ktorá sa vyobrazuje ako vždy veľmi čistá, zdvorilá, domáca, pohostinná, zrozumiteľná a usmiata.

Druhou schémou je **vzájomne výhodná spolupráca firiem na Ukrajine s firmami na Slovensku**, pričom absolútne prevažuje schéma zavedenia **reverzného toku zemného plynu** smerom na Ukrajinu, **otázka ropovodov**, ktoré patria firmám Ukrtranshaz, Gazprom, Eustream a.s. a tiež schéma **aktuálneho stavu metalurgického priemyslu na Slovensku** (konkurencia v ňom, záujem o veľký podnik patriaci americkému investorovi na Slovensku US STEEL Košice, vedomosti o tlaku Číny na hutnícky priemysel na Slovensku). V menšej miere sa objavili aj schémy **sklárskeho priemyslu, konštatovanie jeho úpadku na Slovensku** v porovnaní so stavom na Ukrajine.

Schéma **správanie sa Slovenska a učenie sa od Slovenska Ukrajincami** sa dá vnímať prostredníctvom podschémy ako je **dôchodkový systém na Slovensku, ústavný zákon a právo na Slovensku, lustračný zákon platiaci na Slovensku, Česku, Poľsku a Maďarsku, teda vo V4, vyriešenie jazykovej otázky na Slovensku v Ústave SR**, podľa ktorej má slovenský jazyk prioritu pred inými jazykmi na území štátu (ako reakcia na problém jedného štátneho jazyka na Ukrajine, teda jazyka ukrajinského a udelenie štatútu regionálnych jazykov iným jazykom používaným na Ukrajine, vrátane ruského, bieloruského, bulharského, arménskeho, hebrejského, krymskotatarského, moldavského, nemeckého, novogréckeho, poľského, rumunského, slovenského a maďarského), **programy EU na Slovensku a vo V4, spoločné projekty v lesnom hospodárstve a v drevárskom priemysle, výrobná prax v depách lokomotív, administratívne usporiadanie na Slovensku (V4)**. Ukrajinci si osvojujú poznatky v týchto oblastiach a o týchto javoch, predmetoch, aby ich sami vhodne využili a správne aplikovali.

V ukrajinských textoch sa priestor venuje **spoločnej historickej minulosti Slovenska a Zakarpatska**, spomínajú sa niekdajšie **separatistické snahy Slovákov a Rusínov na Zakarpatsku**, ďalej **Slováci rusínsko-ukrajinského pôvodu**, osobnosti ukrajinsko-rusínskej menšiny, napr. **Mikuláš Mušínsky**, ktorému Národná akadémia vied Ukrajiny udelila titul akademik, básnik Zakarpatska **Petro Midžanka**, spomína sa aj **Centrum ukrajinskej kultúry v Prešove**, slovenské mestečko **Svidník** a **Múzeum ukrajinskej kultúry** v ňom i jeho filiálka **Galéria Dezidera Millyho** (známeho výtvarného umelca a pedagóga ukrajinskej menšiny žijúcej na Slovensku), ďalej schéma **delenia Zakarpatska kedysi Poliakmi, Čechmi a Slovákami i zapisovanie sa Ukrajincov ako Slovákov kvôli negatívnej skúsenosti s Banderovcami (ich veľké zločiny na tomto území)**. Rovnako sa vyjadruje snaha spolupracovať s firmami v tomto pásme a presvedčiť Slovákov, že Zakarpatsko nie je strašná, ale civilizovaná, sympatická a priaznivá časť Ukrajiny.

Ukrajinci vedia o Slovensku (schéma **poznatky o Slovensku**), že sa dá kvalitne odpocívať v **Tatrách**, že Slovensko hodnotí svoj bývalý **komunistický režim ako zločinecký**, že **Slovensko bolo súčasťou niekdajšieho Rakúsko-Uhorska (R-U)**, že Slovákov, Srbov a Chorvátov spája tzv. spoločný kód (R-U), že Slovensko slúžilo ako bariéra Nemcov proti Červenej armáde a zároveň bránilo prístupu Ruska k priemyslu v Česku, Poľsku a Maďarsku.

Viackrát sa v textoch spomína Slovensko vo vzťahu k Rusku (**schéma Slovensko a Rusko**), pričom sa citlivo a negatívne vníma Slovensko ako krajina, ktorá šíri, resp. napomáha šíreniu ruskej propagandy, je prorusky orientovaná a náchylná k rusofilstvu (podobne vraj

aj Bulhari a Srbi): **proruský premiér Fico i jeho vláda, propagovanie Putina, pestovanie mýtu o slovensko-ruskej družbe, antiukrajinské komentáre na sociálnych sieťach**, ktoré vyrábajú roboty a trolovia, ale píšú ich aj Slováci na Slovensku zo svojich služobných mailov, častokrát riaditelia a učitelia slovenských škôl, **odkrývanie sochy Petrovi I.**

Uvedomovanie si a priznávanie si existujúcich **stereotypov na Slovensku o Ukrajine v negatívnom zmysle a o Ukrajincoch ako o darebákoch, pašerákoch, nelegálnych zamestnancoch** je tiež veľmi častá schéma v ukrajinskej tlači, pričom si Ukrajinci uvedomujú, že s takýmto negatívnym obrazom u Slovákov nerobia absolútne nič, aby ho zmenili. Slováci podľa ukrajinských publicistov nikdy netvrdili, že u nich „prekvitá“ strategické partnerstvo s Ukrajinou. Slováci ukážkovo konajú proti korupcii, pašeráctvu aj dlhým radom na hraniciach, ďalej veľmi aktívne a spoločne s Poliakmi preukazujú dobré ukazovatele pri odmietaní víz Ukrajincom, čo kvituje Brusel. Na druhej strane priznávajú Ukrajinci otvorene to, že na jedného Slováka pripadá 160 ukrajinských cigariet, že Slováci ochotne nakupujú na hraniciach s Ukrajinou, najmä pred sviatkami, ako sú napr. Vianoce, a tiež to, že mladí Slováci, ktorí žijú na hraniciach s Ukrajinou, sa túžia stať pašerákmi.

Ukrajinci veľmi intenzívne sledujú **politické škandály na Slovensku: kauzy Gorila, emisie s CO₂ a ich odpredaj, „tunelovanie“ pri výstavbe diaľnic a zimného štadióna v BA**. Hovoria tiež o oligarchizácii krajiny a o prepojení politiky s biznisom, spomínajú činnosť slovenskej tajnej služby, jej tajné odpočúvania politikov, rozhovory politikov s biznismenmi a pod.

Objavujú sa tiež schémy ako je boj s korupciou na Slovensku, decentralizácia tzv. ústrednej moci a dokončenie reforiem, teda vzniku samosprávnych krajov a miestnych orgánov na Slovensku, ktoré sú ukončením autoritarizmu a prenesením kompetencií i moci na nižšie celky v štáte.

Objavila sa v ukrajinských publicistických textoch aj schéma spoločných projektov krajín V4, ako je ochrana zvierat, export a výroba energie či spoločné organizovanie (spoločná kandidatúra) zimných OH.

Schéma **Slovák** bola zastúpená iba niekedy, a to prostredníctvom najznámejších osobností Slovenska, ako je prezident Andrej Kiska a športovci Peter Sagan (cyklista), tenista Martin Kližan a tiež naši slovenskí volejbalisti a tiež rešpektovaný viceprezident Európskej komisie Slovák Maroš Šefčovič. Spomenutá bola aj historicky známa osobnosť Slovenska – cestovateľ, generál rakúskej armády gróf Móric Beňovský, ktorý žil nejaký čas na Madagaskare.

Schéma **Slovenka** bola zastúpená iba sporadicky. Spomínala sa biatlonistka Paulína Fialková a jej olympijský úspech teraz v Južnej Kórei a porovnávali sa Slovenky-dôchodkyne s Poľkami, Nemkami a Američankami, konkrétne sa konštatoval najnižší vek, ktorého sa dožívajú práve Slovenky v porovnaní s ostatnými.

3 ZÁVER

V slovenskom korpuse v nami preskúmanom materiáli sme sa stretli s viacerými schémami, ktoré vystupovali v rámci týchto komponentov: **sociálne postoje a vzťahy, kolektívne emócie, národný charakter a temperament, normy, hodnoty a ideály, štýl myslenia a sociálneho vnímania, vzorec správania**. Najviac zastúpený – dominantný – je komponent **národný charakter a temperament** a rovnako tak **vzorec správania**. Slováci si teda sami na sebe všimajú najmä tieto komponenty, teda aký majú temperament, čo je

charakteristické pre celý národ ako taký a ako sa zvyknú správať. Vidia sa ako národ spevavý, pestovateľský a folklórny, hravý, tichý a šetrný, ochotný vykonávať aj ťažšiu prácu. Národ, ktorý sa rád učí, tancuje, hýbe sa je nadaný na matematiku a je tvorivý. Náš výskum však ukázal aj množstvo negatívnych vlastností priamo vo vzorcoch správania Slovákov. Sú často žiarliví, neprajní, nevážia si individuálne schopnosti jeden druhého, trpia syndrómom vtáka v otvorenej klietke, sú vyberaví, opatrní, pomalšie reagujú na svetové trendy, ale nie sú konzervatívni, hoci sa tak javia.

Ďalej v počte zastúpenosti jednotlivých schém nasledujú komponenty **normy, hodnoty a ideály**. Istý priestor venujú aj týmto komponentom, čiže spomínané konštrukty sú pre nich pomerne dôležité, hoci nie prevažujúce. Slovensko je obrátené do seba, čo sa deje vo svete, to Slovensko netrápi. Pestuje alternatívnu pravdu, produkovanú ruskými médiami, neváži si náležite duchovné hodnoty, vzdelávanie má byť tiež iba zadarmo a pre každého. Slováci sú vlažní aj k vlastnej suverenite. Veria v hocičo, od Boha až po amulety a sú značné rozdiely medzi mladšou a staršou generáciou v chápaní mnohých spoločenských javov.

Kolektívne emócie, štýl myslenia a sociálne vnímania ako aj **sociálne postoje a vzťahy** sú zastúpené **menej**, i keď prítomné v textoch ostatného desaťročia boli. Mladí Slováci sú proeurópski, disponujú schopnosťami pracovať v medzinárodných tímoch, staršia generácia je zvyknutá počúvať centrálné príkazy a je tolerantná k zločinom z komunizmu.

Neobjavili sa komponenty a v rámci nich schémy, ako je **kolektívna pamäť, jazyk, mentálna reprezentácia kultúry**. Považujeme teda za dosť alarmujúci fakt, že kolektívna pamäť v spoločnosti Slovákov nerezonuje naplno, ona v našej vzorke textov nerezonovala vôbec. Minimálne, teda skoro vôbec sa neobjavili ani schémy spojené s jazykom, čo je pochopiteľné, keďže Slováci na svojom území slovenčinu riadne používajú, učia sa ju v školách, skúma sa na univerzitách a problémy s ním a jeho používaním nevznikajú. Nerezonovala, neobjavila sa tiež výrazná zmienka o mentálnej reprezentácii kultúry, hoci bol v texte deklarovaný fakt, že Slováci sú národ spevavý a folklórny. Iné schémy sa v súvislosti s kultúrou v našej vzorke textov nevyskytli, z čoho sa dá usudzovať, že priestor venovaný kultúre možno jestvuje v samostatnej pozícii a nepotrebuje sa pertraktovať v publicistike, alebo sa spoločnosť otázkami kultúry nejako výrazne nezaobera, pokiaľ ide o spojitosť mentality Slovákov a reprezentovaním kultúry, resp. sa tento komponent realizuje tiež viac-menej prirodzene a Slováci sa nepotrebujú s ním nejako obzvlášť konfrontovať, či vôbec zaoberať.

V uvedenom korpuse išlo o nazeranie Slovákov na seba zvnútra, teda samým sebou na seba samého. Dá sa však uplatniť aj nazeranie zvonku, teda ak na jeden národ nazerá nejakým spôsobom na národ iný. Ak takýto prístup uplatníme, zistíme, že Ukrajinci si Slovensko a Slovákov všimajú najmä prostredníctvom ich **vzorcov správania**, prostredníctvom **sociálnych postojov** a vzťahu k Ukrajine (resp. k Rusku) a prostredníctvom **spoločnej historickej pamäti so západnou Ukrajinou a Rusínmi**.

Ukrajinské texty, ktoré sme skúmali, obraz Slováka a Slovenky ako jednotlivcov konštruujú iba veľmi sporadicky. Ak si ich všimajú ako individuality, tak iba takých jednotlivcov, ktorí sú oficiálnymi reprezentantmi slovenského národa: Prezidenta SR, úspešných politických predstaviteľov SR v EU a úspešných športovcov. Títo konkrétni Slováci sú reprezentantmi mentálnej kultúry Slovenska a takto ich Ukrajinci vnímajú.

Najčastejšie schémy obrazu Slovákov sú vnímané prostredníctvom ich sociálnych postojov a vzťahov k Ukrajincom, pričom tieto postoje sú zobrazené skôr ako horšie, než lepšie, aj vo všeobecnom vnímaní Slovákov ako takých, aj pri konkrétnom vnímaní, teda pri slovenských individualitách.

Pozitívne obrazy o Slovákoch sa vyskytujú iba **pri osobách, ktoré reprezentujú Slovensko navonok** ako profesionáli v zahraničí.

Dominantné črty ako konštanty obrazu Slováka a Slovenky ako jednotlivca sa nám v textoch vybadať nepodarilo, neobjavili sa v nich. Slováci sú objektmi poznávania, učenia sa od nich, ale **vo vzťahu k nim cítiť u Ukrajincov značnú rezervovanosť, nevyhranenosť, opatrnosť a zvýšenú pozornosť**.

Ustálené modely (stereotypy) sa viacej ukázali v obraze Slovenska než jej príslušníkov – Slovákov. Pre Ukrajincov je **Slovensko ako krajina hodná spolupráce, nadväzovania obchodných vzťahov, podnikania v turizme, v priemysle aj v energetike**. Slovensko je tiež **zdrojom poznatkov o tom, ako realizovať reformy (boj s korupciou, vysporiadanie sa s minulosťou, zmeny v legislatíve), potenciálnym partnerom v spoločnom vzdelávaní v rámci EU aj ako člen V4**.

V celkovom vnímaní Slovenska a Slovákov teda prevažuje prístup prísne pragmatický, veľmi málo iný, napríklad pozitívny susedský, empatický a pod. Ukrajinci Slovákov ešte dostatočne nepoznajú, učia sa ich spoznávať a ich vzájomný **vzťah je teda viac racionálny ako citový**.

Výskum ponúka ďalšie možnosti, ako tieto zistenia (komentáre) vložiť do širších spoločenských debát v ukrajinskom a slovenskom prostredí, aby sa dali vysvetliť zhodné aj nezgodné spoločenské predstavy a stereotypy. Orientovať sa dá aj na ústny jazykový materiál a iné pramene (učebnice, cestovné bedekre, internet, sociálne siete a pod.).

From a Comparative Study on the Mentality of Slovaks and Ukrainians: The Image of Slovaks in Slovak and Ukrainian Texts of National Corpora

Jarmila Kredátusová

Mentality can be understood as a national identity with components such as social attitudes and relationships, collective emotions, national character and temperament, norms, values and ideals, style of thinking and perception and patterns of behavior (the author of this idea is mentioned in the study.) By examining the collocation "Slovaks are" in the journalistic texts of the Ukrainian language corpus, the author of the study managed to uncover the components mentioned above and smaller units – specific schemes (described in the study), that can be compared with components and schemes in the Slovak language corpus. The author of the study thus provides a description of current stereotypes about the image of Slovaks, how they see themselves and as a picture of Slovaks as it is "drawn" by Ukrainians in the last decade before Russia's aggression, not after it.

Ukrainian texts construct the image of Slovaks very sporadically. They notice only the individuals as official representatives of the mental culture of Slovakia, which are perceived more positively. These are politicians at the highest level or athletes with international credit. For Ukrainians, Slovaks are objects of cognition, they are learning from them, but in relation to them, they feel a certain reticence, invincibility, increased caution and attention. For Ukrainians, Slovakia is a country worthy of cooperation, but their approach to it is more pragmatic, less neighborly and empathetic.

The image after the aggression and the new experience of Ukrainians with Slovaks may change this image, which will be offered by further research.

ROZHĽADY

СЕРГЕЙ ТЕМЧИН*

**Руськомовный перевод 1563 года чешского Луцидария:
структура и состав текста**

TEMCHIN, S.: The 1563 Ruthenian Translation of the Czech Lucidarius: Its Textual Structure and Composition. *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 1, pp. 58-62 (Bratislava).

The article focuses on textual characteristics of the recently identified Ruthenian translation, made from a printed edition of the Czech *Lucidarius* in 1563 and present in two Cyrillic manuscript copies written in the late 16th and the first half of the 17th century. Particular attention is paid to establishing the initial structure of this Ruthenian translation, which reflect its non-extant Czech printed source.

Grand Duchy of Lithuania; Cyrillic manuscripts; Ruthenian language; translations from Czech; *Lucidarius*.

Чешский Луцидарий (*Lucidář*) – своеобразная средневековая энциклопедия в вопросах и ответах, переведенная с немецкого языка около 1400 года, – трижды переводился на руську мову: 1) около середины XVI века в Венгерском либо Польском королевстве („далматинская“ гора Олимп отождествлена здесь с Татрами);¹ 2) в 1563 году в неизвестном месте; 3) в 1636 году с несохранившегося чешского издания (*Оломоуц, 1622).²

Руськомовный перевод 1563 года, практически не известный в науке, представлен двумя списками, недавно опубликованными. Их содержат:

1) Жировицкий сборник конца XVI в. (далее – список Д: Санкт-Петербург, Библиотека Российской академии наук, собр. П. Н. Доброхотова (ф. 37), № 18, л. 167–174);³

* Сергей Юрьевич Темчин (Sergejus Temčinas), хабилитированный доктор гуманитарных наук, главный научный сотрудник Института литовской литературы и фольклора (Вильнюс, Литва): *Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas*, Antakalnio g. 6, LT-10308 Vilnius, Lietuva; email: sergejus.temcinas@flf.vu.lt.

¹ Читается лишь в составе Ракошинского сборника XVII–XVIII вв., см. публикацию и исследование: Žeňuch, P. (ed.): *Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии = Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku*. Roma–Bratislava–Košice: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Pontificio Istituto Orientale, Slovenský komitét slavistov, Centrum spirituality Východ–Západ Michala Lacka, 2013 (*Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae*, vol. 4), s. 292-301 (публикация); Темчин, С. Ю.: Татры в древнейшем руськомовном переводе чешского Луцидария: время и место выполнения перевода. In: *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 50, 2020, p. 98-106; Žeňuch, P. (ed.): *Rakošinský cyrilský rukopisný zborník z konca 17. a zo začiatku 18. storočia*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov, 2021 (*Slavica Slovaca*, roč. 56, № 4), s. 14-25 (исследование), 47-58 (новая публикация Луцидария).

² Шесть известных его списков второй четверти XVII–начала XIX вв. (пять из них опубликованы) содержат уже более или менее сокращенный текст, см. Темчинас, С.: Руськомовный перевод 1636 года чешского Луцидария (*Оломоуц, 1622). In: *Res Humanitariae*, t. 28, 2020, p. 146-163.

³ Темчин, С. Ю.: Неизвестный перевод чешского Луцидария на руську мову (1563 г.) и его древнейший список конца XVI в. In: *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 51, Vilnius, 2021, p. 185-192; Темчин, С. Ю.: „Слово о сотворении всего света от початка и до конца“: Руськомовный перевод (1563 г.) чешского Луцидария в списке конца XVI в. In: *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 51, 2021, p. 193-204.

2) полемический сборник первой половины XVII в. (далее – список И: Москва, Государственная публичная историческая библиотека России, Отдел редких книг, Рук. 11, л. 67 об.–89).⁴

В указанных публикациях приведены конкретные данные, позволяющие утверждать, что: а) старший список содержит признаки русьской мовы северного („белорусского“) типа, а также небольшое количество фонетико-орфографических и морфологических примеров, указывающих на возможное южное („украинское“) происхождение предыдущих списков; б) младший список дает зеркально противоположное распределение региональных признаков и сохраняет переводное (судя по богемизмам) послесловие с датой перевода, проставленной на месте неизвестной исходной даты чешского оригинала: писѧ, в лѣто хѣа рѣтва ѧ ф ѧ пѣ, где предпоследняя буква цифири п является вторичным искажением вполне обычного в такой позиции соединительного союза и. Следовательно, имеется в виду 1563 год. Оба сборника не имеют пересекающихся текстов, кроме самого Луцидария, так что текстологический конвой у этого руськомовного перевода отсутствует, насколько об этом можно судить по двум известным ныне спискам.

Чешские издания Луцидария XVI века не сохранились, но данный руськомовный перевод позволяет получить некоторое представление о несохранившемся чешском оригинале. Его структура и состав текстов (вопросов ученика и ответов учителя) может быть восстановлен путем взаимного сопоставления двух списков, взаимно дополняющих друг друга.

Для этого ниже сведены воедино соответствующие данные обоих из них. После сокращенного обозначения рукописей (Д и И) через дефис указывается номер соответствующего вопроса (и ответа на него) в данном списке.

Структура руськомовного рукописного перевода 1563 года чешского (печатного) Луцидария

0. Предисловие (Д-0);

1. кѧ нѧ верыти ѡ бѣа (Д-1);

2. кѧ се можѣ божество нѧтрое рѣделити (Д-2);

3. колн са тѣ трн не могуѣть рѣделити колн сѣ члвчѣтво принѧ тѧ ли н ѡтецѣ принѧлѧ н дѣ светын (Д-3);

4. бѣ ли бѣ пѣвен колн свѣ не сотворенѣ (Д-4);

5. ѡжо мн еси мѡвѣ ѡ возе повѣдан жев н ѡ сотворенни томѣ естѣ бѣ свѣ чинни (Д-5);

6. кѧ естѣ было пѣвен колн свѣ не чиннѣ бѣ (Д-6);

7. што естѣ бѣ напѣвен чиннѣ (Д-7);

8. кѧ естѣ звѧ пѣвѣ анѣ (Д-8);

9. кѧ бѣ дѡго ѡ нѣсѣ (Д-9);

10. томѣ его тогды чиннѣ колн хотѣ его такѣ бѣздо скинѣти (Д-10);

11. колн естѣ пекло чиннено (Д-11);

12. што естѣ пекло (Д-12);

13. нѣдѣ ли пекло дно (Д-13);

14. много нѣдѣ дѣжнѣ пекло (Д-14);

⁴ Темчин, С. Ю.: Список первой половины XVII в. руськомовного перевода 1563 г. чешского Луцидария: публикация текста. In: Slavistica Vilnensis, vol. 66(1), 2021, p. 129-141.

15. гдѣ сѣ мѣки (Д-15, часть ответа переформулирована в следующий вопрос);
- 15а. тѣ дѣши прѣмаю ли мѣки которѣ дѣши мають выкуплены быти (Д-15а);
16. какъ то прѣде (Д-16, только вопрос);
17. *Как уставлено небо (Д-16, только ответ);
18. естъ ли што ѡ тѣ двѣ нѣсѣ (Д-17);
19. коли естъ ѡчинено сѣнце (Д-18);
20. гдѣ аѣ ѡчинѣ (Д-19);
21. гдѣ еѣга ѡчинена (Д-20);
22. *Где естъ рай (ответ присоединен к предыдущему Д-20);
23. коли естъ ѡ на тѣ светѣ то мѣ не можѣ ѡ него ѡконтн (Д-21);
24. какъ бы дѣдо аѣ ѡ ран (Д-22);
25. которѣ аѣ ѡвоцѣ бы аѣ ѡ раю выгнѣ (Д-23);
26. какъ бы сѣ бы люди плодѣ бы бы ѡстѣ в ран (Д-24);
27. кѣ бы дѣдо жѣ аѣ (Д-25);
28. што естъ нѣа зложѣ аѣаѣовн (Д-26); Нѣа аѣаѣовн што зложѣ (И-1);
29. што нашѣ гѣвѣ (Д-27); Кто нашѣ гѣвѣ (И-2);
30. ѡ того стѣ хлѣпата и кнѣжата (Д-28; И-2, ответ присоединен к предыдущему);
31. кѣ естъ зѣа тѣ чортѣ которѣ аѣаѣа и еѣвѣ зѣаѣ (Д-29); Иѣко ѣ зѣа тѣ чертъ. которѣн аѣаѣа и еѣвѣ в ран зѣаѣ (И-3);
32. повѣдѣ же мн ѡ ѡстѣленѣю тѣ света (Д-30); Повѣдан же мн ѡ съставленѣн светѣ (И-4);
33. тѣ естъ зѣаѣа потѣвѣжѣна и не можѣ потѣнѣ коли плаѣаѣ в мѣорн (Д-31); Пѣо нѣ ѣ зѣаѣа потѣвѣжѣна. цн ли нѣ. нѣж не можѣ потѣнѣти. коли мѣ плаѣаѣ по мѣорѣ (И-5);
34. на многоѣ частѣн рѣдѣлѣ светѣ (Д-32); на многоѣ частѣн раздѣлѣ сѣѣѣ (И-6);
35. гдѣ сѣа потѣла аѣнѣа (Д-33); Гдѣ потѣла аѣѣа (И-7);
36. гдѣ тѣе рекн текѣтъ (Д-34); гѣ тын рѣкѣ текѣѣ (И-8);
37. которѣа зѣаѣа лѣжѣ блѣко раю (Д-35); Которѣа зѣаѣа блѣше раю лѣжѣ (И-9);
38. быѣн тѣе людн пѣполѣ (Д-36); вѣдаю ли сѣ тын лѣѣ спѣлѣ (И-10);
39. аѣ нѣ писѣмо повѣдаѣ што естъ много людѣ пѣло ѡ аѣаѣа а кѣ сѣ тѣ лѣѣ проѣмѣнѣ дѣно (Д-37); ѣакъ нѣ пѣмо повѣдаѣтъ и много лѣѣн пошѣо ѡ аѣаѣа ѣа сѣ тын проѣмѣнѣнн (И-11);
40. ѡжѣ еѣмн слышѣ ѡ нѣдѣ повѣдан же мн ѡ тѣ зѣаѣн што ѣе зѣвѣ патѣрысѣ (Д-38); ѣѣмѣ слышѣ ѡ нѣдѣн ѡповѣдан же мн ѡ тон зѣаѣн. што зѣвѣ еѣн патѣрѣ (И-12);
41. повѣдѣ же мн ѡ тѣ зѣаѣн што ѣе зѣвѣ мѣсѣпотѣннѣа (Д-39); пѣѣѣ мн ѡ тѣ зѣаѣн которѣю зѣвѣ мѣсѣпотѣннѣа (И-13);
42. повѣдѣ же мн ѡ тон зѣаѣн еѣропѣ (Д-40); повѣдѣ же мн ѡ тон зѣаѣн што еѣн зѣвѣ кѣропѣ (И-14);
43. кѣ естъ зѣаѣа шнѣрока а кѣ тѣста (Д-41); ѣа ѣ шнѣрока зѣаѣа. и тѣ ѣа тѣста (И-15);
44. ѡжѣ слышѣ ѡ двѣ сторонѣ. Повѣдан же мн ѡ третѣ сторонѣ. которѣю зѣвѣ аѣрѣнка (И-16);
45. ѡжѣ еѣмн слышѣ ѡ вѣѣ зѣаѣаѣ. повѣдан же мн ѡ ѡстроѣѣѣ которѣн сѣ в мѣорн (И-17);
46. которѣн шѣаѣѣнѣстн тѣе дѣрѣѣѣ. с которѣо стѣн кѣѣѣ ѡѣнѣ. а тон рѣгн нѣхѣо не вѣдаѣ. ѡѣѣ тѣе дѣрѣѣѣ рѣло. ѣ тѣо прѣло и раю пѣѣѣ мн тѣо (И-18, ответ присоединен к вопросу);
47. *Как это дѣрѣѣѣѣо вынѣсѣно из рѣа (И-18, только ответ);
48. што сѣа знѣаѣнѣѣѣ черѣ тѣю головѣ. и бѣѣаѣ бѣѣ пѣо ногѣмн коли стоѣа на кѣѣѣѣ (И-19);
49. што еѣн тѣ мѣѣнѣ. и трѣкрѣа ю кѣѣа а трѣкрѣа хѣѣлѣн (И-20);
50. повѣдан же мн ѡ прѣрожѣнѣн ѣѣѣ (И-21);
51. ѣа пѣзнѣтн коли бы мѣорѣ прѣбѣѣѣѣло и ѡѣбѣѣѣѣло (И-22);

52. ѿкъ приходѣ вътрѣ (И-23);
53. чѣмъ сѧ землѧ трѣсѣ (И-24);
54. чѣмъ зѣла ѿворѣтѣ (И-25);
55. повѣдѧ жѣ о тѣхъ зѣлахъ. що ѣ сициліа (И-26);
56. оу морѣ ѣ ѡно мѣсто. тѣ пси брешѣ по вѣю поѣтъ ми іѧ то прїидѣ (И-27);
57. ѿкъ приходѣ зима (И-28);
58. коли ѣ лѣтъ тѧ нїко. а зима далеко високо іѧ прїидѣ. ѣ лѣтъ дѡгы днѣ а зима кракѣти (И-29);
59. ѿ чего маємо нѡ (И-30);
60. іѧ то прїидѣ ѣ слнцѣ на бѡ вѣгаѣ на нѣтъ (И-31);
61. іѧ далеко бѣ свѣсъ сътвори (И-32);
62. *Одна ли звезда денница и зверенница (И-32, конец ответа присоединен к предыдущему);
63. *Как те планеты велики (И-32, ответ присоединен к предыдущему);
64. чѣмъ нѧ видѣи свѣсъ малы (И-33);
65. іакѡ. свѣсъ прироженіа (И-34);
66. а лѣ іакого сѣ прироженіа (И-35; Д-41, конец ответа присоединен к предыдущему);
67. повѣдѧ же ми ѡ мѣстѣ нѧ имѣши естъ звезды мѣстѣ а быти ближѣ земли а прото лѣ берѣ розѣ ѿ мѣста как же то прїидѣ (Д-42, ответ присоединен к вопросу); Поитаніе ѡ мѣстѣ. ѣ намѣшті ѣ мѣсть планѣты. а бѣ блїшен земли а прото берѣ лѣ розѣ ѿ мѣста. поѣтъ ми іѧ то прїидѣ (И-36, ответ присоединен к вопросу);
68. *Как то приидет: вопрос о приращении небесном (Д-42, И-36; в обоих случаях вопрос присоединен к предыдущему вопросу, соединенному с ответом);
69. ѿкъ то прїидѣт што мѣста прибываѣ и убываѣ (Д-43); ѿкъ прїидѣ коли мѣста прибываѣ. и оубываѣ (И-37);
70. што то естъ што видѣи ѡ мѣстѣ тѣно (Д-44); а то што оу мѣстѣ тѣного вѣмь (И-38);
71. томү сѧ мѣсть перемѣнаѣ (Д-45); чѣмъ мѣсть перемѣнаѣ (И-39);
72. повѣдѧ же ми ѡ комете (Д-46); повѣдѧ жѣ ѡ комитѣ (И-40);
73. кѧ то прїидѣ видаѣ лете ѣ звѣды падаю (Д-47); іѧ то прїидѣ видаємо ѣ свѣсъ падаю (И-41);
74. томү лете гра нѣ (Д-48); чѣмъ лѣтъ гра нѣ (И-42);
75. ѿкъ прїидѣ грѡ (Д-49); ѿкъ приходѣ грѡ (И-43);
76. ѿкъ приходѣ снѣ (Д-50); ѿкъ приходѣ снѣ (И-44);
77. *Отчего идет дождь (Д-50; И-44; в обоих случаях вопрос и ответ присоединены к предыдущему ответу);
78. прѡто нѣ чѣлены дѡдѣ (Д-51); прѡто нѣ чирконыи дѡдѣ (И-45);
79. што естъ т҃ча (Д-52); шо ѣ т҃ча (И-46);
80. кѧ то прїидѣ ѣ ст҃дѣцы лете ст҃дены а зимѣ теплы (Д-53); іѧ то прїидѣ ѣ ст҃денѣ лѣтъ ѣ ст҃дени. а зимѣ запечѣѣ не можѣ таа горѣть прѡнти. инде ѡно гладѣи зїны проленѣ. а коли таа пара прѡнти кѡды хошѣ а не можѣ. и тѣ чѣ ѡна здоровѣшаа нї дрѡгаа (И-47);
81. томү ѡдѣи ст҃денѣ здорѣ а нїшї недорѣ (Д-54); ответ присоединен к предыдущему вопросу (И-47);
82. томү море солоно (Д-55); чѣмъ море солоно (И-48);
83. ѿкъ приходѣ роса а морѣ (Д-56); ѿкъ приходѣи роса морѣ (И-49);
84. ѿкъ приходѣи тма ѣ то бываѣ вѡдѣа (Д-57); ѿкъ приходѣи тма. ѣ то бываѣ в днѣ (И-50);
85. ѡ надо всимѣи мїтрами мїтровѣ повѣдѧ же ми томү сѣ людѣи ныне дѡди а гл҃пы а иные малы а мѡдри

КСЕНИЯ КАЗАРИНОВА*

**Евангельский текст *Ин 20.19–31*
в руськомовных учительных евангелиях XVI–XVIII вв.:
выделение текстологических групп**

KAZARINOVA, K.: *John 20.19–31* in Ruthenian Didactic Gospels of the 16th–18th Centuries: the Identification of Textual Groups. *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 1, pp. 63–70 (Bratislava).

The article presents a general overview of the gospel passage *John 20.19–31*, represented by 64 Ruthenian manuscripts of the 16th–18th centuries. The author proposes the classification of the manuscripts by their textual relationship and also indicates the main features of the handwritten transmission of the passage.

The Grand Duchy of Lithuania, Ruthenian manuscripts, didactic gospels

Введение. Объектом исследования является евангельский текст, читаемый в церкви на Антипасху, или Фомино воскресение, т.е. в первое воскресение после Пасхи.¹ Это отрывок из евангелия от Иоанна (Ин 20.19–31), где повествуется об уверовании апостола Фомы, который, не поверив слухам о воскресении Христа, желал сам увидеть Его.

Данный текст исследовался на материале 64 руськомовных учительных евангелий (в том числе 5 печатных), датируемых с 1585 г. (Львовский список) до конца XVIII в. (Злоцькое евангелие). Это неполный корпус сохранившихся списков указанного евангельского фрагмента: некоторые из них (впрочем, не слишком многочисленные) оказались недоступными. Тем не менее представляется, что анализ на основе имеющихся рукописей все же может дать некоторое представление о текстологии исследуемого отрывка.

Рукописи с широкой датировкой условно помещались в середину временного периода, образуемого верхней и нижней датами ее возможного создания. Так, хронологически последнее в череде рукописей Злоцькое евангелие, датируемое концом XVIII в., условно отнесено к *1795 г., а, например, Самборский список, относящийся к четвертой четверти XVI в., условно датирован *1588 г. Условность датировки отмечается астериском (*) перед ней.

Первичной целью исследования является группировка данного материала через выделение текстологически родственных списков. Для ее достижения нужно было решить следующие задачи:

* Ксения Николаевна Казаринова (Ksenija Kazarinova), доктор филологических наук, младший научный сотрудник Института литовского языка (Вильнюс, Литва): Lietuvių kalbos institutas, P. Vileišio g. 5, LT-10308 Vilnius, Lietuva; e-mail: ksemuri@gmail.com.

¹ Это евангелие в течение годового церковного цикла встречается еще три раза:

- а) на пасхальной вечерне, т.е. вечером в пасхальное воскресение (но в этом случае оно читается только по стих 25-й, а не по 31-й, как на Антипасху).
- б) в день памяти апостола Фомы (6 октября);
- с) этот отрывок входит в цикл из одиннадцати воскресных евангелий, которые весь год поочередно читаются на воскресной утрени (т.е. на всенощном бдении, совершаемом в субботу).

- установить, в каких рукописях присутствует данный евангельский отрывок;²
- сгруппировать тексты, объединив их в текстологические группы (если это представляется возможным);
- выделить репрезентативные списки-представители каждой текстологической группы.

Список рукописей

В конце статьи представлен перечень рукописей в алфавитном порядке. В нем указаны: название списка и его условное сокращение,³ точная или условная дата возникновения (год или век), место хранения рукописи и ее шифр. Многие списки каталогизированы Галиной Чубой.⁴ Это издание является единственным специализированным каталогом, рассчитанным на описание списков учительных Евангелий, которые ввиду своего относительно позднего происхождения чаще всего еще не охвачены обычными каталогами рукописных собраний. Если же последние существуют, они дают значительно меньше информации об интересующих нас рукописях и потому здесь не указываются. В приводимом в статье списке указывается номер документа в каталоге Чубы, если он каталогизирован. При указании печатных евангелий приводятся только полное и условное названия, а также место и дата их издания.

В конце статьи дается также список сокращений названий хранилищ.

Тексты-представители и текстологические группы

В процессе исследования выделено 25 типов текста, грамматика, синтаксис и лексика которых настолько отличаются друг от друга, что эти версии можно считать самостоятельными либо имеющими настолько дальнее родство, что без дополнительного текстологического анализа оно не может быть установлено. В некоторых случаях (о них ниже) к самостоятельным были отнесены и очевидно родственные версии, отражающие последовательную и целенаправленную правку (Лв vs ПК; шесть групп, родственных Сл).

Из этих 25 текстов три (Зб, Пс и Нг) настолько фрагментарны, что включаются в исследование условно: в них евангельский текст представлен в виде единичных цитат, рассеянных по проповеди. При этом в двух случаях (Зб и Пс) сохранилась лишь часть проповеди (остальное утрачено).

Пятнадцать текстовых версий представлены единичными рукописями: Лж, Ип, Зб, Кр, Пр, Лн, Ол, Пс, Мд, Мм, Гм, Уг, Дг, Рш, Нг. Другие же имеют родственные списки (указаны ниже после знака +), которые, таким образом, образуют текстологические группы (перечисляются в хронологической последовательности):

1. Лв + Пт, Ур, КТ, ЮД;
2. Ск + См, Сг, Вц, Сн, Рб, Вс, Цн, Тр, Лщ, Фр, Ст, Яр, Сш, Лд, Вк, Кж, Яв;
3. Лж;
4. Вш + Яс;
5. Сл + Мж, Вн, Бж, Сц;

² Эта часть подготовительной работы выполнена проф. С. Ю. Темчиным, которого искренне благодарю за оказанную помощь.

³ Система условных сокращений основана на материалах докторской диссертации Дениса Кравчука, которая писалась в Институте литовского языка в 2017–2020 гг.

⁴ Чуба, Г. В.: Українські рукописні учительні Євангелія: дослідження, каталог, описи. Київ–Львів: Свічадо, 2011.

6. Ип;
7. Тд + Бр, Рч, Чл, Вл, Рм;
8. Зб;
9. Кр;
10. Пр;
11. Ис + Ив, Гб;
12. ПК + Дч;
13. Лн;
14. МС + Вв, ПМ;
15. Ол;
16. Пс;
17. Вч + Рд;
18. Мд;
19. Мм;
20. Гм;
21. Уг;
22. Дг;
23. Рш;
24. Вя + Нм, Зл;
25. Нг.

Тексты-представители выбирались по хронологическому принципу (наиболее ранний в группе) за двумя исключениями: а) если в списке (но не в группе в целом) имелись слитные чтения, которые обычно свидетельствуют о наличии более ранней версии текста; б) если в тексте имелись значительные помарки, описки и т.п. – в таких случаях текстом-представителем считался следующий по хронологии список. На данном этапе исследования выбор текстов-представителей – это весьма условная операция, необходимая для облегчения ориентации во всем многообразии списков.

Учительное евангелие патриарха Каллиста (ПК) занимает в этой классификации амбивалентную позицию. С одной стороны, оно (в своем евангельском чтении) явно родственно львовскому списку (Лв), что видно по идентичным фрагментам текста: они полностью или почти полностью совпадают в тех местах исследуемого отрывка, где текстологическая вариативность разных списков велика. К примеру, стих Ин 20.19 *ѿѿшѿ же поздѣ въ днѣ тои въ единому ѿ сѣбѣ. и двѣрѣ затворенѣ, идеже вѣхѣ оутѣни его събрани страха рѣ юуденска [...]* (Лв) имеет множество грамматических, синтаксических, лексических вариаций в источниках (кроме Зб, Пс и Нг, где этот стих отсутствует), но в ПК он воспроизведен лишь с небольшими изменениями: *ѿшѿ вѣчерѣ въ днѣ онѣ въ едѣнѣ ѿ сѣбѣ. и двѣрѣ затворенѣныи, идеже вѣхѣ оутѣни его събрани страха ради юудейскаго*. С другой стороны, очевидно стремление редактора ПК стилистически изменить текст, который, таким образом, превращается в самостоятельную версию, напр.:

Ин 20.23	
Лв	ПК
идеже ѿпоустѣ грѣхѣ, ѿпоустѣ са ѿ. и идеже дрѣжитѣ, дрѣжѣ са	аще кѡниѣ оставите грѣхѣ, оставѣт са нѣ. аще кѡниѣ оудержите, оудержѣт са нѣ.

Некоторые группы оказываются текстологически связанными друг с другом. Это видно на примере силецкой группы и связанных с нею иных шести групп (Ип, Кр, Ис, Вч, Уг, Дг). Соответствующие списки объединены схожими признаками: уникальными формулировками (напр., в Ин 20.29 присутствует не индивидуальное обращение к Фоме, а собирательное ижъ видѣа мене и вѣроуютъ), вставками (напр., Ин 20.25 [ѿповидѣль ѿ фомѣ] тыди слоуы), пропусками (напр., дана лишь первая половина стиха Ин 20.23). Удаление от этой канвы наблюдается только в трех поздних списках Вч, Дг, Рд, но и в них сохранены некоторые узнаваемые признаки, характерные также для Сл. Таким образом, указанные шесть групп являются очевидно родственными, но в них присутствуют явные следы правки, благодаря чему их тексты признаны самостоятельными текстологическими группами.

Общий обзор. Каждую из выделенных групп в дальнейшем необходимо проанализировать отдельно, выполнив критический анализ. Теперь же можно отметить несколько наиболее характерных аспектов, общих для всего материала в целом.

Во-первых, евангельский текст представлен как церковнославянскими источниками (в которых, впрочем, нередки рутенизмы), так и руськомовными с вкраплениями церковнославянизмов. Полностью церковнославянские или руськомовные тексты среди этих рукописей отсутствуют.

Ниже представлена классификация выделенных групп по языковому признаку. Этот анализ проводился на основе частотных в исследуемом евангельском отрывке форм прошедших времен, которые позволяют надежно разграничить церковнославянский язык и руську мову: их системы прошедших времен весьма различны и совпадают лишь в случае перфекта со связкой.

Церковнославянские группы	Руськомовные группы
Лв, ПК	Ск, Лж, Вш, Сл, Ип, Тд, Зб, Кр, Пр, Ис, Лн, МС, Ол, Пс, Вч, Мд, Мм, Гм, Уг, Дг, Рш, Вя, Нг

Как видим, доминирует руськомовный материал. Церковнославянскими признаны лишь группы Лв и ПК. В других рукописях влияние церковнославянского языка выражено гораздо слабее. В свою очередь, скотарская группа, а также тексты, составляющие группу Ев. Мелетия Смотрицкого, являются классическими представителями руськомовной традиции – в них глагольные формы (и синтаксис) максимально рутенизированы. Лексика групп, отнесенных к руськомовной традиции, неоднородна: она в основном нейтральна, но в некоторых группах (например, Вя) основой словаря исследуемой перикопы становятся рутенизмы.

Во-вторых, общий анализ исследуемого материала показывает, что рукописная передача того же самого евангельского текста весьма различна из-за высокой лексической, синтаксической и грамматической вариативности по спискам. В исследуемом отрывке можно наблюдать места наибольшей и наименьшей вариативности. Так, например, начальный стих Ин 20.19 имеет заметные отличия по группам:

Лв:		Соушъ же поздѣ	въ днѣ тон	въ єдиноу ѿ сжѣѣ.
Ск:		Было поздно, оу вѣрь.	оного днѣ	прѣшего по сжѣѣ.
Лж:	Ѣъ онъ чѣ.	коли вѣтеръ былъ.	днѣ оного,	прѣваго по соуѣѣ.

Вш:		Бѣнегда было	одиной	сѣботы оу вѣѣ.
Сл:	Бѣ онь чѣ	бывшоу позно	вѣ днь тѣн,	вѣ единому ѿ соубѣ
Ип:	Бѣ ѿ чѣ.	бывшоу позно	вѣ днь тѣй.	вѣ единому ѿ соубѣ
Тд:	Бѣ оноє времѣ.	коли бѣ вѣтерь	оного днѣ.	который бывѣ прѣшїи по сѣботѣ
Кр:	Бѣ ѿ чѣ.	бывшоу позно.	вѣ днь тѣ	вѣ единому ѿ соубѣ
Пр:	Кгдаѣ было	одинѣ сѣботы	вѣ бѣрь	
Ис:	Бѣ ѿ чѣ.	было позно 8 вѣѣ	оного днѣ.	пѣшего по сѣботѣ.
ПК:		свѣс вѣтерь	вѣ днь онѣ	вѣ дѣнѣ ѿ сѣботѣ.
Лн:		Кгда тогды вѣтерь бѣ	днѣ оного	который бѣ першїи по сѣботѣ.
МС:		Ѧ кгда было позно	в' день той	першїи тыдневїи,
Ол:	Бо времѣ оно.	боудѣти пѣно	в' дѣ	соубѣтннѣ.
Вч:	Бѣ онынї чѣ.	бывшоу позно	вѣ днь тѣ	вѣ единому ѿ соубѣ.
Мд:	Бѣ оно времѣ	было позно	в тѣ днѣ	
Мм:		Кгда сѣ ѣ припознило к вѣтерь	ѿно днѣ,	во едї днѣ ѿ сѣботы,
Гм:		бывшии позно	днѣ того	држгого по сѣботѣ.
Уг:	Бѣ ѿ чѣ	бывшѣ позно	вѣ тѣ днѣ.	вѣ единѣ ѿ сѣбѣ
Дг:	Бѣ ѿ чѣ.	гда было позно	вѣ днѣ тѣ.	вѣ единому ѿ сѣботѣ.
Рш:	И стало сѣ:	днѣ оного пѣшего:		По шабѣтѣ жидовскоѣ:
Вя:		кды было позно кѣ вѣтерь	в' той же днѣ	

В свою очередь, внутри группы этот стих также может иметь грамматические или лексические различия. Значительную вариативность имеет также стих Ин 20.25 (и отражающий его стих Ин 20.27).

Другие стихи, напротив, слабо подвержены изменению. К таким можно отнести: приветствие в Ин 20.19; исповедание Фомы в Ин 20.28 (где основные различия связаны с использованием церковнославянской или русскомоновской лексики); частично заключительные стихи Ин 20.29–31.

Выводы. Это обзорное исследование подводит к следующим выводам:

- 1) 64 исследованных списка распределяются на 25 текстологических групп;
- 2) грамматика, синтаксис и лексика в выделенных группах достаточно сильно отличаются, при этом очевидно наличие в исследуемом отрывке мест наибольшей и наименьшей вариативности;
- 3) лишь в шести списках (Зб, ПК, Пс, Мд, Гм, Нг) евангельский текст представлен в виде цитат, рассеянных по проповеди; в иных рукописях евангельская перикопка представлена отдельно (предшествует толкованию);
- 4) в рассмотренном евангельском отрывке церковнославянская и русскомоновская языковые традиции тесно переплетены, но при этом абсолютно доминирует русскомоновская: к ней относятся 23 текстологические группы при двух церковнославянских.

Дальнейшее исследование предполагает подготовку интерлинейного издания на основе текстов-представителей выделенных групп, последовательное критическое сравнение всех текстовых версий по языковым и текстовым признакам, а также поиск текстологических связей между ними.

Текстологические характеристики, выделенные на основании этого евангельского отрывка, не обязательно будут характеризовать иные перикопы этих же рукописей, т.к. один список может иметь несколько антиграфов, разных писцов, в разное время мог изменяться, редактироваться и дополняться. Проверка полученных данных на материале иных евангельских чтений – это тема для дальнейшего обширного исследования.

Список сокращений названий хранилищ

БАН – Библиотека академии наук, Санкт-Петербург.

ЗКМ – Закарпатський обласний краєзнавчий музей ім. Тиводара Легоцького, Ужгород.

ЛНБ – Львівська національна наукова бібліотека України імені В. Стефаника.

НБУВ – Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського (Інститут Рукопису), Київ.

РНБ – Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург.

BNW – Biblioteka Narodowa, Warszawa.

Список исследованных рукописей

1. Бж (Блажевское), кон. XVI в., нач. XVII в. (*1600): ЛНБ, ф. 1 (НТШ), оп. I, № 91. Чуба № 19.
2. Бр (Бережницкое), кон. XVI в., нач. XVII в. (*1600): ЛНБ, ф. 77 (АСП) оп. I № 77. Чуба № 21.
3. Вв (Ваневское), 1-ая треть XVII в., до 1631 (*1617): BNW 12215 III (Акс 2837). Чуба № 63.
4. Вк (ев. из Воли Кривецкой), 2-ая четв. XVII в. (*1638): BNW 12230 IV (Акс 2755). Чуба № 70.
5. Вл (Воленское), 1-ая треть XVII в. (*1617): BNW BOZ 87. Чуба № 65.
6. Вн (Ванкловецкое), кон. XVI в. (*1595): РНБ, ф. 893 (Явор.) № 17. Чуба № 16.
7. Вс (василианского монастыря), нач. XVII в. (*1605): Monaster bazylianow w Warszawie, E-1,3.
8. Вц (Волицкое), 4-ая четверть XVI в. (*1588): BNW, 12213 III, 232 л., Чуба № 3.
9. Вч (Высочанское), 1635: ЛНБ, ф. 2 (НД), № 62. Чуба № 34.
10. Вш (Вишнопольское), 4-ая четв. XVI в. (*1588): РНБ, ф. 588 (Погод.) № 192. Чуба № 8.
11. Вя (ев. из Воли Якубовской), часть А, часть Б. 4-ая четв. XVII в. (*1688): Інститут літератури імені Тараса Шевченка НАН України (Київ), ф. 3 (Фр.), № 4743 (часть А), № 4742 (часть Б). Чуба № 88.
12. Гб (Грабское), 1-ая треть XVII в. (*1617): РНБ, ф. 893 (Явор.) № 18. Чуба № 61.
13. Гм (Гуменнское), 1640-е гг.: Vihorlatské múzeum, Humenné.
14. Дг (Дроговское), сер. XVII в. (*1650): BNW 12219 III (Акс 2597). Чуба № 85.
15. Дч (Дрогичинское), 1-ая пол. XVII в. (*1625): **часть А:** Biblioteka Metropolitalnego Seminarium Duchownego w Lublinie, Rkps 542; **часть Б:** Biblioteka Uniwersytecka Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II, № 476; **часть В:** Muzeum parafii rzymskokatolickiej Rozesłania św. Apostołów w Chełmie. Чуба № 60.

16. Зб (Заболотецкое), кон. XVI в., нач. XVII в. (*1600): BNW 12211 III (Акс 2729). Чуба № 23.
17. Зл (Злоцькое), кон. XVIII в. (*1795): BNW 12236 III (Акс 2564). Чуба № 96.
18. Ив (Ивордовецкое), нач. XVII в. (*1605): ЗКМ I 452. Чуба № 46.
19. Ип (Ипатьевское), 1596: Церковный историко-археологический музей Костромской епархии, КМЗ КОК 23892.
20. Ис (ев. Исторического музея), нач. XVII в. (*1605): Muzeum Histsoryczne w Sanoku, 14229. Чуба № 41.
21. Кж (ев. Калужняцкого), между 1619-1670 (*1645): БАН, 12.3.8 (Калужн. 8).
22. Кр (ев. Василия Коростенского), XVI–XVII вв. (*1600): БАН, 12.3.3 (Калужн. 3).
23. КТ (Ев. Кирилла Транквилиона), Рохманов, 1619.
24. Лв (Львовское), 1585, ЛНБ, ф. 77 (АСП), оп. I, № 5. Чуба № 1.
25. Лд (Ладомировское), 2-ая четв. XVII в. (*1638): ЗКМ I 451. Чуба № 69.
26. Лж (Лежаховское), 4-ая четв. XVI в. (*1588): BNW, 12226 III (Акс 2794). Чуба № 6.
27. Лн (Люблинское), 1-ая четв. XVII в. (*1613): Wojewódzka Biblioteka Publiczna im. Hieronima Łopacińskiego, Lublin, № 2379. Чуба № 47.
28. Лщ (Лещинское), 1611: Частное собрание, Leszczyny, gm. Uście Gorlickie, Powiat gorlicki, Województwo małopolskie, Polska. Чуба № 31.
29. Мд (Мидяницкое), 2-ая четв. XVII в. (*1638): ЗКМ I 433. Чуба № 68.
30. Мж (Мужилевичское), 4-ая четв. XVI в. (*1588): ЛНБ, ф. 2 (НД), № 77. Чуба № 10.
31. Мм (ев. Максима; открывает список имен на л. 1 об.), 2-ая четв. XVII в. (*1638): НБУВ, ф. 306 (КПЛ), № 287 П. Чуба № 73.
32. МС (Ев. Мелетия Смотрицкого), Евье, 1616.
33. Нг (Няговские поучения), 1758: БАН Петров. 6 (25.6.31).
34. Нм (Нижнемирошиевское), 1758: РНБ, ф. 893 (Явор.) № 21. Чуба № 94.
35. Ол (Олеское), 1-ая треть XVII в. (*1617): BNW 12235 III (Акс 2590). Чуба № 64.
36. ПК (Ев. патриарха Каллиста), Крылос, 1606.
37. ПМ (Ев. Петра Могилы), Киев, 1637.
38. Пр (Петегорское), 1604: НБУВ, ф. 307 (Золот.-Мих.), № 529 П. Чуба № 29.
39. Пс (Песоченское), 1634: ЛНБ, ф. 77 (АСП), оп. I, № 23. Чуба № 33.
40. Пт (Потеличское), кон. XVI в., нач. XVII в. (*1600): Львівський історичний музей, Рук 104. Чуба № 22.
41. Рб (Рыботицкое), ок. 1603: РНБ, ф. 893 (Явор.) № 16. Чуба № 28.
42. Рд (Рудовское), 1660: РНБ, ф. 893 (Явор.) № 19. Чуба № 79.
43. Рм (ев. Романа Величанского), 1 список, BNW 12224 III (Акс 2596). Чуба № 80.
44. Рч (Речицкое), 1-ая четв. XVII в. (*1613): BNW 12232 III (Акс 2904). Чуба № 55.
45. Рш (Решетиловское), 1670: НБУВ, ф. 312 (Соф.), № 180 П. Чуба № 83.
46. Сг (ев. И. Снигурского), 4-ая четв. XVI в. (*1588): BNW 12217 I (Акс 2930). Чуба № 7.
47. Ск (Скотарское), 1588: Országos Széchényi Könyvtár (Budapest), Fol. Eccl. Slav. 9.
48. Сл (Силецкое), кон. XVI в. (*1595): BNW 12205 III (Акс 2847). Чуба № 13.
49. См (Самборское), 4-ая четв. XVI в. (*1588): BNW, № 12204 IV (Акс 2823). Чуба № 4.
50. Сн (ев. И. Снигурского), кон. XVI в., нач. XVII в. (*1600): BNW 12206 III (Акс 2583). Чуба № 18.
51. Ст (Старосельское), 1-ая четв. XVII в. (*1613): BNW 12203 IV (Акс 2757). Чуба № 57.

52. Сц (Снетницкое), 1-ая четв. XVII в. (*1613): РНБ, ф. 893 (Явор.) № 12. Чуба № 48.
53. Сш (Семуховское), 1637: BNW 12222 III (Акс 2831). Чуба № 35.
54. Тд (Турадское), кон. XVI в., нач. XVII в. (*1600): ЛНБ, ф. 77 (АСП) оп. I № 31. Чуба № 20.
55. Тр (Тростянское), ок. 1605: BNW 12214 III (Акс 2584). Чуба № 30.
56. Уг (Угрянское), XVII в. (*1650): Národní muzeum, Praha (Depozitář v Terezíně), IX C 19.
57. Ур (ев. из Устья Русского), нач. XVII в. (*1605): РНБ, ф. 893 (Явор.) № 14. Чуба № 45.
58. Фр (ев. Василия Ферковича), 1-ая четв. XVII в. (*1613): ЗКМ Арх 8466. Чуба № 49.
59. Цн (Ценовское), нач. XVII в. (*1605): РНБ, ф. 893 (Явор.) № 13. Чуба № 44.
60. Чл (Чолганское), 1603: ЛНБ, ф. 77 (АСП) оп. I № 78. Чуба № 27.
61. Юд (Ев. Юлиана Добриловского), Почаев, 1792.
62. Яв (Яворницкое), 1646: BNW 12223 III (Акс 2783). Чуба № 38.
63. Яр (Яворницкое), 1-ая треть XVII в. (*1617): БАН 12.3.1 (Калужн. 1).
64. Яс (Ясиниковское), ок. 1640: ЛНБ, ф. 1 (НТШ), оп. I, № 236. Чуба № 36.

СВІТЛАНА ЖУРБА – СВІТЛАНА БОРОДИЦА*

Художня модель часопростору в романах Володимира Лиса

ZHURBA, S. – BORODITSA, S.: Artistic Model of Time and Space in the Novels of Volodymyr Lys. *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 1, pp. 71-80 (Bratislava).

The article considers the artistic model of time and space in the novels of Volodymyr Lys, which is based on the concepts of M. Bakhtin, N. Kopystyanska, D. Likhachev, Y. Lotman on the interaction of temporal and spatial relations in the genre structure of works. The types of chronotopes are traced: socio-historical, psychological, character, which are realized at the semantic, structural and philosophical levels of text analysis.

Time-space continuum, socio-historical chronotope, personal time-space, prospecting, retrospection.

Художній хронотоп сучасного роману детермінований поліфонічною структурою. Часопросторовий континуум, обумовлюючи жанрову організацію твору через нелінійний сюжет, різнопланову нарацію, прийом деструкції, реалізований у координатах тексту певної історичної епохи. Хронотоп твору характеризується не тільки часовими вимірами й просторовими параметрами, а й духовним життям персонажа, його мисленням, почуттями, враженнями. Сучасні письменники вільно оперують часопросторовими координатами, як наприклад, через гру автора з текстом та читачем, коли ігрове начало увиразнює умовність зображуваного. При цьому естетична гра органічно поєднується з іронією, скепсисом, гротеском, підкреслюючи драматизм сучасного буття. Це дозволяє говорити про інтелектуально-філософський підтекст передусім постмодерністського твору.

Хронотоп як літературознавча – «формально-змістова» – категорія «відтворює здатність до паралельного існування людини у різних часових вимірах та просторах».¹ На думку Михайла Бахтіна, котрий уперше актуалізував її у праці «Форми часу та хронотопу в романі. Нариси з історичної поетики» (1937–1938), тісний «взаємозв'язок часових та просторових відносин» із домінуванням у них часової складової визначає жанрові особливості твору. При цьому він наголошував на діалогічному характері таких взаємовідношень, оскільки кілька хронотопів у тексті (але завжди з одним «всеохоплюючим») «можуть включатися один в один, співіснувати, переплітатися, змінюватися, зіставлятися, протиставлятися або перебувати в більш складних взаєминах» (переклад наш – С. Ж., С. Б.).² Відтак учений виділив авантюрний, авантюр-

* Світлана Журба, кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та зарубіжної літератур Криворізького державного педагогічного університету, пр. Гагаріна, 54, м. Кривий Ріг, 50000; Світлана Бородіца, кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та зарубіжної літератур і методик їх навчання Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка, вул. Максима Кривоноса, 2, м. Тернопіль, 46000, Україна.

¹ Бахтин, М. М.: *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*. In Бахтин М. М.: *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература, 1975, с. 152.

² Бахтин, М. М.: *Формы времени и хронотопа в романе*, с. д., с. 284.

но-побутовий, біографічний, ідилічний, містеріальний, карнавальний хронотопи, а також хронотопи дороги, порогу, замку, вітальні, салону, провінційного міста³ та ін.

Ідеї М. Бахтіна вдосконалив Дмитро Лихачов, увиразнивши категорію художнього часу через філософське осмислення автором у творі. Літературознавець, протиставивши фактичний час його написання та час читачького сприйняття, обґрунтував відповідно авторський час, сюжетний час, час оповідача, час уявного читача тощо.⁴ Зрозуміло, що з 1930-х років питання взаємозв'язку категорій часу і простору в художньому творі збагатилося новими трактуваннями. Відзначимо ґрунтовні дослідження представників московської та тартуської літературних шкіл – Віктора Топорова, Юрія Лотмана; українських науковців – Нонни Копистянської, Тетяни Кушнірової та ін. Так, на противагу вихідній позиції М. Бахтіна, Ю. Лотман у структурі літературного твору надав перевагу художньому простору, визначивши хронотоп як «структурний закон жанру, відповідно до якого природний часопростір деформується в художній» (переклад наш – С. Ж., С. Б.).⁵ У художньому просторі (наприклад, чарівному чи побутовому, зовнішньому або внутрішньому), як він вважав, розміщуються персонажі та твориться дія.

У сучасній теорії хронотопу виділяємо оригінальну методику вивчення проблеми часопростору казахської дослідниці Алуа Темірболат, оприлюднену в монографії «Категорії хронотопу і темпорального ритму в літературі» (2009), де потрактована багаторівнева схема хронотопів. У ній домінують:

- топографічний (реалізований у сюжеті твору через історичні прикмети, географічні характеристики);
- психологічний (внутрішній світ персонажа як його буття у свідомості й сприйнятті реальності, пам'яті й спогадах, емоціях та переживаннях, снах і візіях);
- метафізичний (хронотоп автора-наратора, що, об'єднуючи два перші, сприяє розумінню змісту твору, його поетики й естетики).⁶

Така ускладнена структура хронотопів, розроблена на основі семіотики, синергетики та рецептивної естетики, дозволила А. Темірболат вивести художній часопростір із літературного напрямку, в межах якого творив автор, визначивши таким чином історично сформовані типи хронотопів.⁷

Проте вважаємо, що найоб'єктивніше категорія хронотопу як теоретична і методологічна проблеми окреслена у працях Нонни Копистянської. Літературознавець аргументовано довела: хронотоп – не лише жанротвірний чинник, а передусім змістовий, структурний і філософський, тому що «він бере участь у створенні тексту (внутрішньо текстовому напруженні), у створенні підтексту (напруженні між текстом і підтекстом), у закладанні кодів надтексту, перекодуванні, апеляції до досвіду і уяви читача».⁸ Відтак Н. Копистянська вмотивувала такі часопросторові моделі художнього твору: авторську, соціально-історичну, сюжетну та персонажну, кожна з яких включає зовнішній, локальний і внутрішній типи простору.

³ Бахтин, М. М.: *Формы времени и хронотопа в романе*, с. д., с. 284.

⁴ Лихачев, Д. С.: *Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение и другие работы*. Санкт-Петербург: Алетейя, 1997, с. 7-8.

⁵ Лотман, Ю. М.: *В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь*. Москва: Просвещение, 1988, с. 325.

⁶ Темірболат, А.: *Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе*. Алматы: Ценные бумаги, 2009, с. 52.

⁷ Темірболат, А.: *Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе*, с. д., с. 55.

⁸ Копистянська, Н.: *Час і простір у мистецтві слова*. Львів: ПАІС, 2012, с. 86.

У цьому контексті акцентуємо на романах Володимира Лиса, позначених експериментальним підходом до творення часопросторових параметрів художньої дійсності. Автор через ускладнений хронотоп (ретроспекції, проспекції, хронотопні інверсії та ін.) простежує багатопроblemний образ людини в історії. Водночас хронологічні зсуви в тексті, розширюючи його підтекст, зовнішній та внутрішній простори, поглиблюючи духовний світ особистості й образи-символи, виразно засвідчують жанротвірну функцію хронотопу.

Мега статті – визначити художні особливості часопросторового континууму романів «Століття Якова», «Соло для Соломії», «Діва Млинища» Володимира Лиса. Відповідно, основними завданнями, що корелюють із метою дослідження, є: окреслити взаємозв'язок історичного/особистого часопростору в романах письменника; визначити роль проспекції та ретроспекції як вихідних складових хронотопу в них.

Методологічні засади дослідження полягають у комплексному застосуванні *аналізу і синтезу* (теоретичні узагальнення та систематизація фактичного матеріалу), *культурно-історичного* (розгляд художнього твору в контексті культурно-історичного дискурсу), *біографічного* (авторське себе виявлення у творі), *рецептивно-естетичного* (вплив зображально-виражальних художніх засобів на читача) методів, за допомогою яких ґрунтовно осмислено і розкрито складну проблему часопростору у романах Володимира Лиса.

Джерельною базою та основним об'єктом вивчення є романи «Століття Якова», «Соло для Соломії», «Діва Млинища» Володимира Лиса. Предмет дослідження – система часопросторових координат у творах письменника. Теоретичним підґрунтям для написання наукової розвідки стали наукові студії про час та простір (М. Бахтін, Н. Копистянська, Ю. Лотман, В. Торопов та ін.); сучасні дослідження творчості Володимира Лиса в контексті сучасної історичної прози (М. Замбжицька), реінтерпретації історії в романах письменника (Я. Поліщук), фольклорно-етнографічних джерел роману «Століття Якова» (М. Стасик), окремих аспектів хронотопу в українській літературі початку ХХІ ст. (В. Агєєва, О. Клименко, Я. Поліщук, Роксоляна Свято, Т. Прохасько та ін.). З огляду на проблемні питання художнього часопростору в романах Володимира Лиса, об'єднаних, з одного боку, топосом волинського села Загор'яни, а з іншого – осмисленням кризової історичної доби крізь призму погляду звичайного українського селянина, котрий перебував на марґінесі активних політичних подій, пропонуємо визначити основні часопросторові координати, що вияскравлюють художній світ романістики митця. Водночас ця стаття – продовження попередніх студій, спроба увиразнити особливості художнього хронотопу в романах Володимира Лиса.⁹

У сучасному українському письменстві простежуємо процеси оновлення прози, зокрема історичної, через художню інтерпретацію раніше заборонених тем, моделювання нових типів персонажів, психологізацію та філософічність, деструкцію жанру та ін. Трансформація жанрових форм, що корелює із зображенням передовсім зламних історичних періодів, детермінована часопросторовим континуумом. Українські прозаїки на

⁹ Бородіца, С.: Проза Володимира Лиса в сучасному українському літературному дискурсі. In: Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка. Серія: Літературознавство, 2015, вип. 43, с. 62-70; Журба, С.: Реінтерпретація історії у романах Володимира Лиса. In: Літератури світу: поетика, ментальність і духовність, 2020, вип. 14, с. 37-47.

початку ХХІ століття часто звертаються до подій минулого, прагнучи переосмислити факти крізь призму забутих чи заангажованих сторінок української історії («Червоний» і «Червоний. Без лінії фронту», «Чорний ліс», «Багряний рейд», «Біла ніч» Андрія Кокотюхи, «Солодка Даруся», «Черевички Божої матері» Марії Матіос, «Лицарі любові і надії» Лесі Романчук, «Залишенець. Чорний ворон», «Маруся», «Троща», «Характерник» Василя Шкляра, «Вічний календар» Василя Махна та ін.). Тут авторські експерименти з формою та жанром зумовлюють своєрідний хронотоп. Відтак сучасний роман як жанр характеризується новаторським моделюванням часопростору (поліфонічність, полімодальність, метажанровість та ін.). Тетяна Бовсунівська зауважує, що дефініція роману продиктована укладанням нового жанрового гештальту та зникненням текстових меж роману: «Ризоматичність все частіше проступає замість традиції, симулякри – замість образів, полімодальність – замість модальності, багатофабульність та багатосюжетність – замість тематичної цілісності, модифікації та трансформації – замість класифікацій та типологій, – такою є об'єктивна картина існування жанру сьогодні. Тому так важко дати жанрове визначення роману, спираючись виключно на літературознавчі генологічні категорії, він апелює до позалітературних чинників, його критеріологія змінюється залежно від когнітивного агонізму сучасника».¹⁰

Володимир Лис – один із найбагатогранніших сучасних прозаїків, котрий постійно прагне до жанрово-стильових трансформацій, майстерно синтезуючи динамічний сюжет, націософську проблематику й психологічний аналіз. Залучаючи реципієнта до уважного читання через розширення національного й культурного просторів, ускладнення філософського коду, автор творить нові субжанри, поєднуючи психологічний чи історичний романи із сімейною сагою, містично-любовними, сентиментальними розповідями. У творах письменника читач знаходить і пригодницький сюжет, і напружену інтригу, й еротичні сцени, і водночас реалістичні описи історичних подій. Уводячи в текст психологічно-драматичну та сентиментально-життєву історії, він майстерно будує динамічний сюжет, відтворюючи масштабність подій, їх панорамність. Засобами психологізації, осмисленням екзистенційних проблем, роздумами над складними буттям особистості та історією держави письменник розширює часопросторовий континуум романів «Століття Якова», «Соло для Соломії», «Діва Млинища». У них Володимир Лис «розмірковує над таємницями людського існування і душі, приватної й національної історії, локальної та загальноукраїнської ідентичності».¹¹

Часопросторова структура роману, на думку Юлії Волощук, детермінована зовнішнім хронотопом «(сюжетний/об'єктивний хронотоп зображуваної дії), що відображає реальний хід життя, рух часу, послідовність подій, містить інформацію про світ, що оточує героїв»; внутрішнім хронотопом, який «характеризує буття та внутрішній світ персонажів, дозволяє зазирнути у світ їхніх почуттів, зрозуміти особливості їх свідомості та сприйняття реальності; авторським хронотопом», що «об'єднує два перші, допомагає осмислити зміст твору та його часопросторові параметри, дозволяє виявити позицію автора, який розповідає про події та вчинки персонажів».¹² За методом

¹⁰ Бовсунівська, Т.: Жанрові модифікації сучасного роману. Харків: Вид-во «Діса плюс», 2015, с. 354-355.

¹¹ Новацький, А.: Роль пам'яті в будівництві національної ідентичності («Країна гіркої ніжності» Володимира Лиса). In: Слово і Час, 2020, № 1 (710), с. 40. <https://doi.org/10.33608/0236-1477.2020.01.40-50>

¹² Волощук, Ю.: Хронотопічні особливості роману «Чорне озеро» Володимира Гжицького. In: Парадигма пізнання: Гуманітарні питання, 2015, № 5 (8), с. 7.

відображення дійсності дослідниця виділяє такі часові компоненти: історичний, соціальний, національний, психологічний,¹³ а сюжетний часопростір визначає відповідно до жанру твору – історичний, реалістичний, побутовий тощо.

Володимир Лис репрезентує культ Волині, а це передовсім культ української провінції, крізь призму якої автор реанімує національну історію та пам'ять. Відзначимо, що топос малої батьківщини в українській прозі початку ХХІ століття актуалізують сучасні українські письменники – Софія Андрухович («Фелікс. Австрія»), Любов Голота («Епізодична пам'ять»), Надія Гуменюк («Танець білої тополі»), Теодозія Зарівна («Вербовая дощечка»), Марія Матіос («Солодка Даруся», «Майже ніколи не навпаки», «Букова земля»), Василь Махно («Вічний календар»), Василь Шкляр («Чорний ворон», «Троща») та ін. «Волинський текст» Володимира Лиса у романах «Століття Якова», «Соло для Соломії», «Діва Млинища» репрезентований топосом невеликого поліського села Загоряни. Художнє моделювання локального простору маркується чітко окресленою територією, етноментальністю селян, національною ідентичністю, традиціями та звичаями волинян. Наголошуємо, що художній топос у романістиці митця відтворює модель волинської провінції, котра живе за своїми усталеними законами і правилами, є невід'ємною частиною загальноукраїнського простору та європейського обширу загалом.

Хронотоп романів Володимира Лиса має багатовимірну структуру: в ньому реалізована культурно-історична, національна, географічна складові та приватна історія персонажів. Час творів рельєфно окреслений: сто років життя Якова Меха відповідає часові роману «Століття Якова»: початок ХХ – початок ХХІ століття; Соломії Троцюк-Рошук у кінці роману «Соло для Соломії» виповнюється сімдесят сім років; починається «Діва Млинища» згадками про часи правління Наполеона Бонапарта (це початок ХІХ століття), а закінчується розгадкою сучасним істориком карти села Загоряни (точніше кутка Млинище). Історична реконструкція свідомості людини минулого століття вписана в історію Волині та історію держав Речі Посполитої, УРСР, незалежної України.

Сюжетна лінія Якова Меха – це непроста історія споконвічної боротьби людини за життя, передана через її яскраві спогади. Для цього автор вдається до часових зміщень – проспекції та ретроспекції, часто відмовляючись від послідовного викладу подій: «Сучасні епізоди чергуються зі спогадами героя, котрі переносять його то в давнє, то в недавнє минуле, аби врешті знову повернути в сьогодення».¹⁴ Особисті переживання героя компонуються за принципом мозаїки, що «свідчить про вплив техніки кіномонтажу».¹⁵ У романах «Соло для Соломії», «Діва Млинища» авторський хронотоп (розповідь ведеться від третьої особи, але читач бачить події очима персонажів) дозволяє пов'язати зовнішній та внутрішній часопростори головних героїв. Хронологічне розгортання сюжету («Соло для Соломії») з чітким зазначенням дати та місця народження персонажів, важливих моментів в їхньому житті, складом родини аллозічно відсилає до біблійного пояснення родоводу. Водночас реципієнт, стежачи на сторінках романів за плином не завжди чітко окресленого календарного, астрономічного часу, прочитає за конкретними фактами та певними явищами історію поліського краю впродовж ХІХ – ХХІ століть.

¹³ Волошук, Ю.: Хронотопічні особливості роману «Чорне Озеро» Володимира Ґжицького, с. d., с. 8.

¹⁴ Полішук, Я.: Ревізії пам'яті: літературна критика. Луцьк: ПВД «Твердиня», 2011, с. 92.

¹⁵ Бородіца, С.: Проза Володимира Лиса в сучасному українському літературному дискурсі, с. d., с. 66-67.

Так, у романах «Століття Якова» та «Соло для Соломії» історичний час маркований епохальними подіями суспільно-політичного характеру: Перша світова війна, військові дії за утвердження самостійності України та Польщі під командуванням С. Петлюри та Ю. Пілсудського, входження Західної України у склад УРСР, Друга світова війна, боротьба УПА на теренах Західної України за волю, смерть Сталіна і доба «хрущовської відлиги», утвердження незалежності України у 90-х роках XX століття. Зображені у романах події відбуваються на одній території і в одному часі (поліське село як мікро модель світу в кризову добу суспільно-політичних змін), а персонажі (Яків Мех, Соломія Рошук, Панас Терещук) – «негероїчні» образи, цікаві передовсім перипетіями екзистенційного буття «маленької» людини – її внутрішньою силою, природною мудрістю, духовним багатством. Їх увиразнюють правдиве відтворення широкомасштабної картини епохи, викриття політики царської Росії, кривавого советського режиму, радянської тоталітарної системи через введення у канву тексту історичних документів та фактів, реальних спогадів сучасників – рідних та знайомих автора.

Історичний хронотоп тісно пов'язаний із національною складовою. Національний простір обумовлений традиціями та звичаями українців як основними процесами їхньої самоідентифікації: святкуванням релігійних свят, іменин, весілля, хрестин тощо. Плин часу для селянина вимірюється щоденною роботою в полі: «звична круговерть, вже не смерті, а життя: оранка, сівба, садіння бульби, полоття й косовиця, осушення болота побіля поля, робота коло хати – чоловікові діло завсіди найдеться». ¹⁶ Календарний час у романах, як правило, зчитується за церковним календарем: Різдво, Маланка, свято Василя, Водохреща, Трьох святих і Стрітіння (Гроловиці), Івана Купала, Петра і Павла, святої Ольги, Спаса, Маковія, Успіння, Перша Пречиста, Друга Пречиста, Чесного Хреста, Покрова, Дмитра Солунського, Михайла, святої Катерини великомучениці, Андрія Первозваного та ін. Майже всі релігійні свята згадуються у романі «Соло для Соломії», що вказує на життя українців за законами християнства як морально-етичної основи їхнього повсякденного існування. Астрономічний час у творах Володимира Лиса визначають релігійні свята: «Минулого дня було Успінське, Сплиннівське розговіння (28 серпня – С. Ж., С. Б.), гостини в сусідньому селі, де був престольний празник»; ¹⁷ «Наприкінці літа року Божого тисяча дев'ятсот тридцять першого, якраз на третього православного Спаса, якого називають ще медовим і горіховим (29 серпня – С. Ж., С. Б.), куток Млинище поліського села Загоряни вперше в своїй історії побачив автомобіль»; ¹⁸ «Через тиждень за Покровою (14 жовтня – С. Ж., С. Б.) селом ходив помічник старости і скликав народ на зібрання...»; ¹⁹ «Із Загорян бригади їхали зазвичай одразу після Пасхи, а верталися в кінці жовтня – на початку листопада, перед празником, храмовим святом Дмитра (8 листопада – С. Ж., С. Б.)». ²⁰ Прикметно, що до приходу радянської влади час вимірювався саме за церковним календарем. Нова влада принесла своє літочислення, але селяни, важко його приймаючи, продовжували органічну їм народну традицію датування: «перед Дмитром,

¹⁶ Лис, В.: Століття Якова. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2012, с. 147.

¹⁷ Лис, В.: Століття Якова, с. d., с. 108.

¹⁸ Лис, В.: Століття Якова, с. d., с. 107.

¹⁹ Лис, В.: Діва Млинища. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2016, с. 35.

²⁰ Лис, В.: Діва Млинища, с. d., с. 248.

на Октябрську (7 листопада – С. Ж., С. Б.), перед светом Катерини (7 грудня – С. Ж., С. Б.), коли приїхав її коханий і запросив до клубу, щоб разом з другими передовиками й начальством відзначити день сталінської Конституції (5 грудня – С. Ж., С. Б.)».²¹ Національний простір поступово розчиняється в іншому, чужому для волинських селян, світі: спочатку польському локусі першої половини ХХ століття, а з приходом совєтської влади українське підміняється інтернаціональним, а то й ворожим, радянським. Насильницька заміна свого чужим призводить до трансформацій національної ідентичності, а отже, втрати ментальних моделей поведінки, спілкування, мислення.

У романах Володимира Лиса зовнішній сюжетний час тісно взаємодіє із внутрішнім, психологічним часом персонажів, тобто суспільно-історичний хронотоп безпосередньо пов'язаний із приватним часопростором особистості. Услід за Ю. Молчановим, котрий визначив чотири концепції часу у фізиці та філософії, вважаємо, що плин часу є швидше психологічною, а не фізичною реальністю.²² Відтак автор пильними очима Якова Меха, Соломії Рошук, Панаса Терещука, душевними реакціями цих харизматичних, але «немонументальних» персонажів всебічно відтворює складні події зовнішнього світу, акцентуючи на їх особливому впливі на кожного з них. Усі персонажі Володимира Лиса є пересічними сільськими жителями, міцно закоріненими в рідну землю, хранителями віковичних національних звичаїв та традицій. Художня модель образів Якова, як і Соломії, вибудована на основі родинних цінностей, моральних засад збереження і захисту дому й сім'ї. Куди б не закидала їх доля, вони все одно повертаються у своє село. Письменник, осмислюючи в романах «Століття Якова», «Соло для Соломії», «Діва Млинища» долю конкретної людини в контексті певної історичної епохи, подає індивідуалізовану версію історії України ХХ століття з погляду «маленької» людини.

Увага Володимира Лиса фокусується на столітній історії життя родини Якова Меха («Століття Якова»), чотирьох поколіннях родини Рошуків («Соло для Соломії»), майже двохсотлітньому життєписі сім'ї Терещуків («Діва Млинища»). Біографічний час, детермінований особистим життям конкретної особи – від народження до старості чи смерті – циклізується автором відповідно до процесу становлення особистості. Знайомство читача з кожним із персонажів – це максимальне заглиблення у їхній мікрокосмос. Приватне життя Якова Меха, Соломії Рошук, Панаса Терещука розкривається через основні етапи людської екзистенції: дитинство, юнацькі роки, зрілість, старість, та особисті, але від того не менш значущі радощі й трагедії. Увиразненню художньої картини дійсності у романах сприяє «ретроспективний характер оповіді», а «принцип „зворотної” та „наступної” хронології творить змістову єдність твору, об'єднуючи фрагменти життєвих історій персонажів».²³

Сімейна сага родин органічно вписана в історію села Загоряни та історію України. Майстерно поєднуючи художній та документальний дискурси, Володимир Лис активізує вплив на читача: в романному циклі про Загоряни моделює психологічне переживання приватної історії – особливої і непрогнозованої; таким способом письменник протиставляє інтригуючі сюжети стереотипним уявленням реципієнта про «нецікаві» «негероїчні» персонажі та соціально-історичну проблематику, руйнуючи

²¹ Лис, В.: Соло для Соломії. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2013, с. 249.

²² Молчанов, Ю.: Четыре концепции времени в философии и физике. Москва, 1977, с. 32.

²³ Журба, С.: Реінтерпретація історії у романах Володимира Лиса, с. d., с. 40.

однозначний образ минулого України. Так, вище зазначено, що подієва канва романів охоплює повсякденне життя мешканців волинського села Загоряни. Цей своєрідний фактологічно зримий «сільський літопис» відтворює природну зміну кількох поколінь українців на тлі відчуження особистості в суспільстві, з одного боку, та боротьби антитетичних «я» в душі людини – з іншого.

Часопростір роману «Діва Млинища», складений із макро- і мікроскопічних елементів, об'єднаний топосом села Загоряни та його кутка Млинища і річки Мережки. Саме ці локуси зображені на карті, яку Панас купив у Парижі. Водночас часові та суспільно-політичні площини твору пов'язує містичний образ Діви Млинища, виділяючи так званий метафізичний хронотоп, за допомогою якого автор розкриває глибини людської душі, відтворюючи екзистенційну прірву падіння, відчаю та показуючи шлях порятунку особистості. Ландшафт села в романі «Соло для Соломії» чітко окреслений тими ж маркерами: «Млинище їхнє крайній, осібний в селі куток, до болота й лісу тулиться. А стежки повз тих болітець, Бригадєрової річки, мимо Кусової гірки, пообіч хутора».²⁴ У цьому ж віддаленому закутку живе і Яків Мех із родиною у «Столітті Якова». Таким чином, географічний простір Млинища, де відбуваються події у трьох романах, домінує в їх хронотопах, стаючи епіцентром родинного космосу й актуалізуючи сакральне-профанне в історії. Топос рідного краю автор подає в «Діві Млинища»: «Поліське село Загоряни, про існування якого не здогадується Олександр, а тим більше Наполеон – воно загубилося серед лісів і боліт, – ділиться на чотири частини-кутки і два менших – підкутки. На одному з тих кутків, найвіддаленішому від дороги, що веде від Шацька до містечка Любовня, – Млинищі – серед інших живе сім'я Терещуків, по-вуличному Гапликів».²⁵ Саме на цьому кутку з'являється містичний образ Діви, охоронниці Млинища, бо «никому з інших кутків села – ни з Козлища, ни з Чинбарів, ни з Гурбів, Ковалів ци Підцерков'я, тико коло їхнього Млинища й бачили тую жінку»,²⁶ яка приносить людям попередження або оберігає від чогось. З'явившись на очі Панаса Терещука двічі, вона підіймалась над землею і «мовби розтала в надвечірньому присмерку, який з'явився на зміну сонцю. А на тому місці, де зникла жінка, засвітилася невелика, але добре видна зірка – голубувата, начеб прозора і схожа... на маленьку прозору, підсвічену дивним світлом сльозинку. Сльозинку, що світилася... З неба, крізь надвечірній простір, і начебто враз торкнулася не тільки ока, а і його щоки».²⁷ Старші люди переповідали, що в житті того, кому являється Діва, стається щось винятково-особливе. Для Панаса Терещука, що «вчинив недобре», вона уособлює совість: парубок відмовився від коханої на користь суперника, пішов замість нього в рекрути і дійшов аж до Парижу під час російсько-французької війни 1812 року. Саме в столиці Франції Панас бачить карту села із рідним кутком, виготовлену у 1647 році. Містична лінія в романі реалізується завдяки символічним образам загорянської карти та Діви Млинища, що зводять воєдино двохсотлітню історію родини Панаса Терещука.

Володимир Лис розширює романний часопростір від села Загоряни на Волині до Києва, Донбасу, Херсонщини, далекого Парижу та Північного Кавказу, що засвідчують топоніми, чітко вказуючи на місце подій. Село Загоряни є не тільки топосом, де

²⁴ Лис, В.: Соло для Соломії, с. d., с. 242.

²⁵ Лис, В.: Діва Млинища, с. d., с. 8.

²⁶ Лис, В.: Діва Млинища, с. d., с. 14.

²⁷ Лис, В.: Діва Млинища, с. d., с. 10.

розгортається сюжет, а й, що важливо, духовним простором персонажів. Для Володимира Лиса село має сакральне значення, як, наприклад, таємниче селище Макондо («Сто років самотності») для Габрієля Гарсія Маркеса чи вигадана місцевість Йокнапатофа («Сарторіс», «Авесаломе, Авесаломе!» та ін.) для Вільяма Фолкнера. Рідне село письменника Згорани стало прототипом художнього Загоряни, що підтверджують реальні територіальні локуси, сільське середовище та розповіді односельців. Володимир Лис і себе вписує в історію села в романі «Соло для Соломії»: «Тої пам'ятної осені п'ятдесятого року, якраз на Дмитра, в старій сільській церковці, збудованій без єдиного цвяшка ще у сімнадцятім столітті од Різдва Хрестового, хрестили й автора цих рядків, що через багато літ напише про Соломіїну долю, і малий хлопака мирно собі посопував на руках у хрещених батьків, і прокинувся та заверещав здивовано лише тоді, коли батюшка опустив його у водичку, хай і не вельми холодну»;²⁸ «Будучи корінним загорянцем, я не застав уже баби Насті, тільки чув перекази про неї».²⁹

Час у романах про Загоряни часто метафоризується, символічно наповнюється: «життя промайнуло, як один-єдиний день. Бо де воно? Марево, сон, хоч і поле в тому сні нібито велике було, і річка, яку перепливав, широка»;³⁰ «за малою трюхикав старий дядько, а швидше дідуган – час. Та вона ще не відчувала його кроків, як і застережливо протягнутої над чорнявенькою голівкою длані старого мудригана»;³¹ «час розтягся, мовби велика гумова лямка. Розтягся, а тоді вдарив – по руках, щоках, середині. Що він наробив окаянный?»;³² виступає одухотвореною персоною: «За ці п'ять років поволі, але неухильно лікував Соломію мудрий дядько-лікар – Час. Прикладав до її ран своє невидиме зілля».³³ Майстерно синтезуючи конкретне й загальне, Володимир Лис наповнює сюжетну канву понадчасовими елементами – моральними цінностями, духовними заповідями, батьківськими заповідями, родинними вартостями, що мотивують поведінку персонажів, забезпечуючи міцний і вічний зв'язок поколінь. Саме традиційна аксіологія виховання, орієнтована на любов, гідність, вірність, честь, вітаїзм, патріотизм, визначає внутрішнє буття та екзистенційні запити головних персонажів романістики митця. Важливе значення тут він надає особистій та національній пам'яті. Мова йде не лише про час пам'яті, коли, наприклад, Яків Мех згадує найважливіші для нього, навіть фатальні моменти життя. У романі автор, моделюючи «складні життєві ситуації, химерно переплітає метафізичний і реальний хронотопи, у такий спосіб розкриваючи глибини людської душі, межу людського відчаю і самотності, вказуючи шлях до спасіння».³⁴ Історичний жанр, на думку Н. Копистянської, дозволяє авторові «звернутися до минулого або прикритися минулим, дає вихідні позиції для розуміння минулого, чи точніше сучасного через минуле, його оцінку, кут зору на минавшину в її проєкції на теперішнє і можливу будучність».³⁵ А це означає, що Володимир Лис у романах про Загоряни через ментальну пам'ять не лише переміщується в часі і просторі, кодує і відтворює

²⁸ Лис, В.: Соло для Соломії, с. д., с. 248-249.

²⁹ Лис, В.: Соло для Соломії, с. д., с. 14.

³⁰ Лис, В.: Століття Якова, с. д., с. 236.

³¹ Лис, В.: Століття Якова, с. д., с. 148.

³² Лис, В.: Століття Якова, с. д., с. 218.

³³ Лис, В.: Соло для Соломії, с. д., с. 174.

³⁴ Бородица, С.: Проза Володимира Лиса в сучасному українському літературному дискурсі, с. д., с. 65.

³⁵ Копистянська, Н.: Час і простір у мистецтві слова, с. д., с. 6.

важливу інформацію. Він майстерно поєднує в єдине локальні, етнічні та глобальні аспекти,³⁶ увиразнюючи націософські проблеми. Такий підхід Я. Поліщук називає «трансгресією пам'яті»: у своїх творах волинський письменник надавав перевагу людському вимірові, створюючи малий (приватний, фрагментарний) наратив, наповнював його естетичною енергетикою і духовним потенціалом. У передмові до «Гібридної топографії: Місця й не-місця в сучасній українській літературі» Я. Поліщук зазначає: «...реальну конкретику карти застуге символічна й уявна локація, а географія неодмінно поєднується з історією. Принаймні такий образ світу пропонує художня література, адже йдеться передусім про людину й людські уявлення простору, а не про політичні чи геодезичні мапи».³⁷ У цьому контексті погоджуємося з літературознавцями, котрі називають головних персонажів Володимира Лиса «одночасно паном і бранцем часу»,³⁸ оскільки, проживши довге життя, вони так і не досягнули повноти буття, бо не були щасливими.

Отже, у романному циклі про Загоряни Володимир Лис експлікує авторські художні ознаки (філософська виваженість, історіософська заглибленість, вишукане метафоричне наповнення, тематична відкритість та ін.), що засвідчують його новаторські пошуки в часопросторовій площині, а отже, й жанрово-стильові новації: митець у романістиці еволюціонує від масової літератури до якісної белетристики, від класичного епосу до модерністської прози. Неповторний локус поліського села, дифузія зовнішнього і внутрішнього хронотопів, символічність часопросторових образів, мозаїчність сюжету, кіномонтажна композиція – усе це безперечні жанрово-стильові переваги романів письменника, що дозволили йому трансформувати лінійний хронотоп, аритмізувати його через подвійні часові ракурси, мікросюжети, окремі кульмінаційні моменти й часові інверсії, поглибити горизонтальний зріз епохи вертикальним, оцінюючи історію під кутом моралі (базових цінностей людського життя – Бог, істина, добро). Проспекції та ретроспекції, домінуючи в наративній структурі романів, по-перше, розширюють часопросторові межі, по-друге, сприяють оповідній динаміці, загострюючи драматизм, по-третє, виконують образотвірну функцію. Вони забезпечили авторові можливість моделювати новий образ «маленької» людини в національній історії, осмислити її з перспективи «немонументального» та «негеройчного» персонажа. Попри це його сутність складна й багатогранна: на прикладі кризової екзистенції Якова Мехи, Соломії Рошук, Панаса Терещука Володимир Лис обґрунтовує природну мудрість і духовне багатство українського народу. Таким чином, романи «Століття Якова», «Соло для Соломії», «Діва Млинища» – своєрідний життєпис зруйнованих історичними катастрофами українських родин, де проблеми індивідуального буття онтологічного і гносеологічного характеру набувають загальнонаціонального і загальнолюдського звучання. А основний топос поліського села Загоряни, заґрунтований у синтез сакрального і профанного, символізує «втрачений рай» і «віднайдений дім», котрий прочитуємо як прихисток від світового хаосу й людського зла, і ширше – як життєвий центр та упорядкований космос.

Перспективним видається вивчення категорії сакральне/профанне у прозових творах Володимира Лиса.

³⁶ Strakauskaitė, N.: Kultūros kraštovaizdis prie Kuršių marių. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2010, p. 10.

³⁷ Поліщук, Я.: Гібридна топографія. Місця і не-місця пам'яті в сучасній українській літературі. Чернівці: Книги – XXI, 2018, с. 9.

³⁸ Поліщук, Я.: Ревізія пам'яті, с. д., с. 92.

SPRÁVY A RECENZIE

Za Jánom Jankovičom (1943–2021)

V lete roku 2021 nás opustil dlhoročný priateľ a vyslanec južnoslovanských literatúr na Slovensku, dlhoročný člen Slovenského komitétu slavistov, neuveriteľne usilovný prekladateľ, ale aj vydavateľ a literárny vedec Janko Jankovič.

PhDr. Ján Jankovič, DrSc. sa narodil 21. júla 1943 v Považskej Bystrici. Tam svoju životnú púť začal, tam sa tento svetobežník neustále vracal a tam sa vrátil aj na konci svojej životnej cesty. Miloval svoj rodný dom, stromy v sade, z plodov ktorých bola fajnová „živá voda“. Napriek tomu, že svoj pracovný a tvorivý život prežil v Bratislave, Považská Bystrica zostala v jeho srdci.

Do Bratislavy odišiel kvôli štúdiám: na Filozofickej fakulte UK vyštudoval síce odbor slovenčina – história (1960–1965), ale už počas štúdia navštevoval lektorát (vtedy srbochorvátskeho jazyka a literatúry a absolvoval viaceré študijné pobyty v krajinách vtedajšej Juhoslávie. Práve tento fakt a táto skúsenosť ho priviedli k celoživotnému záujmu o jazyky, literatúry a kultúry tejto oblasti. Stal sa jedným z ich najvýznamnejších propagátorov a sprostredkovateľov v slovenskom kultúrnom priestore. Po skončení štúdiá pracoval najskôr ako redaktor – v Československom rozhlas (1965–1966), vo vydavateľstve Tatran (1967–1969); istý čas pôsobil ako publicista a prekladateľ na voľnej nohe (1969–1972) a následne šesť rokov ako jeden z redaktorov novovznikajúceho časopisu pre inonárodné literatúry *Revue svetovej literatúry*. V tomto čase v ňom vyšlo množstvo literárnych textov, ktoré slovenskej čitateľskej verejnosti prinášali nové mená, témy, žánre, ba aj celé literatúry a medzi nimi – vďaka Jánovi Jankovičovi – aj spomínané južnoslovanské literatúry. Jeho preklady samozrejme vychádzali aj knižne.

Od 80. rokov až do odchodu do dôchodku pôsobil Ján Jankovič v Slovenskej akadémii vied. Najskôr pracoval ako šéfredaktor a riaditeľ akademického vydavateľstva VEDA a po obhajobe dizertačnej práce *Reštaurácia – spoločná téma A. Nemčiča-Gostovinského*

a J. Kalinčiaka (1991), ktorá sa venovala komparatívnemu pohľadu na slovenské a slovanské literatúry, sa stal pracovníkom novovznikajúceho Ústavu svetovej literatúry SAV. V ústave zotrval viac ako dve desaťročia, bol jeho profilovým pracovníkom a inšpirátorom mnohých domácich i medzinárodných vedeckých či publikačných podujatí, ako člen SKS sa pravidelne zúčastňoval tých najvýznamnejších národných i medzinárodných slavistických podujatí.

Jankovičovi ako neuveriteľne usilovnému, a preto tvorivo plodnému človeku sa viac ako štyri desaťročia – konštatovala som to aj v hesle o ňom v *Slovníku slovenských prekladateľov umeleckej literatúry. 20. storočie A – K* (VEDA, 2015, s. 296–298) – darilo „uvádzať do slovenskej literatúry umelecké postupy a témy, ktoré v nej absentovali a rezonovali aj v slovenských literárnych kruhoch“, ale aj úspešne prepájať vlastné prekladateľské aktivity s odbornou reflexiou literatúry srbskej, chorvátskej, slovinskej i macedónskej proveniencie v slovenskom kontexte. Doma aj v zahraničí publikoval desiatky štúdií, početné monografie a antológie, mapujúce najmä dejiny recepcie a prekladu. Prekladateľsky i odborne sa venoval i detskej literatúre či čitateľsky prítiažlivej historickej próze (najprekladanejšej chorvátskej autorky M. J. Zagorke), v spolupráci s poprednými slovenskými básnikmi aj prekladom poézie, ich reflexii a kontextualizácii v slovenskom kultúrnom priestore. Prekladové zbierky, viaceré (často dvojazyčné) antológie vždy doplnil kompetentným úvodom, doslovom i ďalšími relevantnými materiálmi, najmä o dejinách prekladovej a literárnovednej recepcie daného žánru či literatúry vôbec: pars pro toto uvediem knižku spájajúcu žánre antológie s vedeckou monografiou *Poézia slovensko-srbskej vzájomnosti 1827–1938* (2008).

Jeho srdcovou záležitosťou však boli žánrovo rôznorodé dramatické texty. Na slovenské divadelné scény sa mu podarilo uviesť chorvátske komédie M. Grgića, ale aj populárne hry srbského dramatika D. Kovačevića (asi najhranejšou bolo *Zberné stredisko* v SND v roku 1984), ako aj ďalšie texty inscenované okrem divadiel aj v rozhlas i v televízii, často podne-

cujúce umeleckú kritiku súdobej totalitnej moci. Takto by sme mohli vymenúvať i ďalších slovinských či macedónskych autorov, dôležité je však zdôrazniť, že na prelome 20. a 21. storočia, teda v čase nevelmi naklonenom prekladaniu zo slovanských jazykov a literatúr v týchto aktivitách pokračoval. Práve vďaka nemu aj v tomto čase uvádzali slovenské divadlá preklady hier z dramatickej tvorby národov bývalej Juhoslávie temer výlučne z jeho pera (M. Gavran, V. Modernhofer, L. Bauer, T. Arsovski a ďalší).

Neoceniteľné skúsenosti a široké znalosti predmetov záujmu naplno využíval aj ako bádateľ: dva diely *Chorvátskej literatúry v slovenskej kultúre* (1997, 2002), monografia *Srbská dráma na Slovensku* (srbsky 2005, slovensky 2006) a, pochopiteľne, priekopnícky *Slovník prekladateľov s bibliografiou prekladov z macedónčiny, srbciny, chorvátčiny a slovinčiny* (2005) dnes patria k absolútne nevyhnutným teoretickým i kultúrohistorickým východiskám pre každého, kto sa venuje alebo sa bude v budúcnosti venovať reflektovaniu týchto literatúr. Za slovník získal Ján Jankovič prámiu J. M. Hurbana v kategórii pôvodných slovenských bibliografických diel vydaných v roku 2005, ocenení sa dočkal ako prekladateľ i vedec aj zo strany slovanských krajín, ktorých literatúry v slovenskom kultúrnom priestore neúnavne propagoval. Za popularizáciu a prekladanie srbskej drámy dostal cenu Sterijino Pozorje (Nový Sad, 1994), za preklady z chorvátčiny Cenu J. Benešića, v roku 1998 mu chorvátsky prezident udelil Rad Danice chorvátskej (Záhreb – Bratislava), v roku 2003 jednak prestížnu cenu Iny za šírenie chorvátskej literatúry, jednak cenu srbského PEN klubu pre najlepšieho zahraničného prekladateľa. Bol čestným členom početných inštitúcií, členom korešpondentom Chorvátskej akadémie vied a umení.

Dalo by sa ešte dlho hovoriť o mnohých aspektoch jeho aktivít – o tom, akú významnú úlohu zohralo v 90. rokoch minulého i nultých rokoch tohto storočia vydavateľstvo, ktoré založil, ako sa mu – v týchto pre kultúru neľahkých časoch – podarilo zachovať kontinuitu prekladania literatúr bývalej Juhoslávie, ale i fakt, že jeho práca ad fontes v archívoch doma i v zahraničí je neoceniteľná, nenahraditeľná a v istom slova zmysle dnes už neuskutočniteľná. Dalo by sa hovoriť ešte dlho o jeho aktivitách ako slavistu par excellence i o jeho organizátorskej práci v tomto smere.

Profil Jána Jankoviča by nebol kompletný ak by sme nepripomenuli jeho povzbudzovanie mladších kolegov – ak len trochu cítil záujem a ochotu na seba pracovať, nezištne poradil, ba doslova pomohol aj tým, že im dal príležitosť odborne či prekladateľsky sa rozvíjať.

Pri tomto, až neuveriteľnom nasadení bol Ján Jankovič človekom tolerantným a „načúvajúcim“, s ktorým sa dalo – na jednej strane – vecne diskutovať, polemizovať, sporiť sa, človekom, ktorý sledoval práce kolegov a neustále ho bavilo sa s nimi konfrontovať, poznávať nové. Na druhej strane – určite aj vďaka obdivuhodnému vzťahu s manželkou výtvarníčkou Naďou Rappensbergerovou – literatúru nevnímal izolovane, ale v širšom kultúrnom kontexte ako prirodzenú súčasť širokého spektra výtvarného umenia, divadla, hudby či filmu.

Dôležité je zdôrazniť, že tento pracovitý človek bol aj človekom z mäsa a kostí, ktorý miloval život v celej jeho kráse a so všetkým, čo prináša, v čom ho bezpochyby inšpirovali aj slnečné krajiny jeho literárnych záujmov s vôňou mora, vína a sladkého ovocia.

Ján Jankovič bol skrátka nielen vedec, prekladateľ, ale aj kolega v tom pravom slova zmysle a človek, ktorý ostáva v pamäti aj v srdci.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.1.8>

Mária Kusá

Před sto lety se narodil profesor Roman Mrázek

V roce 2021, kdy jsme si připomněli 100 let od zahájení výuky na brněnské filozofické fakultě, připomněli jsme si také 100. výročí od narození významného brněnského jazykovědce, rusisty a slavisty *prof. PhDr. Romana Mrázka, CSc.*

Narodil se 21. listopadu 1921 v Letovicích. Jako začínající univerzitní student zažil násilný zákrok německých okupantů proti českým vysokým školám. Ve vynucené studijní přestávce působil převážně jako učitel na různých místech a teprve po válce ukončil studium oboru *ruština – dějepis* na brněnské filozofické fakultě. Velmi brzy se osvědčil jako mimořádně talentovaný žák svých učitelů. Když nastoupil v roce 1954 po několikaleté učitelské praxi a po krátkém lektorském působení na JAMU na tehdejší katedru rusistiky filozofické fakulty, měl za sebou již první uveřejněné stati, svědčící o tom, že z něho vyrůstá bádateľ mnohostranného zájmu o jazykovou problematiku a širokého pracovního záběru. Už zvěsti přicházející z jeho dřívějších pracovišť dávaly tušit, že jde o pedagoga nevšedních didaktických kvalit. O tom se později přesvědčily desítky jeho posluchačů, kteří po letech a s vděkem vzpomínají na hodiny strávené na jeho přednáškách a seminářích. Mrázkovy didaktické schopnosti byly podloženy jeho rozsáhlou a hlubokou vědeckou erudiicí. Jeho mnohostranný zájem o lingvistickou problematiku a široký pracovní záběr vyústil

k tomu, že hlavním polem jeho výzkumné činnosti se stala ruská větná skladba, k jejímuž studiu přistupoval od počátku z hlediska důsledného porovnání s češtinou a získal si tak punc uznávaného teoretika konfrontační lingvistiky.

Východiskem jeho badatelských zájmů byly jednočlenné věty slovesné. Na toto téma navazovalo vyšetření jednočlenných vět infinitivních, vět s podmětem všeobecným a neurčitým. Jeho badatelskému zájmu v oblasti větné skladby neušel ani jediný dílíček problém: věnoval jí i jiným sférám jazykovědného výzkumu přes půldruhého sta studií a článků i samostatnou rusky napsanou monografii *Синтаксис русского творительного* (Praha, 1964). Tato syntetická studie se srovnávacími výhledy byla vyústěním jeho výzkumu syntaxe pádů substantiv. Pro tuto práci stejně jako pro řadu jeho zevšeobecnujících statí teoretického rázu a vůbec všechny jeho publikace je charakteristické, že se spolehlivě opírají o rozsáhlý předchozí výzkum jazykového materiálu.

Soustředil se i na několik jiných problémů gramatické stavby ruské věty, jmenovitě na skladbu číselných výrazů a zvláštnosti ve struktuře věty v hovorové mluvě. Soustavně se zajímal o modální a emocionální stránku ruské a slovanské věty, o vyjadřování hodnotících postojů mluvčího. Sféru emocionality studoval obecně a ve srovnávacím aspektu i se zvláštním zřetelem k výpovědím zvolacím a příslušným výrazovým prostředkům, dále vzhledem k výrazům intenzifikujícím a k použití částic v citových větách.

Další příznačnou vlastností Mrázkova vědeckého usilování je promyšlený záměr dospět od dílčích analyticky konfrontujících sond k široce pojatému a teoreticky fundovanému popisu věty ve slovanských jazycích. Tento úmysl splnil v I. díle své monografie o srovnávacím popisu slovanské jednoduché věty (*Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения*. Brno, 1990), obsahující syntézu komparatistických výzkumů slovanské syntaxe. Jejího vydání se autor už nedomáhal. Zůstalo jen tak torzo rozsáhlého životního díla, jehož druhá část měla být věnována problematice souvětí. Svůj suverénní rozhled po problematice ruštiny uplatnil jako spoluautor encyklopedického díla *Русский язык в přítomnosti a minulosti* (1991), které zpracoval spolu s pražskými lingvisty H. Běličovou-Křížkovou a O. Leškou. Od studia současného jazyka se obrátil k historii ruštiny, přechodně i k staroslověněštině a odtud ke srovnávacímu studiu všech slovanských jazyků. Ze staroslověněštiny zpracoval syntax dativu. Vývojově jsou pojaty srovnávací příspěvek k aktuálnímu členění větnému v bulharštině a pojednání o prostředcích modalit v bulharštině.

Plodem jeho zájmu o problematiku historického vývoje ruštiny je vysokoškolský rusky napsaný učební text (skriptum) *Historický vývoj ruštiny*, zpracovaný ve spolupráci s G. V. Popovovou z Běloruské státní univerzity v Minsku, vysoce ceněný a žádaný u nás i v zahraničí, a vydaný proto od roku 1982 třikrát. Mj. se mu dostalo v roce 1983 ocenění od rektora brněnské univerzity jako nejlepšího skriptu roku, které však nebylo pro ediční problémy vydáno knižně.

Obraz odborné činnosti prof. Mrázka doplňuje několik příspěvků, jimiž zasáhl do akcentuace ruského substantiva a slovesa, jakož i do morfematiky; psal o vokálních alternacích v synchronní a diachronní morfematice ruštiny.

Nutno také zdůraznit sepětí Mrázkovy činnosti s potřebami praxe. Bylo známo, že byl na hony vzdálen kabinetnímu učencetví. Naopak, v jeho činnosti se šťastně pojila rozsáhlá a hluboká vědecká erudice s didaktickým mistrovstvím. Rád se zanícením přednášel, psal do metodických časopisů a pečoval o jasné podání a jazykovou vytříbenost svých textů. Jeho výrazným metodologickým rysem badatelské činnosti bylo to, že své teoretické záběry vždy důsledně konfrontoval s jazykovými fakty a že s jistou neúvěrou přijímal ty tendence v lingvistice, které podle jeho mínění preferovaly spekulativní závěry před sepětím s bohatým materiálem živého jazyka. Vítal naopak postupy, v kterých se uplatňuje spojení syntaxe se sémantikou, a poukazoval v tomto směru na souvislosti nových proudů s názory našich starších lingvistů. Zdůrazňoval také vždy, že je svrchovaně žádoucí, aby výsledky lingvistického výzkumu maximálně přispívaly ke zdokonalení praktického jazyka. Výsledky svých výzkumů syntaxe současné ruštiny v porovnání s češtinou uložil zčásti do několika kolektivních publikací. V letech rozkvětu ruštiny v poválečném období byla naléhavým společenským požadavkem potřeba vychovat v brzké době učitelské kádry ruštinářů pro výuku předmětu nově zavedeného na všech typech škol. V této souvislosti je třeba s uznáním připomenout jeho podstatnou část na kolektivních publikacích: byl spoluautorem *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II. Skladba*, přispěl i do prvního dílu této mluvnice, věnovanému především hláskosloví a tvarosloví. Šlo o první vědecky konfrontačně pojatou mluvnici u nás, která vyšla od roku 1960 celkem třikrát. Autorsky se také podílel na vypracování *Školní mluvnice ruského jazyka*, vydané od roku 1968 celkem jedenáctkrát.

Z řady Mrázkových zásluh o rusistiku a slavistiku nutno připomenout jeho hlavní účast na založení a budování obšírné bibliografie jazykovědných slaviv na katedře, které věnoval přes čtvrt století svého života a která dobře sloužila diplomantům, doktorandům

a vôbec odborníkum, a to i z ciziny, a ďalej jeho výrazný podíl na organizovaní čtyř brněnských syntaktických sympozií s mezinárodní účastí v šedesátých a sedmdesátých letech minulého století, jež si získala široký ohlas v naší i zahraniční odborné veřejnosti.

Rozsáhlý akční rádius vědecké, pedagogické, redakční i organizační činnosti řadil prof. Mrázka k předním českým jazykovědcům. Svou rozsáhlou publikační činností patřil k nejpłodnějším a k nejoriginálnějším lingvistům-slavistům u nás. Do dějin slovanské filologie se vepsal jako výrazná osobnost. Přitom zůstal skromný a přátelský ke všem, ochotně vždy pomáhal každému, kdo se na něj obrátil. Nebyl snad nikdo na žádném rusistickém pracovišti v Čechách, na Moravě a na Slovensku, kdo by mu nebyl nějak zavázán za jeho pomoc a podporu. Všichni kolegové si u prof. Mrázka cenili jeho obrovskou erudici, soustavnost, pracovitost, vědeckou i lidskou poctivost, otevřenost v projevování názorů odborných i občanských. Celé generace Mrázkových žáků i kolegů, jimž vedl nebo oponoval diplomové a disertační práce, vděčně vzpomínají na jeho výraznou pomoc a příspěvek k jejich odbornému růstu. Prof. Mrázek byl uznáván a vážen na všech rusistických pracovištích u nás, ale měl i velké mezinárodní renomé v zahraničí. Jeho přednášková turné a studijní pobyty ve slovanských a neslovanských zemích i jeho vědecké styky s řadou lingvistů mu zjednali známost v celém slavistickém světě. Pro úplnost nutno uvést, že byl dlouholetým členem a funkcionářem našich různých vědeckých institucí: *Jazykovědného sdružení ČSAV*, *České asociace ruštinářů*, redakční rady *Československé rusistiky* a *Spisů filozofické fakulty brněnské univerzity*. Výrazná byla jeho mezinárodní pozice; byl členem *Societas Linguistica Europea* a *Société linguistique de Paris*.

K Mrázkovu profilu patří jeho vnitřní vztah k literatuře, zvláště ruské, nejen jako k objektu lingvistického výzkumu, ale i k součásti kultury. Z mnoha schopností, jež mu byly dány do vínku, je třeba vzpomenout jeho vřelého vztahu k hudbě, který projevil mj. ještě za středoškolského působení jako úspěšný dirigent velkého žakovského pěveckého sboru, a jeho interpretačního nadání ve hře na klavír. Umění věnoval i část své produkce: v raném období své publikační činnosti přeložil z ruštiny knihu o pěveckém umění a studii o dějinách španělského divadla.

Přestože se prof. Mrázkovi již za života dostalo uznání zahraničních institucí (např. z Bulharska), zčásti i našich, nebylo mu v důsledku jeho politického profilu umožněno dosáhnout hodnosti *doktora filologických věd*, kterou by si jako výrazná vědecká osobnost v oboru slovanské filologie zasloužil. Ústav slavistiky FF MU ocenil jeho zásluhy při různých

příležitostech: vzpomněl především jeho nedožitých osmdesátin a devadesátin uspořádáním konferencí pod názvem *Jazykovědná rusistika na počátku nového tisíciletí*, ale ohlasu nedošel bohužel dvojí návrh na udělení *Zlaté medaile Masarykovy univerzity* u příležitosti 75. a 80. narozenin.

Můžeme říci, že prof. Mrázek se zásadním způsobem podílel na formování vědeckého profilu brněnské univerzitní rusistiky a slavistiky. Ta ho pokládá za jednu ze sloupových osobností. K jeho pracím a myšlenkám se s uznáním vracíme a v trvalé paměti si zachováváme i jeho lidský profil vědce, učitele a kolegy.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.1.9>

Aleš Brandner

DORUFA, J.: O slovensko-nemeckom spolunažívaní v 16.–18. storočí.

Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Slovenský komitét slavistov, 2014. 352 s.¹

Dielo bolo vydané v roku 2014 Slavistickým ústavom Jána Stanislava SAV v Bratislave. Recenzovaná knižná práca ponúka náhľad na slovensko-nemecké kontakty z obdobia 16.–18. storočia. Oba národy prichádzali do úzkych kontaktov, čo sa podpísalo nielen na množstve dokumentov nemeckých textov, ale aj mnohých zdomácnených pomenovaniach.

Ján Doruľa sa vo svojej vedeckej činnosti venuje problematike vývinu slovenského jazyka a jazykovým kontaktom slovenčiny s inými slovanskými i neslovanskými jazykmi. Publikácia je výsledkom doterajších výskumov autora, ktoré boli uverejňované vo viacerých parciálnych vedeckých článkoch v časopisoch, zborníkoch a knižných publikáciách. Jazykovedec absolvoval výskumný pobyt v Nemecku, čo sa odrazilo na bohatom dokladovom materiáli, ktorý je súčasťou diela.

Z hľadiska štruktúry je dielo prehľadne rozdelené do viacerých kapitol: *Predhovor*; *Krátky prehľad najčastejších prevzatí*; *Hattert*, *Span*, *Spanschaft*, *Dworsky*, *Kruzen* a *d'alšie prevzatia zo slovenčiny*; *Slovensko-nemecké spolunažívanie v zrkadle nemeckých a paralelných slovin písomností*; *Nemecká účtovná kniha a Slovenská účtovná kniha*; *Obecné poriadky Banskej Bystrice z roku 1608*; *Slovný regis-*

¹ Príspevok vznikol v rámci riešenia grantového projektu VEGA – Dynamické procesy v súčasnej jazykovednej slavistike IV. (Kapitoly z výskumu slovenčiny, poľštiny, rušiny a ukrajinčiny) – 1/0236/20.

ter; *Obrazová príloha*. V prvej časti práce autor dokladá slovensko-nemecké kontakty rôznymi príkladmi zachytenými v dokumentoch zo 16.–18. storočia. V druhej časti sa Ján Doruľa sústredil na analýzu získaných písomností z levočského archívu. Tretia časť vychádzala z účtovnej knihy príjmov Banskej Bystrice z obdobia 17. storočia, kde jednotlivé texty boli paralelne zachytené v slovenskom i nemeckom jazyku.

V časti *Krátky prehľad najčastejších prevzatí* (s. 8-34) autor konštatuje, že začiatky slovensko-nemeckých kontaktov siahajú až do 13. storočia. V tom čase dostali nemeckí kolonisti privilégia a začali osídľovať naše územie. Kolonisti mali bohaté skúsenosti s banskou a cechovou remeselnou výrobou a tak pomohli domácomu obyvateľstvu pozdvihnúť úroveň podnikania. Bádateľ sa venuje charakteristike kontaktov medzi oboma národmi na základe písomností z daného obdobia. Konštatuje, že hoci Nemci držali vo svojich rukách správu slovenských miest niekoľko storočí, prichádzali do neustáleho kontaktu s domácim obyvateľstvom. Slováci sa tiež stali súčasťou správy miest, takže na jednej strane spolupracovali s Nemcami, na druhej strane jestvuje mnoho záznamov o sporoch, do ktorých sa príslušníci týchto národov dostali. Vzájomné kontakty ovplyvnili aj slovnú zásobu skúmaných jazykov. Podľa jazykovedca žiadny iný jazyk neovplyvnil slovenčinu práve tak ako nemecký jazyk. Preberali sa hlavne slová z oblasti baníctva, remeselnej výroby, ale aj z mestskej samosprávy či súdnictva.

Ako príklad prevzatých slov z cechovného života uvádza autor samotné slovo *cech*, *majster*, *cechmajster*; príslušník cechu bol označovaný ako *cechník*, *cechovník*. Vedúcimi predstaviteľ cechu boli *fírmajstri* (našla sa aj podoba *fírmister*, *fíermister*, *fíurmister*). Autor prehľadným spôsobom píše o ďalších prevzatiach – uvádza slovenské slovo, dokladuje ho nemeckým, od ktorého bolo odvodené a v komentári píše aj o význame a kontexte, v akom sa slovenské slovo používalo, napr. slovenské slová: *bajzicer*, *bajzicier*, *bajzecier*, pôvodné nemecké slovo: *Beisitzer* (vo význame *prísediaci*). Do písomných pamiatok z oblasti cechovníctva sa dostalo i slovo *jarmark* (*jarmak*, *jarmok*, *jarmek*) vo význame „jarmočný trh“ (z nem. *Jahrmarkt*).

Bádateľ podrobne komentuje rozšírenie, resp. zúženie prvotného nemeckého významu a svoje tvrdenie podkladá na bohatom historickom materiáli, napr. slovenské slovo: *frajmark* (*frajmak*, *frajmek*) odvodené od nemeckého *Freimarkt* (*freier Markt*) – slobodný trh. V slovenčine však spomínaný výraz mal iný význam: *zámena*, *výmena*. Jazykovedec dokumentuje používanie tohto slova ako označenie výmeny predmetov. Od tohto pôvodného podstatného mena sa v skúmanom období 16.–18. storočia odvodili slove-

sá: *frajmačiť*, *frajmačiť sa*, *frajmočiť*, *frajmerčiť*. Túto skutočnosť autor ilustruje na archívnych dokumentoch z Levoče a Spišských Vlách z obdobia 16. storočia. Bádateľ konštatuje, že v tomto prípade možno hovoriť o zúženom významovom rozsahu.

Takýmto spôsobom dokladá ďalej autor slová aj z oblasti remesiel, napr. *cimerman/cimrman* – „tesár“, *tišliar* – „stolár“, *šlosiar*, *šlosár* *šlesár*, *slosiar* – „zámočník“, *rummajster/rurmister* – vyrábala rúry najčastejšie na vodovodné potrubia; z oblasti gastronómie autor ponúkol pôvod slova *šenk*, ktoré je odvodené od slovesa *šenkovať*, vo význame „nalievať“ nápoje, dávať, vzdávať, podávať nápoje; čapovať.“ Ďalším prevzatým slovom z nemčiny, ktoré patrí do oblasti gastronómie je *trinkgeld*, ktoré v minulosti používali na označenie vopred nedohodnutej sumy za prácu. Tu spomína jazykovedec aj slovo *borg* – často sa používalo v súvislosti s alkoholickými nápojmi, ktoré sa mnohokrát dávali *na borg*, čiže na úver.

Z oblasti služobníkov a zamestnancov uvádza bádateľ slová *vartovník*, *hlásny/hlásnik* odvodené od nemeckého *Wart*, *Warte*, *Wache*; *warten*, *wachen*. Slovo *varta* bolo používané v súvislostiach so strážením, dohliadaním, tiež vo význame „byť na varte, stáť na varte“, menej aj na pomenovanie malého strážneho domčeka. Strážne služby počas dňa vykonávali *drábi*, ktorí boli považovaní za policajtov, poriadkovú službu z príkazu vrchnosti. V tomto istom význame bolo používané slovo *hajdúch/hajduk*.

K slovám týkajúcim sa stavby domu zaradil autor napr. *klinka/klinga* – „kľučka na dverách“, *pánt*, *cimra*, *blech/plech*, *tragár* a iné. V tejto kapitole venoval jazykovedec svoju pozornosť aj slovám z oblasti baníctva, ktorých, ako sám konštatuje, je množstvo, napr. *gang*, *gápel*, *halňa*. Ďalšou oblasťou, kam sa dostali slová nemeckého pôvodu, je mestská samospráva a s ňou súvisiace úkony a organizácia spoločenského a hospodárskeho života v mestách, napr. *richtár*, *šoltýs*, *šafár*, *buchalter/puchaltiar/puchaldiar/puchordiar* (z nem. *Buchhalter* vo význame „účtovník“.) Z okruhu súdnictva uvádza Ján Doruľa napr. slovo *ortiel* (z nem. *Urteil* – „súdny výrok“).

Z kategórie týkajúcej sa vojska ilustruje autor príklady na slovách ako *soldat* (z nem. *Soldat* – „vojak“), *muštra* (z nem. *Muster* – „prehliadka zbraňí a ozbrojencov“), *maširovať* (z nem. *marschieren* – „pochodovať; odísť preč, odiahnuť“ (o vojsku)), *verbovať* (z nem. *werben* – „získavať vojenskú službu“) a iné. Autor dokladá v prvej kapitole aj slová, ktoré sú používateľom slovenského jazyka dobre známe, no v bežnej komunikácii si neuvedomujeme, že sú nemeckého pôvodu, napr. *farba*, *mordovať*, *švagar*.

V ďalšej časti prvej kapitoly ponúka bádateľ aj príklady slov, ktoré boli v danom období rozšírené na území obývanom slovenskými obyvateľmi a tak Nemci, ktorí prišli na naše územie, prebrali tieto slová do svojej slovnej zásoby; napr. v nemeckých zápisoch sa bežne vyskytovali slová ako *želiar* – *Schelar*; *Kopanica* – *Kopanitzen* – *Kopanicza* a iné. V textoch sa paralelne vyskytovali uvedené podoby slov, čím autor podčiarkol úzky vzťah medzi slovenským a nemeckým jazykom v skúmanom období. Jazykovedec precízne opisuje a dokladuje všetky uvedené príklady v konkrétnych súvislostiach a historických textoch.

Ján Doruľa aj na základe rozsiahlej databázy zozbieraného materiálu konštatuje, že nemecké obyvateľstvo malo nepochybne veľký vplyv nielen v oblasti pracovného života, ale aj v sfére jazykových vzťahov. V závere prvej kapitoly sa autor zamerá na spomienky na nemecké obyvateľstvo zachytené v dielach rôznych autorov, napr. v zápiskoch Gustáva Kazimíra Zechentera Laskomerského, K. J. Schröera, či významného slovenského germanistu Juraja Valiska.

V druhej kapitole – *Hatter, Span, Spanschaft, Dworsky, Kruzen a ďalšie prevzatia zo slovenčiny* (s. 35-69) – vychádza autor z poznatkov viacerých autorov, ktorí opisovali mesto Levoča a jej obyvateľstvo z obdobia 16.–17. storočia. Čitateľ sa tu dozvedá, že obyvateľstvo tvorili Slováci i Nemci a úradné spisy boli takmer výlučne písané po nemecky. V tejto časti diela venoval autor svoju pozornosť slovenským slovám, ktoré Nemci prevzali do svojej slovnej zásoby. Na základe týchto informácií interpretuje bádateľ pôvod slova *Hatter*, *Hottert*, (*Hotter*, *Chotter*), ktoré bolo do nemeckého jazyka prevzaté zo slovenského – *chotár*. Svoje tvrdenia autor dokladá množstvom dobových textov, ktoré vhodným spôsobom komentuje a interpretuje. Obdobne svoju pozornosť sústredil aj pri prevzatých slovenských slovách *Span* vo významne *župan*, od ktorého sa odvodilo slovo *Spanschaft* – *župa*, *Stuhlrichter* – *slúžny dvorský*. Ján Doruľa uvádza taktiež pôvod slova *stolica*, komentuje jeho „cestu“ ako administratívnoprávneho termínu v slovenskom jazyku a ponúka viacero dokladov z historických písomností. Autor vhodným spôsobom komentuje vzťahy slovenského a nemeckého jazyka a zdôrazňuje dôležitú úlohu slovenčiny, ktorá nepochybne zanechala stopy v slovnej zásobe nemčiny, napr. pri slove *Dworsky*. Spomínané slovo sa vyskytuje v nemeckých textoch vo význame „hospodársky správca alebo dozorca na mestských pozemkoch, na mestskom hospodárstve“. Autor hodnotí spomínané slovo ako príklad úzkych slovensko-nemeckých kontaktov, keď Nemci od nás prebrali lexému, na ktorú mali už vo svojom jazyku výraz.

Knižná publikácia ponúka prehľad prebratých slov zo slovenského do nemeckého jazyka aj z oblasti valašskej pastierskej terminológie, napr. *Batsa/Bacsa* (*bača*), *Koschar/Kossar* (*košiar*), *Sallasch* (*salaš*), *Walachen/Walochen* (slov. Valach, Valasi), *Brinse* a iné. Autor doplnil príklady prevzatých slov aj z oblasti pomenovaní príslušníkov národností a etnických skupín, napr. *Polak/Polack* (*Poliak*), *Rusnaken* (*Rusnak*). Bohato je v knihe doložené aj prebraté slovo *Kuruc* – „bojovník v povstaleckom proticisárskom vojsku“, ktoré, ako konštatuje autor, bolo (podobne ako v prípade slovenčiny) prevzaté z maďarského jazyka.

Levočskí Nemci prebrali zo slovenčiny aj slová, ako napr. *Haiduk/Hayduk/Hayduck/Heyduck/Hajduk/Heiduck* – „príslušník ozbrojeného služobníctva“; *Hussar/Husser* vo význame „jazdný ozbrojenec“; do tejto skupiny prebratých slov autor prehľadne zaradil aj označenia niektorých druhov platidiel, napr. *Polturake/Polturacke*. Autor dôkladne komentuje nielen slovenské slová, ktoré prebralo nemecké obyvateľstvo, ale v prípade iného ako slovenského pôvodu, uvádza aj túto skutočnosť, napr. *dudek/dudok/dutka* (označenie drobnej mince – poľského pôvodu).

Jazykovedec obšírne vysvetľuje slovensko-nemecké vzťahy v 16.–18. storočí v oblasti Spiša. Nemci, ktorí prišli na naše územie, sa dostali do prostredia, ktoré už fungovalo istým spoločenským i hospodárskym životom, malo svoje zvyky, tradície a svoju štruktúru. Týmto podmienkam sa spišskí Nemci museli prispôbiť – nielen prostrediu, ale aj jazyku. O tejto zmene svedčia mnohé prebraté slová, napr. aj z oblasti pastierskej terminológie – obdobne ako pri levočských Nemcoch.

Tretia kapitola s názvom *Slovensko-nemecké spolunažívanie v zrkadle nemeckých a paralelných slovenských písomností* (s. 70-133) ponúka exemplifikácie slovenských a nemeckých vzťahov na základe textu paralelnej slovenskej a nemeckej účtovnej knihy Banskej Bystrice, ktorá sa vzťahuje na rok 1651. Autor tu vychádza z poznatkov, ktoré nadobudol skúmaním daných textov a upozorňuje na dôležité fakty, ktoré ho doviedli k záveru, že východiskovým textom je ten nemecký. Informácie, ktoré prinášajú dobové texty, ponúkajú podľa autora dôležité fakty z oblasti spoločenského i hospodárskeho života daného obdobia. Texty v oboch jazykoch sa vzájomne dopĺňajú a tak vytvárajú celkový obraz dôležitý pre pochopenie zmyslu z pohľadu jazykovedy. Autor exaktným spôsobom poukazuje aj na nezrovnalosti v zápisných knihách a komentuje ich, napr. označenie slovenského evanjelického kňaza: slovenský zápis uvádza *geho Dwogictihodnosti*, nemecký záznam má podobu *Win-discher Pfarrer*. Táto odlišnosť je podľa autora pod-

mienená rozdielnosťou etnickej príslušnosti. Rozdiely v zápisoch uviedol bádateľ aj z iných oblastí, napr. predložiek, slovík, formy oslovení, reálií mestského života, priezvisk.

Zaujímavým prínosom sú aj poznatky z oblasti vplyvu iných jazykov, napr. maďarského jazyka, na zápis priezvisk i mien úradníkov, kde sa prejavila adaptácia v nemeckých zápisoch, napr. *Bakosch, Scharlay, Sabo, Götz*; *Janosch, Andrasch* a iné. Autor zdôraznil vplyv latinčiny, ktorý sa vo väčšej miere prejavuje v slovenských textoch, napr. *Introitus – Empfang, D. Notarius/pan Notarius*. Za hodnotnú považujeme aj časť kapitoly, kde autor uvádza nemecké výrazy, ktoré sa udomácnili v našom jazyku, napr. *haviar* (z nem. *Häuer* – „baník“), *šichta* (z nem. *Schicht* – „pracovná zmena“), *färat* (z nem. *fahren*), *žemľa* (z nem. *Semmel*), *murár* (z nem. *Maurer*).

Ján Doruľa sa vo svojom diele venoval prevzatým slovám do hĺbky – uvádza nielen slovensko-nemecké ekvivalenty, ale v prípade, že niektoré nemecké termíny nemajú v zápisoch slovenskú paralelu, komentuje túto skutočnosť a uvádza konkrétne ukážky, napr. pre nemecký termín *Stadtschreiber* existuje v slovenskom texte latinský rovnocenný výraz *notarius*.

Na záver svojej teoretickej časti práce autor zdôrazňuje potrebu ďalšieho výskumu v oblasti slovensko-nemeckých vzťahov a predpokladá ďalšie zaujímavé výsledky. V rámci výskumu týchto vzťahov je podľa autora potrebné skúmať nielen slovenské a nemecké historické texty, ale aj latinské, ktoré sú taktiež prameňom pozoruhodných informácií.

Poslednú časť monografie tvoria dokladové materiály: *Nemecká účtovná kniha a Slovenská účtovná kniha* (s. 134–286), kde čitateľ nájde prehľadné paralelné zápisy v oboch jazykoch a môže si tak porovnať dobové záznamy. Ďalšou časťou sú *Obecné poriadky Banskej Bystrice z roku 1608* – texty boli každoročne čítané v nemeckom i slovenskom kostole. Texty sú prepisované z originálu a prípadné zmeny v pôvodnom slovnom prejave autor komentoval v poznámkach pod čiarou. Bádateľ dopĺňa aj informáciu o vtedajších zapisovateľoch – rozoznáva tri rukopisy. Aj tento údaj svedčí o dôkladnej analýze textov, ktoré nám autor Ján Doruľa ponúka. Za hodnotnú považujeme aj obrazovú prílohu (s. 321–351), ktorá vhodne dopĺňa a obohacuje celé knižné dielo nielen obsahovo, ale aj kvalitou spracovania.

Knižná publikácia je z formálnej i obsahovej stránky (pramenný materiál i komentár) veľmi hodnotná pre oblasť výskumu medzijazykových vzťahov. Je kvalitným zdrojom cenných informácií o slovensko-nemeckých vzťahoch a možno ju pokladať za vhodnú pomôcku pre štúdium a výskum medzijazy-

kových slovensko-nemeckých kontaktov. Dielo je nepochybne aj zaujímavým čítaním pre širšiu odbornú verejnosť, pretože ponúka komplexný pohľad na život a vzťahy medzi dvoma národmi – slovenským a nemeckým.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.1.10>

Zuzana Slobodová

**Zborník k jubileu profesorky
PhDr. Marty Pančíkovej, CSc.
DOBRIKOVÁ, M. (ed.): *Philologica*
LXXVIII. Bratislava: Univerzita
Komenského, 2021.**

Zborník príspevkov z polonistického sympózia, ktoré sa uskutočnilo v roku 2019 v gescii Katedry slovanských filológií, vyšiel v edícii *Philologica* na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave v roku 2021. Na tomto univerzitnom poli dlhé roky pôsobila profesorka Marta Pančíková, známa slovenská polonistka, ktorej zásluhou sa podarilo na Univerzite Komenského budovať oddelenie zamerané na výskum slovensko-poľských vzťahov a na edukáciu nádejných slovenských polonistov. O vedomom a pedagogickom pôsobení Marty Pančíkovej sa v zborníku píše vo viacerých zdraviciach, ku ktorým sa pripája aj autor tejto správy.

Zborník je rozdelený do tematicky piatich vedeckých okruhov zameraných na lingvokulturológiu, terminológiu z onomastickej a lexikografickej problematiky, na medzijazykové a na medziliterárne vzťahy a lingvodidaktiku. Zborník štúdií predstavuje tematicky vyvážený súbor vedeckých príspevkov, ktorý prináša nielen prehľad o záujmoch Marty Pančíkovej, ale najmä aktuálne zistenia, ktorými slovensko-poľský porovnávací výskum prispel k rozšíreniu všeobecného poznania.

Lingvokulturológický okruh diskurzívne zameraných štúdií sa venuje problematike jazykovo-kultúrnych konceptov pomenúvajúcich rozmanité situácie aktuálneho každodenného života, do ktorého patrí nielen sama gratulácia umožňujúca prejaviť obligátne, ale aj najmä zvnútornené prvky, ktoré zahmujú práve tie štruktúrne, pragmatické, kognitívne a štylistické aspekty kontaktu, ale aj ďalšie súvislosti prejavu priazne, náklonnosti a samozrejme ocenenia. Bez zrakového kontaktu s konkrétnym človekom a teda bez tohto zmyslového vnímania situácií sa kontakt nedá úplne a spoľahlivo realizovať. Vedeli o tom už Juraj Ribay a Adolf Peter Záturecký, ktorí vo svojich zbierkach po-

ukázali aj na podobnosti v tematickej štruktúre frazeologického korpusu v srbskom, chorvátskom, poľskom a slovenskom prostredí. Vnímanie všetkých prejavov formou zraku umocňuje aj príspevok zameraný na jazykovú formu pamätných tabúl umiestnených vo verejných priestranstvách (na príklade Białystoku a Banskej Bystrice). Podobnosť analyzovaných pamätných nápisov v rôznych jazykoch v zborníkovej štúdii je založený na porovnávaní štylisticky podobných jazykových prostriedkov, ktoré poskytujú paralelné poznávanie pripomínanej skutočnosti. Žiadna intenzívna ľudská práca pritom nie je chudobná ani na synonymá a jej deriváty. Práca totiž zhmotňuje a sprítomňuje najvyššie ľudské hodnoty. Na túto skutočnosť sa nedá zabudnúť ani v lingvokulturológických konceptoch vnímania termínov práca a pracovitost', ktorý je zdrojom i dôsledkom systematickej kultivácie človeka, a kultúry myslenia o spoločnosti vôbec. Práve kultúrne myslenie sa pretavuje aj do literárnych prekladov, pričom preklad sa chápe ako proces kultúrneho približovania sa a kultúrnej komunikácie a predstavuje tak priestor pre hľadanie spoločného kódu na vyjadrovanie obsahov a tém prostredníctvom jazykových symbolov. Aj eufemizmy patria k takým jazykovým znakom, ktoré sa v poľskej a slovenskej literatúre používajú v špecifickom kontexte s cieľom podať informácie, ktoré môžu byť pre príjemcov príjemné i nepríjemné, pričom si je v rámci komunikácie dôležité uvedomiť, že eufemistický výraz môže nahrádzať realitu. Uplatniteľnosť lexikálnych a sémantických oblastí vybraných eufemizmov a spôsoby ich jazykovej prezentácie v komunikácii zaiste podliehajú zákonitostiam psychologického rozmeru. Vyjadrovacia jedinečnosť jazykových prostriedkov sa preto preukazuje aj pri pomenovaní teofanických javov a udalostí spojených s Máriou-Bohorodičkou. Tieto pomenovania ponúkajú v kontexte jazykovej plurality aj rozmanité možnosti umocnené ich teologickým obsahom, alebo sú ovplyvnené konfesionálnymi či jazykovými pravidlami reflektovanými v danom spisovnom jazyku. Aj v kontexte diskusie o používaní prechýľovacej prípony -ová sa v súčasnosti vedú spory o jej uplatňovaní či odmietaní. Z čisto jazykovo-sémantického hľadiska predstavuje používanie tejto podoby v prúde reči pragmaticko-sociálny kontext.

Okruh lexikologicko-onomastickej terminológie predstavuje rozmanitosť potrieb lingvisticky orientovanej slavistickej vedy, ktorá sa zameriava najmä na usporiadanie a sprehľadnenie terminológie tejto v ednej oblasti. Porovnávajú sa slovenské a poľské lingvistické termíny z pohľadu jedného typu lexikálnej motivácie a poukazuje sa na vzťahy medzi terminologickou motiváciou a paradigmatickou motiváciou. Zdôrazňujú sa medzijazykové terminologické roz-

diely a korelácie, a to v kontexte teórie o lexikálnej motivácii. Do tohto kontextu vstupuje aj motivácia pomenúvaní rozmanitých urbánnych oblastí, ktoré sa premiešavajú s pomenúvaním kultivovaných zelených plôch, ktoré z hľadiska ľudskej činnosti tvoria rovnako špecifické, ale už oddychové zóny. Práve v kontexte onomastiky a terminológie sú tieto chrematonymy príkladom vzťahu práce, radosti a kultúrnej pamäti, ktorá sa môže pretavovať práve do takýchto pomenovaní.

V okruhu zameranom na medzijazykové vzťahy sa poukazuje napríklad na kontexty interlingválnych homonym vyskytujúcich sa v terminológii v poľskom a slovenskom jazyku. Práve interlingválne homonymá sú súčasťou dôsledných výskumov potrebných pre výskum kultúrnej komunikácie. Práve interlingválne homonymá môžu spôsobiť nedorozumenia v komunikačnom procese nielen v slovensko-poľskom ale aj česko-poľskom jazykovom prostredí. Problematiku medzijazykových kontaktov sleduje aj príspevok o zaniknutej obci Drienky (ako sa uvádza v príspevku Derenk) na ceste medzi Košicami a Miškolcom. O slovensko-poľskom pohraničí a o goralskom komunikačnom areáli, v ktorom sú podnes živé goralské nárečia, sa vďaka intenzívnym kontaktom so slovenským jazykovým a kultúrnym areálom tie vzdialili od poľských dialektov, hoci s nimi zdieľajú svoju jazykovú genézu a podnes predstavujú model procesov medzijazykovej interferencie. O problematike medzijazykovej interferencie sa hovorí aj v príspevku o význame jazykovedného diela Františka Ladislava Čelakovského v kontexte jeho porovnávacieho gramatického výskumu slovanských jazykov. Čelakovského dielo predstavuje špecifický vklad do problematiky porovnávacej slovanskej gramatiky najmä z hľadiska metodológie v intejazykovom výskume a je inšpiratívne aj v súčasnosti.

Okruh o medziliterárnych vzťahoch rámčujú najmä štúdie zamerané na interakciu medzi slovenskou a poľskou literárnou tradíciou a kultúrou, ktorá je prirodzená práve z hľadiska etnologickej, geografickej a jazykovej blízkosti, čo umožnilo aj tento vývin vzájomne pozitívnych kultúrnych a literárnych kontaktov. Tieto kontakty sa prejavujú nielen v aktuálnom literárnom diskurze, ale siahajú aj do starších vývinových období literatúry, v ktorých dominovali také literárno-kultúrne poľsko-slovenské inšpirácie obrodenského myslenia 19. storočia, ktoré sa prejavili napríklad v mesianistickom literárnom koncepte slovenskej i poľskej literatúry. Viacere súvislosti slovensko-poľského kultúrneho vývinu sa predstavujú na pozadí výskumov poľského časopisu Świat Słowiański, ktorý v rokoch 1905–1914 významne ovplyvňoval aj slovensko-poľský i širší literárnovedný slavistický čitateľský trh. Problematika kresťansko-pohanského synkretizmu a slovanskej duchovnosti je ne-

ustále centrom záujmu kultúrnej komunikácie a podnes sa ukazuje aj ako vhodný prvok poznávania slovensko-poľských kultúrnych vzťahov.

Problematika lingvodidaktiky je špeciálnou vednou oblasťou jazykovednej problematiky, ktorá neúnavne poskytuje vždy nové a aktualizované poznanie o zákuťiach vyučovania cudzích jazykov, osobitne u študentov ovládajúcich jeden slovanský jazyk ako materinský. Aj vzťah k iným jazykom a kultúram, napríklad orientálnym, poskytuje horizonty pre rozvoj a zvyšovanie kompetencií v rámci jazykovo-kultúrnej komunikácie. Kultúrno-komunikačnú funkciu má, pravda, sám jazyk diplomacie, ktorý je nevyhnutné kultivovať, o čom svedčí sám vklad slovenskej polonistiky do tohto kultúrneho komunikačného diskurzu, v ktorom sa pripomína úloha M. Pančíkovej.

Zborník je sumarizáciou výsledkov výskumov polonisticky orientovanej jazykovednej slavistickej vedy. Treba zdôrazniť, že slovensko-poľské jazykové a kultúrne vzťahy tvoria základnú os dlhodobu pozitívnej susedskej kultúrnej komunikácie.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.1.11>

Peter Žeňuch

GALEWSKA, K.: Wtórne užycie nazw własnych na przykładzie języka polskiego, angielskiego i chińskiego.

Lublin: Wydawnictwo KUL, 2021, 138 s.

Gilotyna, lincz, nikotyna, masochizm, sadyzm to tylko przykłady wyrazów pospolitych, które pochodzą od nazwisk. Apelatywa tego typu cieszą się zainteresowaniem amatorskiej lingwistyki i prasy nie tylko brukowej. Obecnie są często dyskutowane na forum internetu. Apelatywizacja nazw własnych – bo o niej tu mowa – jest również przedmiotem licznych prac naukowych. Praca Karoliny Galewskiej pt. *Wtórne užycie nazw własnych na przykładzie języka polskiego, angielskiego i chińskiego* pokazuje, że apelatywizacja to tylko jeden z przejawów szerszego zjawiska, choć niewątpliwie przykład najbardziej spektakularny.

Książka Karoliny Galewskiej powstała na podstawie pracy magisterskiej obronionej w roku akademickim 2018/2019 w Instytucie Filologii Polskiej Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Promotorką pracy była dr hab. Małgorzata Rutkiewicz-Hanczewska, prof. nadzw. UAM. W r. 2020 praca została wyróżniona pierwszą nagrodą w XIX edycji Konkursu im. Profesora Czesława Zgorzelskiego na najlepszą polską pracę magisterską przygotowaną na kierunku polonistyka (filologia polska) w kategorii ję-

zykoznawczej. Obecnie ukazała się drukiem jako tom 16 lubelskiej serii wydawniczej „Młoda Polonistyka”. Wydanie zostało sfinansowane przez Konferencję Polonistyk Uniwersyteckich i Fundusz Rodziny Zgorzelskich.

Recenzowana książka składa się z pięciu rozdziałów. Tytuły rozdziałów dobrze odzwierciedlają ich wartość. Jak czytamy we Wstępie (s. 8):

Celem [...] publikacji jest dowiedzenie różnorodności zjawisk związanych z wykorzystaniem nazw własnych we wtórnych funkcjach, a także konieczności ich terminologicznej systematyzacji. Autorka wskazuje na potrzebę wprowadzenia uszczegółowionej typologizacji procesów o charakterze odnawiania oraz porządkuje kwestie niewystarczająco zbadane, które uniemożliwiają precyzyjny opis i kategoryzację wielu wtórnie użytych onimów.

W rozdziale pierwszym pt. „Specyfika nazw własnych” (s. 11-48) na podstawie literatury przedmiotu autorka charakteryzuje nazwy własne, w szczególności interesuje ją istota propriów. W osobnych podrozdziałach zostały przedstawione stanowiska badaczy polskich, nazwy własne w perspektywie zachodniej literatury przedmiotu oraz miejsce nazw własnych w tradycji chińskiej. W rozdziale drugim omówione zostały „jednostki na pograniczu nazw własnych i pospolitych” (s. 49-88). Autorka analizuje tu „wątpliwości związane ze stosowanymi kryteriami klasyfikacji imion własnych i pospolitych oraz grupy nazw wymykające się jednoznacznej kategoryzacji” (s. 8-9). Obie te części pracy mają charakter teoretyczny. Następne trzy rozdziały poświęcone są omówieniu wtórnego užycia nazw własnych w języku polskim (s. 55-88), angielskim (s. 89-100) i chińskim (101-105). W książce nie znajdziemy korpusu propriów we wtórnych užyciach, a wnioski oparte są na literaturze przedmiotu i materiale językowym z tej literatury wyekscerpowanych. Tę część pracy kończy krótkie podsumowanie pt. „Uniwersalizm językowy na przykładzie wtórnych užyc nazw własnych” (s. 105-110).

Przeprowadzone analizy prowadzą autorkę pracy do kilku wniosków. Najpierw – pisze K. Galewska – „[...] analogicznie do rozwiązań literaturoznawczych należałoby uznać istnienie wielu teorii nazw własnych” (s. 111). Samo powstanie recenzowanej tu książki jest najlepszym potwierdzeniem, że nie ma jednej teorii nazw własnych. Nie istnieje także jedna wspólna terminologia onomastyczna. Jednak – moim zdaniem – postulat, by z uniwersalnej teorii nazw własnych zrezygnować, nie wydaje się zasadny. Jeśli bowiem zgodzimy się, że istnieje różnica między nazwami własnymi, a wyrazami pospolitymi, to ustale-

nie różnicy między tymi kategoriami wdaje się wręcz konieczne, a podstawą tego rozróżnienia jest definicja nazwy własnej.

Następnie autorka zauważa, że „[r]ozpoczęte wraz z rozwojem współczesnego językoznawstwa poszukiwania lingwistycznych odrębności nazw własnych wciąż traktowane są jako drugorzędne wobec jedynego uniwersalnego kryterium, które de facto nie jest sprawdzalne na poziomie samego języka, ale odnosi się do rzeczywistości pozajęzykowej [...], a dokładniej: unikatowego związku danej nazwy i jej referenta.” (ib.) Cała praca Galewskiej jest polemiką z takim kryterium odróżniania nazw własnych od pospolitych.

Zdaniem Katarzyny Galewskiej plan odonimiczny języka rozrasta się, co jest skutkiem nieograniczonej kreatywności użytkowników języka. „Obejmuje on konstrukcje różnicowane pod względem budowy słowotwórczej (derywaty semantyczne i słowotwórcze), charakteru wartości semantycznej (mniej lub bardziej sprecyzowanej), stabilizacji w systemie leksykalnym, świadomości użytkowników co do związku etymologicznego z nomen proprium, samodzielności językowej itd.” (s. 112). Dodajmy przy okazji, że rozrasta się także sam plan onimiczny języka, tj. powstają nowe kategorie nazw własnych, np. chremonimimy, tj. nazwy obiektów i instytucji związanych z nowoczesną cywilizacją (m.in. nazwy własne pociągów i samolotów, nazwy sieci komputerowych etc.).

Duża część pracy poświęcona jest kwestom terminologicznym. „W opisie planu odonimicznego – pisze Galewska – wciąż nie utrzymała się przejrzysta siatka terminologiczna, uznawana za powszechnie obowiązujący standard. Poszczególne badacze bazują na różnorodnych ujęciach procesów odnazwowania, przez co posługują się innymi określeniami i nierzadko trudno stwierdzić, kiedy mają na myśli analogiczne zjawiska.” (s. 113)

Przeprowadzona przez autorkę omawianej książki analiza prowadzi ją do konkluzji, że „[b]ładanie wtórnego użycia nazw własnych dostarcza informacji na temat życia materialnego i duchowego danego narodu, którego specyfika zarysowuje się najwyraźniej na tle porównawczym.” (s. 115) Ten wniosek można jeszcze rozszerzyć, gdyż taka porównawcza – z czego zresztą autorka zdaje sobie sprawę – analiza uświadamia nam także kulturowe uwarunkowania rozwoju nauki.

Zaletą omawianej publikacji jest świeżość spojrzenia. Autorka książki – może to przywilej młodych badaczek i badaczy – nie boi się na nowo podejmować, zdawałoby się, już dawno wyczerpanych zagadnień i rozstrzygniętych problemów. Tak jest np. z problemem znaczenia nazw własnych. Karolina Galewska przekonująco pokazała, że granica między nazwami własnymi

mi a wyrazami pospolitymi jest płynna. Także granica między nazwami własnymi, a wyrazami pospolitymi będącymi ewidentnie zapelatywizowanymi nazwami własnymi, takimi jak chociażby przytoczone na początku tego omówienia rzeczowniki odproprialne *gilotyna*, *lincz*, *nikotylna*, *masochizm*, *sadyzm*, jest płynna.

Jeszcze ważniejszą zaletą omawianej książki jest jej porównawczy charakter. W dotychczasowych badaniach, jeśli mówiono i pisano o porównawczym charakterze badań onomastycznych, to odnosiło się to do przedmiotu tych badań, którym było nazewnictwo na pograniczach, często w powiązaniu z badaniami historycznymi i osadniczymi. Tu natomiast autorka dokonuje analizy porównawczej dominującej przynajmniej w dwu kręgach kulturowych, tj. w kulturze Zachodu (w tym i w kulturze, i lingwistyce polskiej) i kulturze chińskiej teorii nazw własnych, co pozwalała autorce rzucić nowe światło na problem definicji nazwy własnej oraz jej znaczenia. Szczególnym wyzwaniem jest kwestia chińskich nazw osobowych, które z chińskiej perspektywy posiadają znaczenie, co podważa dominujące w kulturze zachodu kryterium odróżniania nazw własnych od pospolitych.

Czytelnik książki zauważy zapewne dość dużą dysproporcję w przedstawianiu zagadnienia wtórnego użycia nazw własnych w omawianych kręgach kulturowych. Najobszerniej pisze autorka o nazwach w polskich badaniach onomastycznych, najmniej obszernie natomiast o nazwach w Chinach. Jest to zrozumiałe, gdyż – jak pamiętamy – książka powstała na podstawie pracy magisterskiej przygotowanej na studiach polonistycznych i na jej podstawie autorka otrzymała tytuł magistra filologii polskiej. Ważniejszym usprawiedliwieniem tej dysproporcji są jednak różnice w badaniach nad nazwami własnymi w różnych kręgach kulturowych. Jak sądzę, w krajach słowiańskich badania onomastyczne rozwinięte są bardzo szeroko, co wynika ze specyfiki kulturowej i przeszłości tych krajów. Jeśli sądzić po literaturze przedmiotu w krajach anglojęzycznych badania te koncentrują się bardziej na zagadnieniach filozoficznych, a także praktycznych (nazwisko w genealogii). Z kolei badania onomastyczne oparte na naukowych podstawach zaczęły rozwijać się relatywnie późno w porównaniu do tradycji europejskiej (por. np. s. 40, przyp. 42). Jeśli dodać do tego, że nazewnictwo chińskie poznajemy nie bezpośrednio, lecz poprzez prace sinologów, często na dodatek publikowane w języku angielskim, to dysproporcje w pracach o charakterze konfrontatywnym okażą się czymś naturalnym. Niemniej jednak, nawet takie ograniczone studium konfrontatywne oceniam jako bardzo cenne i potrzebne, gdyż rzuca nowe światło na znane już problemy i inspiruje do dalszych

badan. Przykładowo, po lekturze książki Karoliny Galewskiej mam ochotę przebadać różnego typu publikacje popularne i artykuły prasowe poświęcone „znaczeniu” imion i zastanowić się nad tym, jak ich autorzy traktują nazwy własne i ich znaczenie. Dla autorów takich publikacji, myślę tu o publikacjach dostępnych w Polsce, imiona polskie też mają znaczenie, choć jest to z punktu widzenia onomastyki zupełnie bezzasadne – nie chodzi tu o znaczenia etymologiczne, lecz o przypisywane imionom znaczenia realne, np. *Adam* «lubi trzymać się faktów, ale często nie dowierza swoim umiejętnościom i traci samodzielność. Spokojny, dyplomatyczny; wybija się w szkole. Długo kocha w tajemnicy, ale w miłości wierny. Nie zawsze umie walczyć o swoje. Przyszłość w usługach lub handlu. Oszczędny aż do skąpstwa, często bardzo uparty!» (zob. <http://www.imiona.com/>, dostęp: 29 X 2021 r.).

Zdaniem recenzenta, tytuł pracy jest mylący. Jego pierwsza część sugeruje, że przedmiotem analizy będzie „wtórne użycie nazw własnych”, podczas gdy autorka szeroko zajmuje się jednostkami leksykalnymi, wśród których są nie tylko nazwy własne w różnym stopniu deonimizacji i apelatywizacji, lecz także derywaty od nazw własnych. W tym wypadku nie można już, jak sądzę, mówić o wtórnym użyciu nazw własnych, gdyż derywaty od nazw własnych są nowymi jednostkami leksykalnymi. Nazwa własna bowiem może być podstawą słowotwórczą dla innej nazwy własnej, np. nazwy miejscowe derywowane od nazw osobowych (por. *Jan* i *Janów*), jak i wyrazu pospolitego (np. *Arafat* i *arafatka*, *Sienkiewicz* i *sienkiewiczolog*). Innymi słowy wyrazy takie jak *arafatka* czy *sienkiewiczolog* są od początku wyrazami pospolitymi o różnym stopniu leksykalizacji (zatarcia znaczenia strukturalnego). Derywaty od nazw własnych albo – jak je nazywa autorka pracy – „derywaty odnazewnictwa” (s. 76) mogą co najwyżej służyć jako dowód, że w zakresie słowotwórstwa nie istnieje wyraźna granica między nazwami własnymi a wyrazami pospolitymi. Od jednych i drugich można derywować kolejne jednostki leksykalne.

Niech za podsumowanie tych uwag o omawianej książce Katarzyny Galewskiej posłuży nam fragment recenzji wydawniczej tej publikacji autorstwa prof. Doroty Filar z Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie:

Autorka podejmuje zagadnienia nie do końca związane i ciągle otwarte w onomastyce, takie jak: granica między sferą apelatywną a proprialną czy typologizowanie mechanizmów wtórnych użycie nazw własnych. Badaczka dostrzega procesualność apelatywizacji i wysuwa postulat „zniuanowania” tego procesu. Dojrzałe i krytycznie pod-

chodzi do literatury przedmiotu, dostrzega braki i niedostatki w badaniach dotyczących zagadnienia nazw własnych, odważnie stawiając hipotezy badawcze i proponując autorską typologizację tych procesów.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.1.12>

Henryk Duda

Межъязыковая омонимия при обучении словацких студентов-русистов и русских студентов словакистики в оригинальном учебнике Ф. Калаша

KALAŠ, F.: Učebnica slovensko-ruských a rusko-slovenských homoným.

Brno: Tribun EU, 2021. 212 s.

Проблема межъязыковой омонимии, а также и паронимии в практике обучения русскому и словацкому языкам как иностранным, безусловно, является постоянно живой и актуальной.

В настоящее время в лингвистике проблема межъязыковых омонимов (точно так же в прошлом, слова разных языков, которые имели одинаковую внешнюю форму, но разные значения, привлекали внимание лингвистов) адекватно решается и изучается не только на генетически родственных языках, но и на типологически несвязанных языках. Можно предположить, что ложные слова между родственными языками (например, словацкий – русский) работают по-другому, и иначе работают в генетически разных языках (например, словацкий – английский).

С точки зрения лингводидактики, проблематика межъязыковой омонимии – это сложный аспект. Цель сравнительного анализа в аспекте лингводидактики – определить в процессе перевода возможности трансформации языковых систем или установить степени близости отдельных элементов на родном и изучаемом языках как основу для подготовки материала к преподаванию иностранных языков.

Межъязыковая омонимия является проблемой не только для устных и письменных переводчиков, лингвистов, учителей и преподавателей иностранных языков, но и для обычных пользователей языка. В то же время можно предположить, что некоторые лексемы родственных языков перестроили свою семантическую структуру под влиянием межъязыковых отношений

омонимического характера, которые вызывают интерференцию.

Рецензируемый нами учебник *Učebnica slovensko-ruských a rusko-slovenských homonym* (Учебник словацко-русских и русско-словацких омонимов), изданный в 2021 году в чешском издательстве Tribun EU, является составной частью исследования научного грантового проекта VEGA 2/0067/18 *Medzijazyková homonymia v slovanských jazykoch*; (ВЕГА 2/0067/18 Межъязыковая омонимия в славянских языках), осуществляемого в Институте славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук в Братиславе в 2018–2021 гг., под руководством ответственного исполнителя Марии Кошковой, к.ф.н. Автором учебника является Филип Калаш, к.ф.н., один из исполнителей вышеуказанного проекта и одновременно сотрудник кафедры языкознания и переводоведения Факультета прикладных языков Экономического университета в Братиславе (Словацкая Республика). В предлагаемом студентам оригинальном учебнике автор затрагивает основную проблему – совершенствовать знания, умения и навыки в области межъязыковой омонимии между двумя близкородственными славянскими языками – русским и словацким.

Основная цель автора (как указано во введении) однозначна – надлежащим образом помочь словацким студентам-русистам, а также русскоязычным учащимся словакистики усовершенствовать свои знания в относительно сложном вопросе межъязыковой омонимии, особенно в двух близкородственных славянских языках – русском и словацком. Положительно оцениваем факт, что цель автора была полностью в представленном учебнике реализована.

При разработке учебного материала рецензируемого нами учебника автор опирается на существующие исследования, особенно из области языкознания, фразеологии, письменного перевода и методики преподавания иностранных языков, а также на свой собственный опыт из практики преподавания. Хочется отметить, что словацко-русский и русско-словацкий сопоставительный планы представляют собой соответствующий выбор методологии составления учебника, так как он предназначен неоднородным группам учащихся с разным уровнем владения русским и словацким языками (словацкие студенты-русисты – вторая часть уроков и русскоязычные студенты словакистики, а также русскоязычная публика – первая часть уроков).

Что касается уроков, то они, на наш взгляд, разработаны достаточно с подходящей, чётко

продуманной логической композицией. Положительно оцениваем единую структуру всех десяти уроков, а также их внутреннее разделение на словацкую и русскую части.

Неотъемлемой и существенной частью создания учебников иностранного языка являются упражнения. В рамках рецензируемой нами книги автор – Ф. Калаш – уделяет надлежащее внимание как подбору разных типов, прежде всего, языковых и речевых упражнений (они составляют одно компактное целое и уравновешены), упражнений для работы со словарём, так и их чёткому структурированию (каждая часть урока имеет единую схему). Приятно удивляет и тот факт, что вся предложенная система упражнений одновременно способствует развитию работы с текстом как таковым (с точки зрения методики мы имеем в виду дотекстовые и послетекстовые упражнения), несмотря на отработку основной лексики – омонимов и паронимов. Включение уже вышеперечисленных упражнений для работы со словарём (толковым или переводным) также является отличным решением автора рецензируемой книги. По поводу этого хочется добавить (и наш имеющийся опыт практики преподавания это доказывает), что у нынешних студентов не выработаны достаточные навыки работы, особенно не только с печатными толковыми, но и переводными словарями.

Что касается развития переводческой компетенции, положительно можно оценить включение значительного количества упражнений на перевод, являющихся составной частью всех уроков. На наш взгляд, включение данного вида упражнений, в основе которых лежит традиционный грамматико-переводный метод обучения иностранным языкам, все же оправдано в дополнение к другим методам обучения. В целом, можно отметить, что при тщательной отработке всего комплекса названных упражнений (верность некоторых можно проверить в ключе) для студентов будет обеспечена серьёзная подготовка и развитие как языковой, переводческой, фразеологической, так и речевой компетенций. В рамках данной части можно сделать вывод, что все упражнения с их практической направленностью (некоторые также в оригинальной и новаторской форме) явно положительно влияют на общий очень хороший уровень рецензируемого университетского учебника.

Достоинством рецензируемого нами учебника является также хороший подбор (преимущественно) монологических и диалогических текстов из различных сфер жизни, соответственно отражаю-

щих требования наших дней и современного литературного словацкого и русского языков. Приятно удивляет, что автор весьма уместно обратился к тренировке лексики омонимического и паронимического характера (он её выделил в текстах жирным шрифтом и курсивом), которая в последующих упражнениях многократно встречается с целью лучшего закрепления и запоминания.

Далее отмечаем, что учебник соответствует европейскому стандарту и составлен наглядно, доступно и привлекательно. Автор – Ф. Калаш – своей отличной работой способствует обогащению словацкой академической среды с относительно узким набором оригинальных учебников для вузовского обучения неоднородных групп студентов (на среднем и продвинутом этапах обучения) при изучении русского и словацкого языков как иностранных. Мы убеждены, что учебник, с момента своего издания, безусловно, уже в наши дни нашёл своих первых пользователей. И, наконец, хотелось бы выразить одобрение за ценную работу, которая ни в чём не отстаёт от современных тенденций и представляет собой положительный вклад в проблематику преподавания иностранных языков, акцентируя внимание на двух близкородственных языках.

Подводя итог сказанному, нужно подчеркнуть, что в лингвистике и методике преподавания близкородственных иностранных языков межъязыковая омонимия является сложным явлением, затрагивающим также различные сферы общества и вызывающим проблемы не только в преподавании иностранных языков, но и в повседневном общении.

С точки зрения формы, автор в данном рецензируемом учебнике использовал соответствующий стилю и грамматике русский и словацкий языки. Язык основных текстов соответствует тому уровню, кому учебник предназначен (средний и продвинутый уровень). Задания упражнений как на русском, так и на словацком языках понятны, чётки и грамматически правильны.

Графическая обработка, или пограничные элементы текста (паратекст) при создании (не только) учебников по иностранному языку также являются важным мотивирующим фактором для каждого читателя. Хотя паратекст и текстовые маркеры представлены в рецензируемом учебнике в меньшей степени, и кроме цветного оформления верхней обложки отсутствуют цветные фотографии, иллюстрации или пиктограммы, хочется сказать, что своего адресата учебник заинтересует и традиционным чёрно-белым оформ-

лением с единым видом шрифта, его разнообразным кеглем (в надписях текстов и указани-ем отдельных уроков в ключе), или оригинальной обработкой некоторых языковых упражнений в таблицах без выделенного фона или с мелким серым фоном.

Следует отметить, что в библиографии рецензируемой нами книги имеются некоторые погрешности, так как автор последовательно, но некорректно указывает библиографические данные (словацкий стандарт цитирования с указанием, например, автора, года, даты цитирования данной статьи и других реквизитов не соблюдается). Это, скорее всего, список источников, а не приведение данных специальной литературы. Кроме этого, Ф. Калаш мог именно в библиографии привести работы некоторых отечественных авторов, занимающихся в своих исследованиях проблематикой омонимии и паронимии в современных славянских языках, напр. работы Р. Гораковой, М. Панчиковой, Ю. Ванько, М. Лацковой, Т. Григорьяновой и др.

Несмотря на вышеуказанные мелкие недостатки, в заключение хочется отметить, что автор – Ф. Калаш – в рецензируемом нами учебнике *Učebnica slovensko-ruských a rusko-slovenských homoným* проявил глубокое знание сути проблематики обучения словацко-русским и руско-словацким омонимам и паронимам, большое мастерство и профессионализм. Кроме того, он продемонстрировал умение правильного отбора и адаптирования материала из разных современных (преимущественно) онлайн источников. Его работа имеет как большое практическое, так и научно-дидактическое значение. Кроме этого, рецензируемый нами учебник Ф. Калаша, безусловно, будет полезным помощником не только в процессе обучения словацких студентов-русистов, но также и для русскоговорящих учащихся, прибывших на территорию Словакии совсем недавно, или живущих здесь уже определённое время и желающих углубить свои знания словацкого языка.

В целом, положительный результат работы Ф. Калаша бесспорен и мы надеемся, что в ближайшем будущем автор нас порадует следующей актуальной, интересной и полезной публикацией. Желаем ему успехов!

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.1.13>

Ян Галло

Komunikácia ako kultúrna axióma cyrilo-metodskej misie v Európe

Knižná publikácia medzinárodne uznávanej slavistky a medievistky Slavia Bärliевой s názvom *Кирилومتодиевски мотиви в латинската и гръцката книжнина* (София: Българска академия на науките, Кирило-методиевски научен център, 2021) predstavuje významný príspevok k skúmaniu latinských a gréckych prameňov o byzantskej a latinskej písomnej tradícii o cyrilo-metodskej misii v slovanskom európskom prostredí.

Autorka knižnej publikácie profesorka Slavia Bärliєvová sa v Cyrilo-metodskom výskumnom centre Bulharskej akadémie vied v Sofii dlhodobo výskumne venuje hagiografiám a historiografii cyrilometodského obdobia v dejinách slovanskej kultúry. Na základe celého radu písomnej a literárnej dokumentácie vysvetľuje nielen vývin bulharskej, ale aj širšej slovanskej a v tom kontexte aj európskej kultúrnej identity ako hodnoty, ktorá sa stala východiskom uvažovania o tom, že slovanskí učitelia Cyril a Metod patria k pilierom či vzorom európskej pluralitnej kultúrnej komunikácie. Toto svoje poznanie autorka knižnej publikácie pretavuje do vedeckého ohľadu na slovanské písomné dedičstvo späť s Cyrilom a Metodom, ktorí pôsobili nielen na strednom Dunaji, na Veľkej Morave, ale svojím dielom prispeli najmä k rozvoju slovanského i širšieho európskeho kultúrneho a kresťanského civilizačného dedičstva. V aktuálnom kontexte môžeme v spojení s výskumom cyrilo-metodskej kultúry a písomníctva pritom uvažovať aj o ich inkluzívnom vnímaní partnerov vstupujúcich do komunikačnej stratégie, čo sa nakoniec odrazilo v rozmanitých dišputách podnes ovplyvňujúcich vzťahy medzi východom a západom. Tieto poznatky sú totiž dôležitým zdrojom pre vzájomnú toleranciu v komunikácii. Sama tolerancia je najvýznamnejším výdobytkom kultúry. Dobré poznali a uplatňovali vo vzťahoch s obidvomi religiózne i konfesionálne jedinečnými prostrediami Európy aj svätí slovanskí bratia Konštantín-Cyril a Metod, ten navyše aj vo funkcii veľkomoravského arcibiskupa.

Hľadanie koreňov kultúrnej komunikácie, ktorá je základom rozvoja kultúry, objavuje Slavia Bärliєvová v systematickom štúdiu prameňov opisujúcich cyrilo-metodské kultúrne dedičstvo. Zameriava sa pritom najmä na latinské a grécke pramene, ktoré ovplyvňujú myslenie najmä v západoeurópskej duchovnej a profánnej kultúrnej tradícii podnes.

Prítomná monografia, ktorej názov v slovenčine znie *Cyrilo-metodské motívy v latinských a gréckych literárnych pamiatkach*, je venovaná najmä takým

motívom, ktoré sa vyskytujú a opakujú permanentne, alebo v skúmaných prameňoch majú aj ďalšie dôležitejšie komunikačné funkcie a hodnoty. Pre ich inovatívnu interpretáciu je nevyhnutné poznať komunikačný rozmer vzťahov európskeho východu a západu. Východiskom pre pohľad do tejto zložitej problematiky sú pre S. Bärliєvovú latinské a grécke cyrilo-metodské písomné pramene, ktoré sa šírili a uplatňovali v celej kresťanskej latinskej i byzantskej Európe. Nie sú to len najstaršie pramene o živote a pôsobení slovanských apoštolov, ale aj celý rad informačne bohatých a textovo rozsiahlych prameňov o ich živote, odkaze, úlohe, poslaní a tradícii v rozmanitých konfesionálne, kultúrne a národne vykryštalizovaných prostrediach kresťanskej Európy v súčasnosti. V tomto zmysle sú grécke a latinské pramene podnes používané v západoeurópskom kultúrnom kontexte nevyhnutné aj pre poznanie a výskum ďalších inovatívnych úvah o textoch pamiatok zapísaných vo vernakulárnych liturgických (cirkevná slovančina) alebo ľudových jazykoch, pričom skutočným základom ich poznávania je cyrilo-metodská hodnotovo orientovaná komunikačná tradícia.

Výskum prameňov tak ukazuje, že je základom, ktorý do veľkej miery môže obmedziť rozmanitú a dnes rozšírenú mytologizáciu cyrilo-metodského dedičstva, ktorá nijako nesúvisí s ich odkazom, lebo nevznikla v úzkom spojení s jedinečným fenoménom európskosti kultúrneho myslenia či s rozvojom a kontinuovaním odkazu tohto dedičstva. Mytologizácia, resp. mýtizovanie cyrilo-metodského odkazu je nenáležité, lebo jeho temporálnosť a súčasná existencia vychádzajúce z účinkovania svätých bratov v centre Európy ukazuje na neustále opakujúci sa, ale príznakový jav nenaplnenej komunikácie, keď sa naráža na bariéry v dôsledku množstva nekvalifikovanej komunikácie. Nespôsobuje ju teda deficit poznatkov, ani ich forma šírenia v rozmanitých jazykoch, ale tento deficit je v nerovnováhe hodnôt vstupujúcich do obsahu i formy komunikácie.

Práve písomné pramene sú plné dôkazov o komunikačnej nerovnováhe a rozmanitých stratégiách demytologizácie obsahov cyrilo-metodského odkazu. V dnešnom sociolingvisticke chápanom spektre výskumov by sme možno začali uvažovať aj o pragmalingvistických výskumoch na materiáli stredovekých prameňov. Obsah výskumu prameňov ako komunikačných kanálov medzi minulosťou a prítomnosťou však ukazuje, že práve výskum založený na kritickom skúmaní komunikačného obsahu prameňov je obrazom cyrilo-metodskej kultúry.

Cyril a Metod, slovanskí apoštolom rovní učitelia a krstítelia, zakladatelia prvej slovanskej abecedy, otovia slovanského písomníctva – takto ich predstavuje nielen slovanská, ale aj paneurópska kultúrna tradícia a ukazuje ich aj ako svätých bratov. Úcta k nim je však len jedným z vonkajších fenoménov či prejavov, ktoré poznáme vďaka cirkevnej alebo štátnej kultúre.

Cyril a Metod sú však od roku 1980 oficiálne vyhlásení za európskych patrónov. Učínili tak už slovanský pápež Ján Pavol II., keď ich pripojil k zakladateľovi západného kontemplatívneho mníšstva svätému Benediktovi z Nursie. Tito traja svätci západu i východu Európy pripomínajú európskemu svetu, že už nastal čas, aby sa na komunikačný odkaz Cyrila a Metoda nazeralo ako na fenomén paneurópskej kultúry a axiologický model pluralitnej komunikácie, ktorý podporuje nielen náboženskú toleranciu, ale aj kultúrnu rozmanitosť a rovnosť, inklúziu i uvedoméle chápanie rozmanitého európskeho kultúrneho bohatstva. Na to, aby sme sa dostali k tomuto vytúženému cieľu, je potrebné štúdium prvotných prameňov. Až tak možno v nich vyskúmať, analyzovať a interpretovať motívy komunikačnej stratégie, ktoré sa rozvíjali v prospech perspektívy slovanskej kultúry, v prospech európskej jednoty v rozmanitosti národného, jazykového a kultúrneho myslenia a identity, teda v zmysle cyrilo-metodského odkazu.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.1.14>

Peter Žeňuch

K otázke o formovaní kresťanskej identity západných Slovanov

DRAGNEA, M.: Christian Identity Formation Across the Elbe in the Tenth and Eleventh Centuries. New York – Bern – Berlin – Brusells – Vienna – Oxford – Warsaw: Peter Lang, 2021, 122 s.

V roku 2021 vo vydavateľstve Peter Lang vyšla v rámci novej edície o obrátení na kresťanstvo v Škandinávii a Pobaltí v r. 800–1600 knižná práca *Christian Identity Formation Across the Elbe in the Tenth and Eleventh Centuries*, ktorej autorom je Mihai Dragnea, vedecký pracovník University of South-Eastern Norway v Norsku.

V tejto knihe sa M. Dragnea zaoberá kristianizáciou Venétov a odrazom tejto historickej skutočnosti v dielach kresťanských spisovateľov 10. a 11. storo-

čia. Autor si kladie otázku, čo bolo zmyslom kresťanstva: Bola to len otázka prijatia viery a sviatostí, alebo toto pokresťančenie malo aj politický rozmer. Vzápätí si odpovedá, že títo Venéti, ktorí žili na hranici s Frankami, sa prijatím krstu účinne začlenili do priestoru s novými kultúrnymi podmienkami. Autor týmto svojím tvrdením potvrdzuje notoricky známy fakt, že stredoveký svet funguje na protiklade *svoj a cudzí*, v ktorom základným kritériom bolo kresťanské vierovyznanie. Opakom kresťanského sveta a teda aj nepriateľom bolo akékoľvek spoločenstvo založené na pohanských základoch. Kresťanský a pohanský svet existovali nezávisle, hoci niekedy dochádzalo k ich stretávaniu. Najväčším ohrozením tohto poriadku bolo prípadné odpadnutie novopokrstených spoločenstiev od viery, čo mohlo spôsobiť narušenie integrity spoločnosti a štátnosti. V tomto kontexte zachovanie viery u Slovanov bolo jedným z hlavných úloh vtedajších kresťanských autorít. Autor poukazuje na duchovný rozmer tejto úlohy, komentuje rozličné historické aspekty ich života a spolunažívania.

Publikácia sa skladá zo siedmich kapitol, obsažnejšej sumarizácie a menného registra. V úvode autor poukazuje na historické súvislosti spolunažívania franských kresťanov s nepokrstenými susednými slovanskými kmeňmi v období panovania dynastie Karolovcov. Upozorňuje však aj na to, že Ottonovské kráľovstvo sa transformovalo na kresťanskú ríšu podľa modelu Karola Veľkého, pričom dodáva, že budovanie kresťanskej identity východných susedov bolo úlohou ich cirkvi. V tomto kontexte doboví autori museli nájsť odpoveď na otázku súvisiacu s ich vlastnou kresťanskou identitou, aby neskôr mohli túto skutočnosť vysvetľovať tým, ktorých chceli pokresťaniť, teda Ľutičom, Obotritom, lužickým Srbom a ďalším západoslovanským kmeňovým spoločenstvám.

V ďalšej kapitole autor sa venuje Venétom a na základe dobovej literatúry (napríklad čerpá z Adama Brémskeho) charakterizuje ich samopomenovanie, obydlia a mestá. Hovorí, že Venéti svojimi kultúrnymi a sociálnymi charakteristikami sa odlišovali od východných a južných Slovanov. Nespomína tu však Samovu ríšu a ani Nitrianske kniežatstvo ako príklady vysokej úrovne organizácie štátnosti u západných Slovanov.

Tretia kapitola o kresťanstve v polabskom priestore sa zameriava na počiatky kresťanstva u lužických Srbov. M. Dragnea poukazuje na to, že súvislosti s prijatím kresťanstva od Frankov neboli jednoduché, lebo sa vyžadovalo nielen ohlasovanie právd viery, ale aj istú sociálnu náuku a záruku katechumenov viest' život podľa kresťanských pravidiel. Iba tak sa mohli títo katechumeni stať kresťanmi, lebo prijatie kresťanstva

si žiada aj zmenu každodenného života. Upozorňuje tu na zachované historické svedectvo o tom, že lužickí Srbi komolili liturgickú formulku *kyrie eleison* a skôr sa z obradu vysmievali. Poukazuje na postavu istého Bosa, ktorý preložil texty bohoslužby na slovanský jazyk pre lepšie pochopenie. Okrem iného M. Dragnea uvádza, že príčina, pre ktorú bola liturgia v slovan-skom jazyku neskôr zakazovaná, súvisela s tým, keď pápež nepoznájúc slovanský jazyk a hlaholské písmo sa obával, že bez jeho dohľadu slovanskí kňazi upadnú do herézy. Poukazuje na úlohu Vojtecha z Magdeburgu, Bosa z Merseburgu, Ota z Bambergu, Vicelina z Oldenburgu a Evermodu z Ratzeburgu pri šírení kresťanstva v prostredí Slovanov ešte pred príchodom svätých bratov Cyrila a Metoda na Moravu, o ktorej však v práci Dragnea nenájdeme ani zmienku.

Štvrtá kapitola sa venuje modlárstvu Venétov, čiže ich pohanským zvykom, ktoré aj napriek kristianizácii pretrvávali. Autor poukazuje na povstanie roku 983, v rámci ktorého Venéti vyhnaní predstavi-ateľov saskkej cirkvi a svetskej správy zo svojho úze-mia na znak nesúhlasu s platením vysokých daní. Zdôrazňuje politický kontext kristianizácie Venétov: zároveň s náboženstvom prišla aj povinnosť po-slušnosti a platenia tribútu cisárovi a podriadenosti s platením desiatku franskej cirkvi. Toto povstanie niektorí doboví autori vnímali ako odpadnutie od viery. Túto tézu autor ilustruje na príklade navráte-nia pohanského sviatku Hromníc, ktorému v kresťanskej tradícii zodpovedá sviatok Stretnutia Pána (2. februára), ktoré sa spája s obradom očisťovania Bohorodičky. Vyhnanie saskkej sľachty však neznamenalo apostázu.

V ďalších dvoch kapitolách autor poukazuje na to, ako sa pohanské veštenie a obetovanie zviera-t zmenilo na prorokovanie, a ako cieľené vykoreňovanie hlbokých predkresťanských tradícií malo smerovať k upevneniu viery. Opisuje prax losovať o pravde v súdnych rozhodnutiach a iné praktiky a rituály pohanského pôvodu, ktoré sa aj naďalej používa-li v slovanskom prostredí. V poslednej kapitole hovorí o sakrálnnej pevnosti Retra ako o možnom neskoropo-hanskom centre u Ľutičov. Na záver autor konštatuje, že Venéti boli skôr odpadlíkmi od kresťanskej viery ako novopohanmi v modernom slova zmysle, pouka-zuje pritom na politický rozmer zápasu medzi Sasmí a Venétmi, ktorý sa odohrával pomocou nábožens-kých argumentov.

M. Dragnea vo svojom výskume interpretuje nie-ktoré staré latinské spisy o Slovanoch, čo robí jeho prácu zaujímavou. Treba však upozorniť na to, že pri interpretácii rozmanitých dobových zdrojov je vhodné uvádzať originálny text i jeho preklad. Iba tak sa dá po-

skynúť širšej čitateľskej a odbornej verejnosti možnosť konfrontácie vlastného názoru s konštatáciami autora. Otázka písomného jazyka Slovanov nie je podstatnou pre danú publikáciu, no keďže autor hoci okrajovo od-kazuje na kontroverzné pohľady F. Curtu, pričom zdô-razňuje, že staroslovenčina sa vyvinula neskoršie ako v desiatom storočí, je nevyhnutné toto Dragneovo tvr-denie uviesť na pravú mieru a odporučiť autorovi, aby sa zoznámil aj s tvorbou popredných paleoslavistov, napríklad J. Kurza, J. Stanislava, M. Weingarta, R. Ve-čerku, S. Bärliевой, A. Turilova a mnohí iní. Repre-zentujú moderný západný prístup k slavistickej prob-lematike sa autor prakticky až na pár výnimiek snaží obísť slovanskú slavistickú vedeckú literatúru.

Autor zdôrazňuje, že kniha nemá za cieľ vyplniť medzeru v poznávaní osobitostí religiozity Venétov a tohto ich obrazu v latinských prameňoch. Ponúka však vysvetlenie kontextov, v ktorých sa formovala pohansko-kresťanská synkretická identita Venétov.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.1.15>

Svetlana Šašerina

Zo zasadnutí Slovenského komitétu slavistov

V dňoch 25. februára a 21. marca 2022 sa uskutočnili dve zasadnutia Slovenského komitétu slavistov (SKS), na ktorých sa prerokovala správa o činnosti komitétu spolu s revíznou správou a voľ-bou nového člena SKS. Druhé zasadnutie SKS sa uskutočnilo v súvislosti s výberom a prípravou re-ferátov slovenských slavistov na 17. medzinárodný zjazd slavistov, ktorý sa uskutoční v Paríži v dňoch 28. augusta – 1. septembra 2023.

Predseda SKS prof. Peter Žeňuch predniesol správu o činnosti komitétu za aktuálny rok jeho činnosti. Poukázal na účasť SKS pri vydaní ôsmeho zväzku edície *Monumenta byzantino-slavica et lati-na Slovaciae*, ktorý obsahuje transliterované vyda-nie edukačnej príručky Michala Bradáča z 18. storo-čia. Tento zväzok edície sa zameriava na slovanský kultúrno-historický rozmer v cirkvi byzantského i latinského obradu v Uhorsku. M. Bradáč vníma byzantsko-slovanskú i latinskú cirkev ako dôležitý prvok duchovného spojenia Slovanov v Uhorsku, pričom poukazuje na ich autochtónnosť a na pretr-vávajúcu starobylú synergiu byzantskej a latinskej konfesionálnej tradície v prostredí pod Karpatmi.

V rámci svojej vedeckovýskumnej činnosti sa komitét spolupodieľal aj na organizovaní medzinárodnej vedeckej konferencie s názvom „Obraz krízy v jazyku a kultúre“, ktorá sa aj napriek rozvíjajúcej sa pandemickej situácii uskutočnila prostredníctvom platformy zoom dňa 8. júna 2021. Konferencia sa na príklade zlomových dejinných situácií zamerala na hľadanie ponaučení zo skúseností predkov pri riešení rozmanitých aspektov interpretácie krízy. V rámci konferencie sa slovenskí i zahraniční referenti zhodli na tom, že krízu možno vnímať ako príležitosť pre revitalizáciu hodnôt rodiny, duchovného myslenia, tradície a dejinných skúseností. Z konferencie sa prednesené referáty podarilo vydať v monotematickom čísle časopisu *Slavica Slovaca* (2021, roč. 56, č. 3; http://www.slavu.sav.sk/casopisy/Slavica_2021_3.php). V súvislosti s vedeckým tlačovým orgánom komitétu časopisom *Slavica Slovaca* predseda SKS zopakoval známe skutočnosti, že tlačové i elektronické ISSN časopisu je od roku 2019 opätovne zaregistrované na Slovenský komitét slavistov, čo vyplýva aj z dodatku k zmluve medzi Slovenským komitétom slavistov a Slavistickým ústavom Ján Stanislava (SÚJS) SAV (z 5. novembra 2019) a zo Zásad publikačnej a recenznej etiky časopisu prijatých v auguste 2019 členmi redakčnej rady časopisu. Zároveň zdôraznil, že časopis má zameranie, ktoré vyplýva z vedecko-organizačnej funkcie Slovenského komitétu slavistov a z vedeckovýskumného zamerania pracoviska, s ktorým má SKS podpísanú dohodu o zabezpečovaní priestorových, technických a iných podmienok súvisiacich s jeho činnosťou. Od prvého čísla 56. ročníka (2021) redakcia sprístupňuje plnotextové verzie jednotlivých čísel časopisu prostredníctvom identifikátora DOI a pristúpila aj k relevantnej úprave internetovej stránky časopisu tak, že každú štúdiu časopisu si záujemcovia môžu prečítať a stiahnuť v plnom formáte (samostatne). V elektronickej knižničnej databáze CEEOL a EBSCO je možné tiež získať fulltextové verzie článkov hneď po ich vydaní. Anglické abstrakty článkov sú sprístupnené aj v databáze CEJ-SH. Na stránke SÚJS SAV sú voľne prístupné všetky čísla časopisu od roku 1997 s plným obsahom štúdií, článkov, recenzií a správ publikovaných v jednotlivých číslach časopisu vo formáte pdf. Osobitne treba upozorniť na skutočnosť, že redakčná rada časopisu sa na návrh Slovenského komitétu slavistov a po rokovaní s vedením spoluvydavateľ-

skej organizácie SÚJS SAV dohodla na tom, že od prvého čísla 56. ročníka (2021) dôjde k rozšíreniu redakčnej rady o dvoch domácich členov (z Katoľickej univerzity v Ružomberku a z Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici) a od 57. ročníka (2022) aj k rozšíreniu o troch členov z Talianska, Litvy a Ukrajiny. Záujem o spoluprácu na časopise z uvedených prostredí vznikol s prihladením na postavenie časopisu v medzinárodnej vedeckej komunite slavisticky orientovaných časopisov, čo dokazuje evidencia časopisu *Slavica Slovaca* v medzinárodných databázach a tiež priznanie štatútu relevantného slavistického publikačného periodika z hľadiska Medzinárodného komitétu slavistov, ktorý časopis *Slavica Slovaca* v roku 2016 zaradil k medzinárodným interdisciplinárnym slavistickým periodikám v globálnom kontexte, o čom svedčí aj jeho zaradenie v databázach Scopus a Erih Plus.

V správe o činnosti predsedu SKS zhrnul aj dôvody, pre ktoré sa neuskutočnil Tretí kongres slovenských slavistov v roku 2021, ktorého organizovanie bolo naplánované v spolupráci so SÚJS SAV. Predchádzajúce dva kongresy slovenských slavistov (2011 a 2015) sa uskutocnili práve v úzkej spolupráci so SÚJS SAV. Aktuálne pandemické opatrenia v kontexte rozvíjajúcej sa tretej vlny pandémie COVID-19 na Slovensku koncom roka 2021 i obmedzené finančné možnosti spôsobili, že sa plánovaný Tretí kongres slovenských slavistov neuskutočnil. Plánujú sa však pripravené referáty v podobe vedeckých štúdií publikovať v časopise *Slavica Slovaca*. V rámci kongresu bolo naplánované aj zasadnutie predsedov komisií zriadených pri Medzinárodnom komitéte slavistov. Predsedovia komisií sa na zasadnutí zišli v online forme a diskutovali o štatúte komisií zriadených pri MKS, ktorý koordinátor komisií P. Žeňuch začal pripravovať hneď po skončení 16. medzinárodného zjazdu slavistov v Belehrade v roku 2018. Práve na belehradskom zjazde vznikla otázka o organizačnom smerovaní komisií, ktoré zohrávajú dôležitú úlohu pri organizovaní slavistických výskumov nielen vo filológii, ale aj v iných vedných oblastiach slavistiky. Východisko štatútu tvoria rámcové zásady komisií (Ramowe zásady dzialania komisji afiliowanych przy MKS) pripravené prof. Stanislavom Gajdom a prijaté v Otočci v roku 2003. Z rámcových zásad činnosti komisií pri MKS a z jednotlivých ustanovení Štatútu Medzinárod-

ného komitétu slavistov bol vypracovaný súčasný „Štatút komisií pri Medzinárodnom komitáte slavistov“, ktorý bol prerokovaný a schválený predsedami komisií pri Medzinárodnom komitáte slavistov na online zasadnutí dňa 26. októbra 2021. Organizovanie tohto zasadnutia bolo plne v réžii Slovenského komitétu slavistov.

Po prezentácii činnosti SKS sa na online zasadnutí Slovenského komitétu slavistov dňa 25. februára 2022 prerokovala aj správa o hospodárení SKS. Správu prečítala Helena Rummelová a obidve prítomné revizorky prof. Júlia Dudášová a dr. Anita Račáková správu o hospodárení odporučili schváliť.

K obidvom správam prebehla diskusia a následne boli správy konsenzuálne schválené prítomnými členmi Slovenského komitétu slavistov.

V ďalšej časti zasadnutia sa uskutočnila voľba nového člena SKS namiesto zosnulého PhDr. Jána Jankoviča, DrSc. Predsedníctvo SKS predložilo kandidatúru doc. PhDr. Zvonka Taneského, PhD., na nového člena SKS za literárnovednú slavistiku. V diskusii odznali podporné stanoviská k tejto kandidatúre, a tak na základe hlasovania SKS jednomyseľne zvolil Z. Taneského za svojho člena za literárnovednú slavistiku. SKS zároveň poveril svojho predsedu oznámiť túto skutočnosť novozvolenému členovi.

V ďalšej časti rokovaní prebiehala obsiahla diskusia k výberu prihlásených referátov na 17. medzinárodný zjazd slavistov v Paríži v roku 2023. Rokovanie k tejto téme pokračovalo aj dňa 21. marca 2022.

Na základe kritického výberu referátov z predložených prihlášok bolo vybraných 14 referátov a 2 posterové prezentácie (uvádzame ich v abecednom poradí podľa priezviska referenta, v zátvorke za názvom referátu sa uvádza číslo a názov tematickej oblasti podľa schválenej tematiky zjazdu):

1. Baláková, Dana, doc., PhDr., PhD. – Kováčová, Viera, doc., PhDr. PhD. (Filozofická fakulta Katolíckej univerzity v Ružomberku): Z výsledkov slovanského (slovensko-česko-ruského) výskumu biblickej frazeológie (1.6.3 frazeológia slovanských jazykov)
2. Golema, Martin, prof., PaedDr., PhD. (Filozofická fakulta Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici): K litanicko-repetitívnej tendencii v jarných veľkopôstnych dievčenských obradoch a hrách (2.7.3. Dialóg medzi Východom a Zápa-

dom v slovanských literatúrach a kultúrach)

3. Grešlík, Vladislav, doc., ArtD. (Filozofická fakulta Prešovskej univerzity): Signované alebo datované ikony z východného Slovenska a ich význam v medziregionálnom kontexte (16.–19. storočie) (2.7.3. Dialóg medzi Východom a Západom v slovanských literatúrach a kultúrach)
4. Hríbová, Marína, Mgr. PhD. (Slavistický ústav Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied, v.v.i., v Bratislave): Reč Slovákov v bývalej Juhoslávii po viac ako polstoročí od výskumu Jozefa Štolca (1.7 Interdisciplinárny výskum slovanských jazykov)
5. Letz, Róbert, prof., PaedDr., PhD. (Pedagogická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave): Zbožnosť ako charakteristická črta slovenského národa a Slovanov (3.1.2. Slavistika v kontexte dejín školstva a vývinu pedagogických ideí).
6. Liashuk, Viktória, doc., CSc. (Filozofická fakulta Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici): Konfesionálny štýl ako typologický parameter spisovného jazyka: ruština, bieloruština, ukrajinčina, slovenčina, čeština a poľština (1.6.5. Teoretické a metodologické aspekty lexikálnych, sémantických a štylistických výskumov slovanských jazykov.)
7. Šašerina, Svetlana, Mgr., PhD. (Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, v.v.i., v Bratislave): O čom učia poučiteľné evanjelia (2.3.2. Žánre stredovekej literatúry)
8. Taneski, Zvonko, doc. PhDr., PhD. (Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave): Slovensko-južnoslovanské literárne vzťahy po roku 1989: (E)migračné procesy v južnoslovanských literatúrach a ich prekladová reflexia na Slovensku (2.8.4. Problémy utečenectva/vyhnanstva/(e)migrácie v slovanských literatúrach a kultúrach)
9. Valentová, Iveta, Mgr., PhD. (Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, v. v. i., v Bratislave): Substantívum BABA a jeho deriváty v slovenskej anojkonymii a v slovníku Lexika slovanských terénnych názvov (1.4.2. Onomastická lexikografia)
10. Vráblová, Timotea, Mgr., PhD. (Ústav slovenskej literatúry SAV, v. v. i., v Bratislave): Čas a jeho existenciálny presah v poetike veľkonočných ľudových piesní a protestantských piesní v slovanských evanjelických kancionáloch 17. storočia (2. Literatúra, kultúra, folklór).

13. Žeňuch, Peter, prof. PhDr., DrSc. (Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, v. v. i., v Bratislave a Ústav filologických štúdií Pedagogickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave): Cyrilské pramene na Slovensku ako svedectvo o pluralite každodennej kultúry: slovensko-slovanské súvislosti (2.7.3. Dialóg medzi Východom a Západom v slovanských literatúrach a kultúrach).
14. Žeňuchová, Katarína, doc. Mgr., PhD.; (Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, v. v. i., v Bratislave): Terminologická ekvivalentnosť žánrového zaradenia textov démonologickej prózy (História žánrovej terminológie v slovenskej folkloristike) (2.9.3. Mytologické predstavy v slovanskom folklóre)
Posterové prezentácie:
15. Belicajová, Laura, Mgr. (Slavistický ústav Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied, v. v. i., v Bratislave): Stromy: Vplyv slovanskej mytológie v ľudovom katolicizme (2.9.3 Mytologické predstavy v slovanskom folklóre)
16. Polgáryová, Paulína, Mgr. PhD. (Slavistický ústav Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied, v. v. i., v Bratislave): Cechové artikuly: Slovensko-Nemecké vzťahy v 16.–18. storočí (1.2.1 Vývin a rozvoj slovanských jazykov v kontexte jazykových kontaktov)

Povinnosťou referenta na 17. MZS je predniesť prihlásený referát podľa programu, ktorý zverejní Medzinárodný komitét slavistov. Je nevyhnutné poskytnúť organizátorom zjazdu rozšírené tézy referátu na publikovanie na internetovej stránke zjazdu v rozsahu stanovenom organizátormi, ktorý nepresahuje 5 normovaných strán (9000 znakov). Rozšírené tézy referátov v stanovenom rozsahu treba poslať emailom do 1. apríla 2023 na emailovú adresu slavpeze@gmail.com. Rokovacími jazykmi zjazdu sú všetky slovanské jazyky, francúzština, angličtina a nemčina.

Referát prednesený na Medzinárodnom zjazde slavistov je možné v podobe vedeckej štúdie publikovať v niektorom domácom alebo zahraničnom vedeckom zborníku alebo periodiku s dedikáciou 17. medzinárodnému zjazdu slavistov v Paríži (28. augusta – 1. septembra 2023). Separát publikovaného príspevku je potrebné zaslať Slovenskému komitétu slavistov v Bratislave a Slovanskej knihovni v Prahe.

Slovenský komitét slavistov poskytne priestor na publikovanie predneseného referátu v podobe vedeckej štúdie v časopise *Slavica Slovaca* (slavicaslovaca@gmail.com).

Termín na odovzdanie rozšírených téz na publikovanie na stránke 17. medzinárodného zjazdu slavistov v Paríži je 1. apríla 2023. Predbežný formát na úpravu rozšírených téz je nasledovný: 1. Priezvisko, meno; 2. Akademické zaradenie, akademické pôsobisko (pracovisko); 3. Emailová adresa; 4. Poštová adresa; 5. Číslo a názov tematickej oblasti podľa tematiky zjazdu; 6. Názov referátu (v jazyku, v ktorom bude prednesený, a v svetovom jazyku); 7. Anotácia referátu (500 znakov v svetovom jazyku); 8. Rozšírené tézy (do 9000 znakov s medzerami; v prípade posterových referátov do 1000 znakov s medzerami) v ktoromkoľvek z rokových jazykov zjazdu (francúzsky, anglický, nemecký a všetky slovanské jazyky).

Slovenský komitét slavistov na svojom zasadnutí dňa 21. marca 2022 prijal aj konsenzuálne vyjadrenie k otázke, o ktoré všetky národné slavistické komitety požiadali organizátori 17. medzinárodného zjazdu slavistov v Paríži listom dňa 10. marca 2022.

Otázky organizátorov 17. medzinárodného zjazdu slavistov v Paríži na jednotlivé národné komitety vznikli v nadväznosti na inváziu ruských vojsk na územie Ukrajiny, čo bola pre nás všetkých šokom. Slovenský komitét slavistov odsúdil túto vojnu a vyjadril sa za jej okamžité skončenie a na výzvu organizačného výboru 17. MZS o zrušení alebo presunutí slavistického zjazdu v Paríži, resp. o účasti alebo neúčasti ruských a bieloruských slavistov na tomto svetovom slavistickom zjazde prítomní členovia Slovenského komitétu slavistov na svojom online zasadnutí dňa 21. marca 2022 prijali konsenzuálne vyjadrenie, ktorým podporili konanie 17. medzinárodného zjazdu slavistov v stanovenom termíne v zmiešanej dištančno-prezenčnej forme. Zároveň zdôraznili, že spôsob výberu referátov, ktorý je určený organizátormi medzinárodného zjazdu slavistov, garantuje vysokú vedeckú kvalitu. Vedecký výskum je a aj naďalej musí ostať maximálne objektívny a nepolitický a nesmie diskriminovať odborníkov na základe ich jazykovej alebo národnej príslušnosti. Členovia Slovenského komitétu slavistov zároveň pripomenuli, že na 11. medzinárodnom zjazde slavistov v Bratislave v roku 1993 sa zúčastnili všetci pri-

hlásení slavisti z bývalej Juhoslávie, ktorá sa v tom čase zmietala v občianskej vojne. Zároveň poukázali na to, že po 11. medzinárodnom zjazde slavistov nedošlo k žiadnym zásadným štrukturálnym či ideovým zmenám v činnosti a organizácii medzinárodných zjazdov slavistov. Všetky tieto hodnotové princípy organizácie slavistických zjazdov musia zostať prioritne demokratické a pluralitné.

Slovenský komitét slavistov aktuálnu diskusiu na tému organizovania slavistického zjazdu vníma najmä v kontexte divergentných smerovaní slavistickej vednej disciplíny, pričom zdôrazňuje, že slavistka musí aj v tomto zložitom čase naplňať svoju hodnotovú komunikačnú misiu.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.1.16>

Peter Zeňuch

CONTENT

STUDIES

A. I. ILIADI – I. V. ZHYHORA: The «Road, Crossing and Lands beyond the River» Triad in the East Slavic Ritual Texts: Lexics, Semantics and Pragmatics	3
M. VOJTEKOVÁ: New Feminities in the Polish Language.....	21
N. KONDRATENKO: Inaugural Speech as a Speech Genre of Presidential Rhetoric in Ukrainian and Slovak Political Discourse.....	33
J. KREDÁTUSOVÁ: From a Comparative Study on the Mentality of Slovaks and Ukrainians: The Image of Slovaks in Slovak and Ukrainian Texts of National Corpora	47

REVIEW ARTICLES

S. TEMCHIN: The 1563 Ruthenian Translation of the Czech Lucidarius: Its Textual Structure and Composition.....	58
K. KAZARINOVA: <i>John 20.19–31</i> in Ruthenian Didactic Gospels of the 16 th –18 th Centuries: the Identification of Textual Groups.....	63
S. ZHURBA – S. BORODITSA: Artistic Model of Time and Space in the Novels of Volodymyr Lys.....	71

REPORTS and REVIEWS

M. KUSÁ: For Ján Jankovič.....	81
A. BRANDNER: One hundred Years Ago, Professor Roman Mrázek was Born	82
Z. SLOBODOVÁ: DORUEA, J.: O slovensko-nemeckom spolunažívaní v 16.–18. storočí	84
P. ŽEŇUCH: DOBRÍKOVÁ, M. (ed.): <i>Philologica LXXVIII.</i>	87
H. DUDA: GALEWSKA, K.: Wtórne użycie nazw własnych na przykładzie języka polskiego, angielskiego i chińskiego	89
J. GALLO: KALAŠ, F.: Učebnica slovensko-ruských a rusko-slovenských homoným.	91
P. ŽEŇUCH: БЪРЛИЕВА, С.: Кирилometодиевски мотиви в латинската и гръцката книжнина	94
S. ŠAŠERINA: DRAGNEA, M.: Christian Identity Formation Across the Elbe in the Tenth and Eleventh Centuries.....	95
P. ŽEŇUCH: From the Meetings of the Slovak Committee of Slavists	96

SLOVENSKÝ KOMITÉT SLAVISTOV

SLAVISTICKÝ ÚSTAV JÁNA STANISLAVA SAV, v.v.i., BRATISLAVA

SLAVICA SLOVACA, ročník 57 (2022), č. 1.

Vychádza: 1. číslo v júni, 2. číslo a 3. číslo spolu so 4. (supplementum) v decembri.

VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, CSČ SAV, v.v.i., Dúbravská cesta 9, 845 02 Bratislava.

Tel.: 02/20920203, e-mail: vedasav@savba.sk.

Distribúcia / Distributed by:

Slovart G. T. G., Krupinská 4, P. O. Box 152, 852 99 Bratislava

ISSN 0037-6787

Časopis je evidovaný: Scopus, CEJSH, C.E.E.O.L., ERIH PLUS, SJR, ProQuest, EBSCO